

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

4/2022

Содержание

ПРОЗА

- Игорь НАЗАРОВ. Талифа-куми. Детективная повесть.** 3
Александр ГОЛУБЕВ-КУРИЛЬСКИЙ.
Багровые паруса безумия. Рассказ. 98
Валерий КОПНИНОВ. Пломбир и брюссельская капуста.
Рассказ. 113

ПОЭЗИЯ

- Александр РАДАШКЕВИЧ. Вино весны обетованной. Стихи.** 93
Валерий ЛОБАНОВ. Электричка на Можайск. Стихи. 109
Александр ФРАНЦЕВ. Ничейное место. Стихи. 130

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Пятилетие «Сибирских огней». Торжественное заседание,**
посвященное пятилетию журнала «Сибирские огни»,
21 марта 1927 г. в Новосибирске. Стенограмма. Окончание. 133

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Сергей ПАПКОВ. Чекист Пастаногов на крутых горках**
сталинской политики. 151

Народные мемуары

- Яна ГЛЕМБОЦКАЯ. Свои.** 165

Литературная премия «Иду на грозу»

- Евгений ОФИЦЕРОВ, Петр МУРАТОВ. Ученый.** 179

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

- Владимир ЧИРКОВ. О пассионарности как духовном «влечении»**
Константина Войнова. Искусствоведческие письма. 188

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Игорь НАЗАРОВ

ТАЛИФА-КУМИ

Детективная повесть

1.

Нельзя сказать, что это лето на юге Западной Сибири было очень уж жарким, но в тот июньский день, ближе к обеду, солнце сильно припекло небольшой городок, что в незапамятные времена как-то умудрился втиснуться в небольшую долину, зажатую со всех сторон мохнатыми от тайги горами.

Долина была вытянутой, и городку, конечно, ничего не оставалось, как вытянуться тоже. Он был длинный, но худой. Поэтому мохнатые горы подступали близко к каждой улице и каждому зданию, что очень украшало городок. Например, с летней крытой веранды кафе «Калзагай» горы были видны просто замечательно и настойчиво просились на фото для календаря или на поздравительную открытку.

Веранда, благоухавшая запахом кедра, из которого была сделана, почти пустовала. Только ближе к краю, в том месте, где тень от крыши темной шалью прикрывала пол, сидел за крепким деревянным столиком мужчина. Лет так за пятьдесят, плотный, можно даже сказать, что и толстый. Одетый в джинсы и рубашку серого цвета.

Перед ним на столе стояли высокий стакан и бутылка минералки. Мужчина взял бутылку, опрокинул ее над стаканом и слегка поморщился, увидев, как мало живительной влаги у него осталось. Он выпил то, что удалось нацедить, и громко позвал:

— Таня!

На веранде появилась невысокая молодая официантка:

— Что, Сергей Викторович?

— Танюша, еще минералочки принеси, будь ласкова. И пепельницу.

Официантка удалилась. Быстро вернулась и, поставив на стол пепельницу и запотевшую бутылку, спросила:

— Ждете кого-то или так?

— У меня здесь свидание. — Мужчина открыл минералку и стал наполнять стакан. — С молодой девушкой.

— Поздравляю! — улыбнулась Татьяна. — С красивой?

Мужчина отпил минералки и, глядя за спину официантки, кивнул:

— Ага. Очень красивой.

Официантка обернулась и увидела, как к веранде подходит высокая блондинка в коротком красном платье.

— Таня, — сказал мужчина, — принеси нам кофейку. Ну и... пирожных каких-нибудь, что ли. Надеюсь, девушки по-прежнему любят сладкое.

Потом окликнул блондинку:

— Девушка, вы не меня ищете?

Та подняла солнцезащитные очки на лоб, прищурясь посмотрела на него, улыбнулась и легко взбежала по ступенькам.

— Если вы Сергей Викторович Журавленко, то вас.

— Это я. — Он поднялся и протянул девушке ладонь. — А вы...

— Зовите меня Эльвира, — пожимая ему руку, опередила она вопрос.

Журавленко кивнул, чуть отодвинул стул, помогая гостье сесть, и, усаживаясь сам, сказал:

— Вижу, вы натуральная, природная блондинка. Редкость в наших краях. Здесь всё больше крашенные.

— У меня мама из Прибалтики. — Эльвира покопалась в сумочке. — Вот вам моя визитка.

— Не надо, — повел рукой Журавленко. — Мне уже сказали, что вы из журнала «Приключения и фантастика».

— Читали нас?

— Даже слышу впервые. Но скажу, что у вас очень упрямый главный редактор. Я вполне разборчиво послал его по телефону в пим дырявый. Так он вышел на наше областное управление, и оттуда настойчиво попросили все-таки дать вам интервью.

— Не сердитесь, Сергей Викторович, — улыбнулась девушка. — Если бы вы знали, как трудно искать жизненный материал для журнала с таким названием! Все больше сами выдумываем всякие дикие истории и подаем читателям как быль.

— Ах, как стыдно, Эля!

— Ой, не говорите! Поэтому как же мы могли упустить возможность поговорить с таким человеком, как вы? Так что не сердитесь, прошу вас.

— Мужчине в моем возрасте, Эля, очень трудно сердиться на молодую и красивую девушку. Ваш редактор знал, кого посылать.

Эльвира милой гримаской показала, что она смущена и польщена одновременно.

— Но! — продолжил Журавленко. — Все же передайте ему, что излишняя настойчивость иногда может повлечь за собой совсем иные последствия. Куда менее приятные и для него, и для журнала.

— Обязательно передам, Сергей Викторович. А вы, пожалуйста, поговорите со мной. Расскажите про интересное. Не зря же я в такую даль ехала.

— Да что интересного вы во мне нашли? — пожал Журавленко плечами.

— Ну как же! Начальник уголовного розыска в таком месте, — она повела вокруг руками, — непременно знает что-нибудь интересное, таинственное и, что крайне важно, правдивое. Если не вы, то кто, Сергей Викторович?

— Очень не хотелось бы разочаровывать такую милую девушку, но...

— И не надо, Сергей Викторович! Не разочаровывайте.

— Ведь вы же наверняка ждете от меня что-то вроде детектива. Историю, где есть ужасное и таинственное преступление, желательно убийство... Спасибо. — Последнее относилось к официантке, которая поставила на столик перед ними две большие чашки с ароматно дымящимся капучино и сахарницу. — Историю, по ходу которой сыщики перебирают улику за уликой и так, от зацепки к зацепке, блеснув дедукцией и интуицией, выходят на след преступника. В конце хорошо бы погоню со стрельбой. Если не ошибаюсь, детективы — они вот так и выглядят.

— Было бы неплохо такое от вас услышать, — улыбнулась журналистка. — Нашим читателям понравится такая история. Если люди любят выдуманные детективные рассказы, представьте, как им придется по душе реальный!

— Придется выдумывать, — сказал Журавленко. — Потому что за тридцать лет работы в местном угрозыске лично я ни с чем подобным не сталкивался.

Он насыпал в кофе сахара, глотнул, насыпал еще и пояснил:

— Люблю сладкое. В моем возрасте следить за формой глупо, а диабет я заработать просто не успею. Вот и наслаждаюсь. — Он отхлебнул кофе. — Понимаете, Эля, работа в полиции — это все равно что на конвейере. Та же рутина. Те же стандартные, много раз повторяемые операции. Никаких тайн, никаких загадок. В большинстве случаев преступник, а особенно убийца, известен практически сразу.

— Почему?

— Да потому что совершение преступлений — это тоже конвейер. Будь ты трижды криминальный гений, все равно не выдумаешь ничего, что до тебя предыдущие криминальные гении не проделали бы уже тысячи раз. И не заехали бы на нары — тоже тысячу раз. Прогуляйтесь к любому районному суду. Ежедневно оттуда в сторону тюрьмы отъезжают «воронки» с очередной партией идиотов, думавших, что уж кого-кого, а их-то точно не поймают, а поймают — не докажут. Теперь у всех у них есть срок.

— И все-таки, — Эльвира подалась вперед, — неужели вообще ничего интересного или таинственного — хотя бы чуть-чуть! — вам не встретилось?

— Чуть-чуть таинственного? — Журавленко внимательно посмотрел в глаза собеседнице. — У вас интересные для блондинки глаза, Эля. Карие. У природных блондинок такие почти не встречаются. Как так вышло?

— М-м-м... Загадка! — рассмеялась та.

— Ага. Ну вот, одну тайну мы уже нашли. А вы почему не угощаетесь ничем? Кушайте пирожное, пейте кофе. Вы же не завтракали. Проголодались, небось?

— Откуда вы знаете, завтракала я или нет?

— Мне положено. Вы не завтракали, Эля. Вы оставили вещи в гостинице, долго бродили по городу, а потом пришли сюда.

— Вы следили за мной? Зачем, Сергей Викторович? — Девушка придвинула тарелочку с пирожным, чайной ложечкой сняла часть масляной розочки и, отправив ее в рот, с веселым укором посмотрела на Журавленко.

— Нет, не следил. Просто город маленький. Кстати, не представляю, что в нем можно рассматривать с утра и до обеда. Он вам так понравился?

Эльвира пожала плечами:

— Город как город. А вот местность вокруг замечательная! Тайга. Горы... — Она вдруг рассмеялась. — Не может быть, чтобы в такой местности — и без таинственных детективных историй! А, Сергей Викторович? Если уж где им и происходить, то только здесь.

Она кивнула головой в сторону поросшей лесом горы, на которую открывался такой красивый вид с веранды.

Журавленко посмотрел на эту гору, потом на журналистку.

— Да. Это вы верно подметили. У нас здесь масса тайн и загадок. Вашему журналу хватит на целый год. Хотите, расскажу вам про йети?

— Ну, Сергей Викторович! — жалобно сморщилась Эльвира. — Если я, потратив такие командировочные, привезу историю про йети, редактор сам превратится в йети. И сожрет меня. Ну или уволит. Кому они сейчас нужны-то, эти ваши йети?

— А про динозавра? У нас тут неподалеку таежное озеро. Карагай называется. Так там прошлой осенью динозавра видели.

— Вы?

— Нет. Творческая интеллигенция. Из областного центра приехали порыбачить писатель, художник и актер драмтеатра. А так как они хоть и интеллигенция, но все-таки творческая, то выпитую водку мерили ведрами. Ну и вот, как утром третье ведро распочали, он и всплыл.

— Динозавр? — захохотала Эльвира.

— Ага. Точнее — плезиозавр.

— А породу-то как установили?

— Так эти рыбаки и определили. Они же хоть и творческая, но все-таки интеллигенция. Ну и вот, высунул плезиозавр голову из воды, посмотрел вокруг, обматерил рыболовов и «погрузился в пучины Карагая», как выразились они в своем заявлении...

Журналистка поперхнулась кофе:

— Они и заяву в полицию накатали?!

— А откуда иначе я про это знаю? Хотите, я вам копию дам? На статью хватит.

Эльвира отставила чашку с кофе, упрямо качнула головой и сказала:

— Нет, Сергей Викторович. Я хочу историю, в которой участвовали лично вы. Понимаете? Не мифологическую, не зоологическую и не алко-голическую, а детективную.

И мило улыбнулась.

Журавленко улыбнулся в ответ, залез рукой в карман джинсов, достал пачку сигарет.

— Ответьте мне на несколько вопросов, Эля. — Он щелкнул зажигалкой, затянулся, выпустил облачко ароматного дыма. — И если мне понравятся ваши ответы, то дальше вопросы будете задавать только вы.

— То есть тогда вы расскажете?.. — Девушка подалась вперед.

— Угу, — кивнул Журавленко.

— Я так и знала, что у вас имеется какая-то загадочная история! — победно заявила Эльвира и решительно трянула головой. — Задавайте ваши вопросы!

— Почему люди так любят всякие таинственные истории?

— Ну, это просто. Потому, что в таинственных историях есть загадка.

— Верно. А сейчас вопрос посложнее. Сколько тайн должно быть в истории, чтобы эта история понравилась вашему читателю?

— Это тоже просто, Сергей Викторович. Если история короткая, то тайна должна быть только одна. А все остальное в истории должно быть читателю ясно и понятно.

— А почему?

— Чтобы, отталкиваясь от ясного и понятного в рассказе, читатель попробовал сам разгадать тайну. Иначе ему будет скучно.

— Опять верно.

— Вот видите, Сергей Викторович, какая я умница! — Эльвира достала диктофон и положила на столик. — Я прошла экзамен?

Журавленко посерьезнел, и лицо его как будто напряглось. Не наморщилось, не окаменело, а именно напряглось.

— Прошли, — сказал он. — Сейчас я закажу нам еще кофе и расскажу одну историю. Но, Эля, это будет очень скучная история. Потому что в ней не одна, а много тайн. Собственно, в ней вообще не будет ничего, кроме тайн и темных пятен. И чем дальше, тем больше. Ни одной разгадки, ни одной зацепки, ни одного намека, ничего даже полупонятного.

— Она произошла с вами?

— Да. Это из моей практики. Так мне рассказывать?

В ответ Эльвира щелкнула кнопкой диктофона.

2.

— Это произошло недавно, летом две тысячи двадцатого года, — начал Журавленко. — И началось все у подножия вон той горы, на которую вы, Эля, только что показывали... — Он немного помолчал и добавил: — А может быть, началось в этом кафе и за этим же столиком, где мы сейчас сидим. Позже поймете, почему я так думаю, а пока это неважно.

В тот день мой сотрудник, Семен Корнилов, отправился разбираться с одним происшествием, случившимся на Афоном лугу, что километрах в пяти от этой горы. Лугов, пригодных для сельского хозяйства, у нас тут, в связи с особенностями местности, очень немного, потому за этот Афонин луг шла постоянная борьба между одним фермерским хозяйством и соседним колхозом. Ну а накануне фермеры этот луг у колхозников выиграли...

— В суде?

— Зачем в суде? Прямо там, на лугу, и выиграли. Они, видите ли, с помповиками приехали, а колхозники — только с дрекольем. Вот я и направил туда Семена с задачей разобраться и объяснить доходчиво и наглядно местному контингенту дозволенные способы борьбы за собственность. Как он выполнил эту задачу, я вам рассказывать не буду, к нашей истории это отношения не имеет. А только возвращался в город Семен уже под вечер.

Если судить по его рапорту, он примерно в восемнадцать тридцать, проезжая мимо леса у подножия горы, решил остановиться и набрать в лесу своим детям земляники, которая уродилась в тот год на диво. Вот, значит, останавливает он полицейскую «ниву», выходит из нее, прихватив пакет, и идет в лес...

Журавленко закурил.

— Он в рапорте написал, что заметил-то ее не сразу. Одежда у нее для зеленой полянки, можно сказать, маскировочную окраску имела. Минут, наверное, через десять только ее увидел...

— Кого, Сергей Викторович?

— Девушку, Эля, девушку. Мертвую. Она лежала на другом краю поляны. Там, где как раз подъем в гору начинается. Скорее не лежала, а полусидела, привалившись к сосне. На девушке была юбка и ветровка цвета морской волны. С травой сливаются, не сразу и увидишь. Если бы не было на ней черных лосин, может, Семен бы и вовсе не заметил ничего. А как он тело увидел, сразу понял — мертва.

— Как это?

— Да уж, Эля, опытному глазу это сразу видно. Объяснить не могу, а только по-особому мертвые лежат. Насмотришься трупов, сколько мы на своей работе насмотрелись, с живыми никогда не перепутаешь.

Семен пакет с клубникой, конечно, немедленно на траву кинул и пистолет достал. Передернул затвор и медленно-медленно стал к телу приближаться. Зачем пистолет, спросите? А если девушка убита и убийца еще здесь? Прячется где-нибудь. Вокруг лес. А убийца ствол, корочки полицейские и автомобиль ой как могут пригодиться! Да и вообще — в лесу больше всего надо бояться не зверей и не лешего с кикиморой, а людей. Вот идете вы по лесу, допустим, и слышите голоса людские. Прячьтесь немедленно! Если оружие есть, наизготовку его возьмите.

— Не знала. А зачем так строго?

— Сами посудите, идут незнакомые вам люди, неизвестно откуда, неизвестно куда, с неизвестными вам целями. И лес вокруг. Они сделают

с вами все, что захотят, и уйдут по лесу дальше. Их потом не найдешь. Да и вас, может быть, тоже. Так что от людей в лесу держитесь подальше.

Ну а Семену держаться подальше служба не позволяла. Подкрался он к телу и быстро произвел первичный осмотр. Пульс поискал — а вдруг все же жива. Нет, мертва, правда, еще немного мягкая. Хотя челюсть уже не двигается. Значит, трупное ооченение начинается. И следовательно, умерла она два-три часа назад. От тела через поляну по направлению к городу полоса немного примятой травы. Возможно, она шла сюда именно этим путем. Больше Семен ничего трогать не стал, а поспешил к машине, где была рация, и минут через тридцать на месте уже работала оперативная группа. С ней прибыл и я.

Возни с мертвым телом много, Эля. Про все процедуры рассказывать я вам не буду, там ведь более сорока различных операций надо прямо на месте провести. Пока эксперты трудились у трупа, делали снимки, описывали одежду и ее положение на теле, изымали образцы почвы и так далее, я с помощью кинолога и его собаки попробовал проследить последний путь несчастной. Собака от тела след взяла уверенно, провела нас до края поляны именно по той измятой полоске травы, потом продрались мы сквозь кустарник, затем по полю — и вышли на перекресток, к проселку, что по северной окраине города тянется. Там собака след потеряла. Немного мы с этой прогулки получили, но хоть что-то. Можно было предположить, что пришла погибшая сюда из города.

Кто мог подумать, что на этом вся определенность в этом деле и кончится! Раз и навсегда.

Когда мы с перекрестка возвращались на место происшествия, я рассчитывал, что с тела уже подняли уйму различных вещей и установить личность погибшей будет пара пустяков. Так почти всегда бывает. Много в наше время носят люди с собой бумажных и электронных предметов, позволяющих быстро о них данные собрать. Но в этот раз...

В кармане ветровки погибшей обнаружили три пятитысячные купюры. И все. Документов нет. Смартфона нет. Банковских карточек нет. Ключей, дисконтных карт, транспортных билетов, кассовых чеков — нет, нет и нет. Сумочки тоже нет. А ведь погибшую никто не грабил. Деньги в кармане и золотой медальон в виде пятиконечной звезды с камнем в центре, на золотой же цепочке, сохранились. Никаких следов насилия или борьбы. Никаких внешних повреждений тела.

А ближе к полуночи, после вскрытия, обнаружилось, что, помимо прочего, у нас и причины смерти нет.

— Первый раз такое вижу, — призналась мне наш эксперт Танечка Земцова. — Никаких патологических изменений внутренних органов. Если бы можно было человека просто взять и выключить, как смартфон, я бы сказала, что ее выключили.

— Яд? — предположил я.

Эксперт пожала плечами:

— Ни в крови, ни в волосах, ни в образцах тканей мы никаких ядов не нашли. Я, конечно, пошлю их в область на повторную экспертизу. Но

знаешь, любой яд вызывает изменения в организме. А тут... абсолютно здоровая девочка.

Короче говоря, к утру у нас было следующее. Имелся труп девушки восемнадцати — двадцати лет, рост сто семьдесят пять сантиметров, вес около пятидесяти килограммов, правильного телосложения, регулярного питания. Время наступления смерти — часа в четыре — полпятого полудни. Последний раз пищу она принимала примерно за час до гибели. Следов насилия нет, внешних и внутренних повреждений нет. Никаких предметов, позволяющих узнать о потерпевшей хоть что-нибудь, обнаружить также не удалось. Хотя мы ту поляну несколько раз вдоль и поперек прочесали. И саму девушку никто из наших не знал. А такую не заметить трудно. Видная девочка. Фигуристая такая блондиночка. Была бы местная, знали бы. Городок-то маленький.

Логично было предположить, что она приезжая. Ну мы и предположили. Такая версия давала нам кое-какие шансы.

Места наши, как видите, будто специально для туристов созданы. Красота, природа, чистый воздух. Однако летом приезжих сравнительно мало. У нас тут горнолыжный курорт. Что на нем летом делать? А зимой турист прет потоком. Попробуй в потоке разгляди отдельного человека: когда он прибыл, откуда, на чем и с кем... Можно, конечно. И, если надо будет, разглядим. Однако летом это сделать стократ легче.

Журавленко чуть усмехнулся.

— Да, легче. А мы не смогли. Автовокзал — никто погибшую не видел. Жэ-дэ вокзал — тоже ноль. На посту ГИБДД взяли изображения с видеокamera, чтоб узнать, какие машины в город приезжали за последние сутки. Благо въезд всего один. Разыскали все машины — и опять пусто! Как по воздуху эта девушка к нам прилетела. Кстати, от отчаянья и эту версию отработали: не появлялась ли, часом, какая-нибудь «вертушка». Не появлялась, к сожалению. Да ведь и это еще полбеды! — Он пристукнул ладонью по столу. — Может, она к нам пешком пришла, мало ли. Но ее ведь и в городе никто не видел! Ни в гостиницах, ни в кафе, ни на улице не сталкивался никто. Короче говоря, сутки прошли, а у нас все еще ни малейшей зацепки не было.

— Вы вот это все, о чем сейчас рассказали, всего за один день проделали, что ли? — Эльвира удивленно приподняла брови.

— Не за день, Эля, а за сутки. Ночь тоже в дело пошла. И не один угрозыск занимался, конечно. Участковых подключили, патрульных, ГИБДД — всех, кого можно. ФСБ помогала по своим линиям. Всё без толку. Всё! Отпечатки пальцев погибшей ни в одной картотеке не значились. А никаких других «пальчиков», кроме ее собственных, ни на ее вещах, ни на теле не было. Даже почва на подошвах ее туфелек — только наша, местная. Тогда, думаем, выходит, она туфельки-то у нас и купила. А как иначе? Отработали. Мимо. Ни в магазинах, ни на рынке ее никто не видел. Да и туфель такого цвета и фасона в город не завозили.

На второе утро сидим мы с парнями у меня в кабинете. Вымотанные, высосанные. Кто-то дрыхнуть на диван завалился. Двое суток на ногах, тут свалишься. Я молчу. Думаю. Осознать пытаюсь, как такие наши усилия могли даром пропасть. А Семен Корнилов разговаривает с моим замом Костей Мееровичем.

— Мне эта поляна сразу странной показалась, — говорит.

— Это чем? — спрашивает Меерович, а сам лениво так медальон той девушки в руках крутит, будто прочесть на нем чего хочет. — Поляна как поляна. Тут таких мильен.

— Так-то оно так, — говорит Семен. — Только насекомых там слышно не было. Ни пчелы не жужжали, ни кузнецы не стрекотали.

— Да ты не слышал просто.

— Нет! — упорствует Корнилов. — Это если бы они стрекотали, то я бы не услышал. Потому как привычный звуковой фон. А тишину там, где должно быть шумно, всегда услышишь.

Я его спрашиваю:

— И к чему ты это?

— Так, — пожимает Семен плечами. — Может, там газ какой? Изпод земли. Бывали же случаи.

— Ну а что, — говорю, — давайте анализ воздуха сделаем. Может, хоть причину смерти установим.

— Да бросьте вы, — говорит Меерович, а сам медальон зачем-то аж к глазам поднес. — Если бы на поляне газ какой-нибудь был, сейчас бы вся опергруппа, что там работала, уже в больничке лежала.

— Разовый выброс, — не сдается Семен.

— Ну откуда здесь выброс газа? У нас тут что, шахты брошенные имеются? Скажите мне лучше, чего она вообще на эту поляну пошла? Да еще и по бездорожью. Земляники захотелось?

— Костя, — говорю я своему заму. — Ты у нас, блин, такой умный, что аж непонятно, как тебя до сих пор за границу не украли. Ты мне про нее хоть что-нибудь скажи! А лучше побольше, побольше! Нам мало два, нам дай шашнадцать. Вот когда мы будем про нее знать, и не просто знать, а знать с большой буквы «зю», вот тогда скажем ей: «Талифа-куми!» И она сама нам все расскажет. И зачем на поляну пошла, и откуда шла, и что ее убило.

— А вот сейчас кое-что, наверно, и расскажу, — говорит Меерович и нажимает на один из лепестков медальона-звездочки.

Щелчок легкий — и камень медальона вбок отошел. Мы подпрыгнули. Даже те, кто спал, проснулись.

— Я такие штуки в Иерусалиме видел, — говорит Меерович и нежно-нежно, двумя пальцами, вытаскивает из медальона трубочку бумажную. — Только не в продаже, а в музее истории «Башня Давида». — Разворачивает бумажку и продолжает: — В отделе, посвященном крестовым походам. — Кладет бумажку перед нами на стол. — Латынь кто-нибудь знает?

С таким же успехом он мог перед баранами новые ворота поставить.

3.

— Удача, Эля, как и беда, одна никогда не ходит. Не успели мы эту бумажку досконально рассмотреть, как ввалился в кабинет один наш участковый. И объявляет нам...

— Подождите-подождите, Сергей Викторович! — перебила его журналистка. — Вы мне про бумажку поподробней расскажите.

— Про бумажку? Я про нее хотел чуть позднее. Сначала про то, что нам околоточный в клюве принес.

— Околоточный?

— Участковый, по-старому.

— Нет-нет-нет, Сергей Викторович! Вы уж давайте все по порядку. А то вдруг я запутаюсь. — Эльвира обаятельно улыбнулась. — Значит, на бумаге был латинский текст?

— Да. Рукописный. И, даже на наш необразованный взгляд, очень старый. Определенно видно было, что это не самостоятельная записка, а клочок, вырезанный из какого-то текста. Семь сантиметров в длину и три в ширину.

— А что написано было? Неужели знатока латыни не смогли найти?

— Эля! — покачал головой Журавленко. — Знатока мы нашли и текст прочитали, но вы же сами просили: все по порядку. А по порядку у нас сейчас идет участковый с его известием.

— Лучше про текст, Сергей Викторович! — сложила умоляюще руки Эльвира.

— А текст, вернее его копия, тоже по порядку ушел в областной центр. На романо-германский факультет нашего университета. С просьбой рассказать нам про него все, что только можно.

— И они рассказали?

— Ну не дураки же там сидят. Однако это было чуть позднее. А сейчас, стало быть, участковый уполномоченный...

— Сергей Викторович...

— Все по порядку, Эля, — отверг Журавленко мольбу. — А то вдруг вы запутаетесь. Сами расстроитесь, редактора огорчите.

Журналистка откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

— Как у вас глаза сверкнули, Эля! — засмеялся Журавленко. — Они у вас еще красивей становятся, когда вы злитесь. Будь у вас еще и волосы черные, я бы вас попросил на картах мне погадать.

— И не испугались бы? — серьезно спросила Эльвира.

— Чего, Эля?

— А вдруг я нагадаю вам бубны по затылку да пиковый интерес в брюшную полость?

Журавленко снова рассмеялся и закурил:

— Такое мне много раз предсказывали. Но я не понимаю, почему вы на меня рассердились? Сами же просили про интересное и по порядку. Я и пытаюсь. Могу перестать.

— Ну что вы, Сергей Викторович! — Эльвира снова подалась вперед и улыбнулась. — Я больше не буду. Простите меня и продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо. Поведал нам участковый, что получил он от одного человечка информацию, будто видели эту девчонку в день смерти на улице Есенина. А с ней рядом был некий Виктор Комаров. Он же вор-рецидивист по кличке Комар.

Эльвира чуть приподняла брови.

— Ага, — заметил это Журавленко. — Даже вы удивились. А уж мы-то как удивлены были!

Дело в том, что Комар тогда в тюрьме был. И, по моим подсчетам, должен был там еще года полтора сидеть. Неужели побег? А почему мы ничего не знаем? Кого о таких вещах в первую голову информировать, как не нас? Но как бы то ни было, неужели сегодня сможем одним махом и розыскное дело закрыть, и побег прервать?

В общем, поспешил я немедленно к дому Комара. На улице только только рассвело. Еще не все даже на работу выдвигались, а я уже к своей цели подходил. И прямо тут же, у подъезда, на Комара и наткнулся. Идет веселый такой, оживленный, как крыса на колбасном складе. Я ему до рогу преградил.

— Ого, — говорю, — Комар! Какая встреча! А ты как здесь? Ты же сидишь.

— Как видишь, стою, — отвечает.

— Это-то я вижу. Но, мне кажется, ты сейчас в другом месте стоять должен. В строю на утренней поверке. Разве нет, Комар?

— Там я свое уже отстоял, — говорит Комар, бумажку из кармана достает и мне протягивает.

Взял я эту бумагу, уже догадываясь, что там. Развернул. Это была справка об условно-досрочном освобождении.

Комар руку за справкой тянет, а я ее аккуратно обратно свернул, но не отдаю.

— В чем дело? — недовольно спрашивает Комар. — Что тебе не так, Журавленко?

— Да понимаешь, в чем дело, Комар, — говорю ему, задумчиво справкой по своей ладони постукивая. — Мы тут некоторое несоответствие имеем. Между словом и делом. Судя по тому, что в этой справке написано, ты твердо встал на путь исправления. А дела твои с написанным не бьются.

— Да я ничего еще не натворил! Три дня назад только приехал, — возмутился тот.

— Вот именно, Комар, — отвечаю. — Целых три дня! И вместо того, чтобы немедленно обменять эту бумажку на паспорт гражданина Российской Федерации, ты за бабами ухлестывать стал.

— За какими бабами? Ты чё?

— Блондинка, — говорю. — Молодая. Красивая. В ветровке, короткой юбке, лосинах и туфлях на высоком каблуке. Всё, кроме лосин,

цвета морской волны. Лосины черные. Тебя с ней видели. Как раз три дня назад. На Есенина.

— И чего? Это преступление, что ли?

— Пока не знаю, Комар. Расскажи мне про нее. Кто такая? Как познакомились? О чем говорили?

— Я не обязан тебе ничего рассказывать, — злится Комар. — Ты справку отдай!

Я его слегка за грудки взял:

— Ты, Комар, так дерзко не разговаривай. А то сейчас здесь произойдет еще один возмутительный факт полицейского беспредела, в результате которого кто-то окажется в КПЗ. И этим кем-то точно буду не я. Усек?

Комар сник. А я его продолжаю мотивировать:

— Давай рассказывай, Комар. Лучше сам. Так всем легче будет, поверь.

— Да не трогал я ее! — говорит Комар. — И кто ее убил, не знаю. Я ее вообще больше никогда не видел. Ты же знаешь, Журавленко, я не то что завалить, я в жизни не порезал даже никого.

— А с чего ты взял, что ее убили? — удивился я.

— Да про это весь город знает, — качает головой Комар. — Так что не поймашь меня на слове.

— Вон в чем дело, — говорю. — Теперь мне понятно твое поведение.

Сунул я ему справку в руку. Он на меня посмотрел удивленно. А я говорю:

— Не было там убийства, Витя. Естественная смерть. Вот мы и ищем, кто она да откуда. Чтоб родственникам сообщить. На ней ни документов, ничего. Не найдем родню, ее в безымянной могиле экскаватором закопают. Жалко же девчонку. Вить, будь человеком, расскажи, что про нее знаешь!

Комар закурил и говорит:

— Ничего не знаю. Вот веришь, — руку к сердцу приложил, — вообще ничего! Первый и последний раз видел.

— Ну скажи хоть, о чем говорили.

— Да мы и не разговаривали, в общем-то. Я увидел — девка красивая. Решил подъехать. Она меня тут же и отшила.

— Что сказала?

— Ничего. Взглядом отшила. Посмотрела так, что мне знакомиться сразу расхотелось. А захотелось, наоборот, уйти далеко и быстро.

— Так страшно посмотрела?

— Да не страшно. А как-то... — Комар задумался. — Вот как-то так посмотрела, что я и объяснить не могу. Вроде и не страшно, а спрятаться хочется. Я правду говорю, поверь. Вот те крест, правду!

— Верю, Вить, верю, — говорю я и жму ему руку. — Ладно. Ступай по своим делам. Паспорт получить не забудь.

— Так я за ним и иду, — улыбается Комар.

И уходит. А я ему поверил. Полностью поверил. Чуйка ментовская шевельнулась во мне и подсказала, что на сей раз что-то совсем непо-

нятное пришло в наш город. Даже не просто непонятное, а Непонятное с большой буквы.

И Комар тут точно ни при чем. Может, и сам он еще удачно отделался. Потому как, Эля, в Непонятное не только жало свое совать нельзя, но и рядом стоять опасно. Ибо на дне любого Непонятного в три слоя лежат трупы любопытных, ну и тех, кто чисто посмотреть подошел. Потому и не люблю я в Непонятное лезть. Там ведь непонятно даже, где начинается Непонятное. А уж где оно заканчивается... — Журавленко махнул рукой. — Можешь и не успеть узнать.

— А вы и не лезли бы, Сергей Викторович. — Эльвира медленно покрутила пальчиками опустевшую кофейную чашку. — Зачем оно вам?

— Эх, Эля, Эля! — вздохнул Журавленко. — Сказать сыщику: «Не лезь в Непонятное» — все равно что сказать алкоголику: «Не пей водку». И знаешь, что вредно, а ничего поделатъ с собой не можешь. А намек я ваш понял. — Он кивнул на чашку. — Кофе я сейчас нам еще закажу. Это будет очень к месту, потому что подошло время познакомиться вас еще с одним немаловажным свидетелем.

— Это с кем?

— Сейчас увидите. Танюша! Еще кофейку сделай, пожалуйста!

Пока официантка меняла пустые чашки на полные, Журавленко молча наблюдал за ней, а когда она удалилась, кивнул вслед:

— Вот этот свидетель. Она тут и официант, и бармен. В день, когда мы обнаружили труп, была ее смена. Утром она сменилась и уехала за город. На дачу. Через два дня вернулась и узнала из объявлений, что мы ищем любую информацию о такой-то девушке. Ну и позвонила нам: «Эта девушка была в нашем кафе в тот день».

Надо ли говорить, как быстро я примчался сюда? Но и здесь ничего особенного не узнал. Погибшая действительно пришла в это кафе примерно в час дня. Села вот за этот самый столик, на это самое место, где сейчас сижу я. Заказала чашку кофе и хот-дог «Тажный» — тот, в который кладут папоротник. Ни с кем не общалась, никому не звонила, и ей никто. Да и вообще смартфона в ее руках Таня не видела. Девушка просто сидела, пила кофе, курила и молча смотрела на гору. У подножия которой через пять с половиной часов ее обнаружат мертвой.

Журавленко помолчал. Глотнул кофе, снова закурил, достал смартфон и стал искать в нем что-то, одновременно продолжая говорить:

— Удача еще чуть-чуть улыбнулась нам. Дело в том, что, пока девушка была здесь, к Татьяне заходила подруга. Они сделали селфи, и та девушка попала в кадр. Таня слала мне фото на смартфон. Посмотрите.

Он протянул журналистке смартфон. На фото были смеющиеся лица подруг, а на заднем плане, вполоборота к камере, за столиком сидела девушка. Левая рука ее была засунута в боковой карман ветровки, а правая, с зажатой между пальцами тонкой коричневой сигаретой, лежала на столе безвольно вытянутая. Будто брошенная плеть. Девушка смотрела за кадр.

— Вы сольете мне это фото? — тихо спросила Эльвира, возвращая смартфон.

— Конечно. Сейчас сделаю, — кивнул Журавленко и, копаясь в смартфоне, продолжил:

— Когда девушка ушла, Таня не заметила. Но говорит, что просидела та не меньше часа. Таня отвлеклась на что-то, обернулась, а ее уже нет. На столе пустая чашка из-под кофе, недоеденный хот-дог, скуренная до фильтра сигарета в пепельнице и сто двадцать пять рублей монетами на листочке со счетом... Готово, фото теперь у вас. — Журавленко вернул смартфон в карман. — Больше ее живой никто в городе не видел. Но теперь ее последний путь мы могли восстановить. Она вышла из кафе и прошла вон между теми двумя домами. Только так можно быстро исчезнуть из виду, если уходишь отсюда. Потом шла, не сворачивая, до городской окраины, выбралась из города, дошла до перекрестка проселков. Дальше девушка круто сворачивает с дороги. Идет по лугу, продирается сквозь кусты на ту самую поляну, пересекает ее и садится у сосны. Не падает бездыханная, нет, — тогда на теле были бы синяки и царапины, а их-то и не нашлось вовсе. Она аккуратно садится. Сидит так с полчаса или чуть больше. И умирает.

4.

После этого за столиком некоторое время молчали. Журналистка внимательно смотрела на фото у себя в смартфоне, а Журавленко разглядывал ее лицо.

Потом сказал:

— Видите, Эля, как оно иной раз в жизни бывает? Вроде и много, а равно нулю. За половину того дня мы узнали об этой девушке больше, чем за два предыдущих. А по сути-то, что у нас прибавилось? Ноль был, ноль и остался.

Журналистка подняла глаза от смартфона с таким видом, будто не ожидала, что с ней кто-то заговорит. Потом спрятала смартфон в сумочку и спросила:

— Теперь, может быть, к той бумажке перейдем, а?

— Пока нет, Эля, — выставил ладонь Журавленко. — Мы с вами все еще в тех самых сутках, в которые записку и обнаружили. Она в тот день только в университет ушла. А день-то продолжался. И без событий в нем не обошлось.

Эльвира вздохнула и покорно сложила руки на столе.

— И вот что я вам скажу, — продолжил Журавленко. — Если в начале дня удача манила нас кокетливой улыбкой, то после обеда стала откровенно и ехидно насмехаться.

Возвращаюсь я из кафе в отделение, а мне навстречу начальник нашего ОБЭП.

— О, Журавленко! — говорит. — Какие люди — и не в Голливуде! Можно поздравить?

- Это с чем? — спрашиваю.
- Тебе не доложили, что ли?
- Про что, блин?
- Ну так убийца же той девчонки нашелся!
- Убийца? Нашелся?
- Сам пришел. Сейчас у Мееровича «чистуху» пишет.

К себе на второй этаж я летел через ступеньку. Неужели правда это просто убийство? Но как в кабинет к Косте Мееровичу ворвался, так сразу понял, и какое это убийство, и что за убийца тут сидит и кается, и почему мне Костя не счел нужным звонить и докладывать.

Понимаете, Эля, какое странное явление с гражданами бывает... Стоит случиться громкому делу, так непременно сразу валом прут свидетели, которые ничего толком не видели, а только чего-то там слышали. Либо, что еще хуже, припрется какой-нибудь черт — сам на себя наговаривать. Иной раз столько времени драгоценного тратишь, чтоб их заведомо лживые показания отработать!

Вот и здесь был явно такой случай. Сидит у стола на табурете худенький паренек. Лет двадцати — двадцати пяти. Голову свесил, руки между коленей опустил. Молчит.

А Меерович в воспитательных целях следователя НКВД перед ним изображает. Лампа на столе в морду подследственному светит. Слева от Кости пачка «Беломора» и коробок спичек лежат. А справа — чай в стакане со старинным подстаканником. Костя в полной тишине чай этот помешивает, стараясь ложечкой посильней о стакан звякать, и смотрит на подследственного с суровым презрением.

Меня увидел, по стойке смирно за столом встал, гимнастерку невидимую оправил и докладывает:

— Товарищ начальник, преступник изобличен и написал чистосердечное признание!

— Садитесь, — говорю Мееровичу и подхожу к столу.

— Гражданин Луганов, — говорит Костя, — повторите подполковнику Журавленко то, что вы мне только что рассказали.

— Я ж написал все, — бормочет тот и головой на бумагу со своим чистосердечным признанием кивает.

Меерович ложечку в стакан бряк!

— Гражданин Луганов, я вам второй раз, — подчеркнуто вежливо, — предлагаю повторить свои показания!

Ну тот и начал повторять. Таковую ересь нес! С первых фраз стало ясно, что он девушки той и в глаза-то не видел никогда, не то чтобы в лес затащить и задушить, как он рассказывал. Затащил он, блин! Да его самого того и гляди ночью мыши в норку затащат.

Я взял листок с его признанием. Что он говорил, то там и было написано.

Участливо спрашиваю его:

— Это вы сами написали? Добровольно?

Он кивает головой.

— Вас били? — спрашиваю еще более участливо.

— Нет, — трясет тот башкой.

Я Мееровичу строго:

— А почему?! — и швыряю листок на стол.

— Я решил начать с других следственных действий, — бодро рапортует Костя. — Но если вы приказываете...

— Нет-нет, — говорю. — Продолжайте, товарищ Меерович, а я поприсутствую.

И сажусь на стул у стены.

Костя лампу поправил, чтоб поточнее в глаза этому «убийце» светила, и за папку какую-то взялся. Тот руками заслонился. Костя ему:

— Ну-ка, руки на колени!

Гражданин Луганов руки опустил и тихо-тихо спрашивает:

— А разве подследственных бить можно?

— Тебя — да, — консультирует его Меерович и берется за папку «Беломора».

Вынимает папиросу, не торопясь сминает гильзу, искоса на подследственного поглядывая, и говорит между делом:

— Мы, конечно, ценим, гражданин Луганов, ваше чистосердечное раскаянье и готовность ударным трудом на урановых рудниках искупить свою вину перед Родиной. Но вместе с тем... — Втыкает папиросу в рот, чиркает спичкой, прикуривает и, выпустив клуб дыма в лицо Луганову: — Вместе с тем, говорю, не можем не заметить, что вы не до конца искренни с органами внутренних дел. И не рассказываете о прочих ваших делах. А мы ведь тоже ваша Родина. Самая подвижная ее часть.

— У меня ничего больше не было! — встрепенулся тот.

— Не было? — спрашивает Меерович. — Так-таки и не было?

— Точно говорю.

— Хорошо. Будем вас изобличать, — говорит Костя и так прищуривается, что даже мне не по себе становится.

А он берет из папки какую-то бумагу, тычет в ее сторону папиросой и продолжает:

— Вот тут у следствия имеются факты, что двенадцатого июня прошлого, две тысячи девятнадцатого года вы, находясь в своей квартире по адресу: улица Спортивная, дом двадцать пять, спрыгнули с четвертого этажа. На пути к асфальту вы наткнулись на тент летнего кафе, принадлежащего индивидуальной предпринимательнице Хамдиевой Юлии Юрьевне. Тент, ценой собственной жизни, спас вас тогда. Вы отделались легким испугом. Чего не скажешь о посетителях кафе и об индивидуальной предпринимательнице Хамдиевой, которая, наряду с тяжким моральным, получила и весомый материальный ущерб. А именно — сто пять тысяч рублей. Это цена тента и пластикового столика, уничтоженных вашим туловищем.

Костя кладет лист обратно в папку и тушит папиросу.

— Скажите, гражданин Луганов, вы тот прыжок совершили из религиозных побуждений?

— Нет, конечно! — недоумевает парнишка. — При чем здесь религия?

— Очень хорошо, — говорит Меерович. — Значит, я могу назвать вас мудаком, не оскорбив при этом чувства верующих. Так вот, гражданин Луганов, официально заявляю вам: вы мудаки. Потому что до сих пор так и не возместили индивидуальной предпринимательнице Хамдиевой материальный ущерб, я уж молчу про моральный. И если ИП Хамдиева все-таки, как уже давно обещает, изловит вас, вставит вам плойку в задницу и включит ее в розетку — плойку, разумеется, включит, не задницу, хотя в данном случае это будет практически одно и то же, — я даже не буду знать, в чем Хамдиеву упрекнуть.

Костя прихлебывает чай и продолжает:

— Зачем вы тот раз прыгнули, гражданин Луганов?

— Это к делу не относится, — бурчит подследственный.

— Да ну?! — удивляется Меерович. — Ошибаетесь, гражданин. Относится, еще как относится! Вы встречаетесь с некой гражданкой Файзулиной. Девушкой хорошенькой, поэтому с плохим характером. Тем днем, в очередной раз поссорившись с ней, вы решили наказать ее собственным самоубийством. И выпрыгнули из окна у нее на глазах. Так дело было?

Луганов опустил голову и молчит.

— Молчите? Потому что все было именно так. Доказав таким образом любимой свою любовь, вы продолжили с ней встречаться... А кстати, гражданка Файзулина не является ли соучастницей того, в чем вы сознались?

— Нет! — Луганов аж подпрыгнул. — Она вообще ничего не знает!

— А мы ведь проверим, гражданин Луганов. Притащим ее вот сюда и проверим. Обязаны проверить. А так как проверяем на причастность к особо опасному преступлению, вежливыми можем и не быть. И не будем! — Кулаком по столу шарах! — Вы это не учли, да?!

В кабинете на какое-то время повисла тишина. Потом Костя продолжил:

— Успокойтесь, гражданин Луганов, мы знаем, что она непричастна. Равно как непричастны и вы. Просто вчера вы в очередной, сто пятидесятый раз поцапались и решили наказать ее другим, не менее экзотическим способом. Взять и сесть в тюрьму. На надолго.

Тут Костя прекращает играть и начинает говорить нормальным тоном:

— Что ж ты творишь, сученьш? Это тебе игрушки, что ли? Ты хоть понимаешь, что своим самооговором можешь дать возможность настоящим преступникам уйти от ответственности? Понимаешь, нет?! Э-э-э, ни черта ты, вижу, не понимаешь! — Берет со стола лугановский пропуск и подписывает. — На, Луганов, и вали с глаз долой. И начинай уже думать своей верхней головкой, а не так, как до сих пор!

Луганов берет пропуск, встает и смотрит на меня:

— Я что, могу быть свободен?

— В пределах разумного, — отвечаю ему.

И он уходит.

Однако и после этого день не исчерпал список заготовленных для нас сюрпризов. Самый главный сюрприз, который высветил всю ситу-

ацию совсем с другой стороны и сделал все еще непонятней, чем было прежде, получили мы вечером.

Я уже домой уходить собирался, когда мне позвонила Таня Земцова — тот самый эксперт, которая все экспертизы по этой девушке проводила, — и сказала, что срочно хочет меня увидеть.

Разумеется, я согласился. Минут через пять она зашла в кабинет и, едва сев к моему столу, тут же закурила.

— Что-то новое? — спрашиваю.

— Аж два раза! — говорит Таня.

— Выкладывай.

И она действительно выкладывает мне на стол старенькую фотографию, сделанную на «полароиде». На фото молодая девчонка, одетая и причесанная почти так же, как и погибшая девушка.

— Это кто? — спрашиваю.

— Это я, — говорит Таня. — В тысяча девятьсот девяносто третьем году.

— Красивая! — причмокнул я.

— Я и сейчас не хуже. Дело не в этом. Никого не напоминаю?

— Напоминаешь. Эту самую, которую нашли. Очень похожи. И что?

— А то, Сергей, — говорит Земцова, — что вот так одевались, причёсывались и красились только в первой половине девяностых. С тех пор никто и никогда. Сейчас в магазинах и одежды-то такой нет.

— Новое, — говорю, — всегда хорошо забытое...

Таня меня перебивает:

— Да ты по сторонам-то посмотри! Много ты видел, чтобы так одеты и так ярко покрашены были? Лосины сейчас хоть кто-нибудь носит? Сережа, какое это не новое. Это единственное.

— Интересно, — говорю. — Интересно, черт возьми! Завтра же проверим, не приезжали ли в наши края какие-нибудь реконструкторы. Кто его знает, вдруг да сработает. Все равно больше и обрабатывать-то по ней нечего.

— А я тебе сейчас еще кое-что подкину, не переживай. — Татьяна достает из сумочки пластиковый пакет, а в нем те самые три пятитысячные купюры, которые мы с тела сняли.

— А с ними что не так? — спрашиваю. — Неужели фальшивые?

— Почти настоящие.

— Что значит «почти настоящие»? — опешил я. — Ты, вообще-то, про деньги говоришь. Они или полностью настоящие, или полностью фальшивые.

— Понимаешь, — говорит Таня, — получается какая-то чертовщина. Все восемь степеней защиты на купюрах в наличии. Все проверки: визуальная, оптическими датчиками, ультрафиолетовыми и инфракрасными датчиками, даже датчиками магнитного поля — показали безусловную подлинность купюр. Я взяла образцы краски и бумаги. Связалась с Гознаком. Оттуда подтвердили, что и краска, и бумага подлинные.

— Стоп! — говорю. — Чего-то я не понял. А ты зачем столько возилась с ними, раз все приборы показали подлинность? Зачем тут еще Гознак? Тебя что-то смутило?

— Посмотри. — И Таня развернула купюры веером передо мной. Я посмотрел.

На всех трех купюрах были одинаковые номера.

Помню, какое-то время я молча и немного ошалело смотрел на эти купюры. Потом взял их у Тани, потер пальцами, помотал в руке, на плотность и звучность шелеста купюрного проверяя. Кажется, даже понюхал слегка.

— Ты, Журавленко, на зуб, на зуб не забудь попробовать! — криво усмехается Татьяна.

Только тут до меня доходит: я же вот этими потряхиваниями да понюхиваниями под сомнение выводы Татьяны ставлю.

«Тоже мне, — думаю о себе, — эксперт сраный тут нашелся!»

Поднимаю глаза — и то же самое читаю на лице у Татьяны, после чего прихожу в себя окончательно.

Купюры я Тане вернул и спрашиваю:

— Ты с подобным раньше сталкивалась?

Татьяна головой резко мотнула:

— Нет. Ни сама не сталкивалась, ни даже не слышала и нигде не читала про фальшивки такого абсолютного качества.

— А скажи... — говорю. — Как мне кажется, вот это все дома на кухне или, допустим, в гараже невозможно сделать. Я прав?

— Ты что, Сергей? — горячо отвечает Таня. — Даже краску такую ты кустарным способом никогда не сделаешь. Требуется выдерживать температурный режим таких диапазонов, которые сами по себе любую кустарщину исключают. А про все остальные степени защиты уж вообще молчу!

— Но они же тут все в наличии. Получается, это все на Гознаке и делают, что ли?

— Это с их-то системой контроля? Исключено, Сергей. Даже не думай в эту сторону.

— В любой системе контроля, — говорю, — хоть маленькие, но щели есть. И если их знать...

— Если на Гознаке работаешь, — перебивает меня Татьяна, — так в первую голову ты систему номеров на купюрах знать будешь. И тогда, если уж контроль обдурить, то не фальшивые, а самые настоящие деньги сделаешь.

— Черт возьми, действительно, — говорю. — Но как вот можно, Тань? Создать производство фальшивок такого качества — тут ведь одного гравера еще пойдешь поищи — и лохануться на номерах? Неужели трудно было догадаться, что они разные должны быть?

— Думала над этим, — снова закуривает Татьяна.

— И что придумала?

— Никаких разумных версий в голову не приходит. Только дурацкие.

— Валяй, выкладывай дурацкие, — говорю. — Это и хорошо, что они дурацкие, потому что разумные версии тут наверняка неверные будут. А вот идиотизм может сработать.

— Тогда слушай. Объяснить это можно вот как. Те, кто изготавливали фальшивки, никогда в жизни бумажных денег не видели. Для них номер на купюре — это просто часть узора. Вот они их педантично скопировали и размножили. Как тебе такая версия? Достаточно идиотская?

— Да, — говорю. — Эта версия по-настоящему дурацкая! Настолько дурацкая, что вполне может оказаться близка к истине. Но как бы то ни было, фальшивые деньги — это уже не розыскное, это уже уголовное дело.

— И хорошо, — говорит Татьяна. — А то некоторые торопятся тело захоронить. Мне бы не хотелось. Кажется, не всё мы ещё от него получили. Теперь так быстро не захоронишь. Возбудят дело, и это будет уже следственная улика.

Тем и закончился наконец этот день. А на следующий — пришел так ожидаемый нами — и вами, Эля, — ответ из университета.

5.

— Быстро же они вам ответили! — оживилась Эльвира.

— Я вижу, вы рады, — сказал Журавленко. — А уж мы-то как были рады! Но недолго. Пока заключение лингвистов не прочли.

— И что же там было, Сергей Викторович?

— Эля, вы так настойчивы, как будто уверены, что с этим текстом вам ситуация яснее станет.

— Сергей Викторович! — вздохнула Эльвира. — Вы перестанете меня мучить?

— Вот-вот перестану, — пообещал Журавленко. — Итак, лингвисты написали следующее. Это латынь, точнее — средневековая высокая латынь. Так называемое беневентское письмо: буквы вычурные, но легко читаемые. Судя по всему, время написания — тринадцатый — четырнадцатый век. При более тщательной экспертизе подлинника дату можно установить точнее, но они у себя в университете лишены возможности провести необходимые для этого исследования. Вот и все, что нам удалось получить от лингвистов.

— А текст?! Сергей Викторович, написано-то что было?

— Я не сказал? Ой, извините ради бога! Там было написано в верхней строчке: «Кто сюда ходили, те уже в могиле», а в нижней строчке прописью числа: восемь, двенадцать, пять. Вот и все. Для вас что-нибудь прояснилось, Эля?

— Ну-у-у... — протянула та. — Даже не знаю. Может быть, если взглянуть на саму записку...

— А зачем? — спросил Журавленко. — Вы не доверяете профессиональным лингвистам? Разбираетесь в высокой латыни или что-нибудь эдакое сумеете разобрать в беневентском письме? Я вот латынь разве что от китайского отличить сумею, не говоря уже про беневентское письмо. А вы?

— Я, между прочим, — снова блеснула глазами Эльвира, — медицинский оканчивала! И латынь мы там изучали.

— Высокую?

— И стройную. Так что напрасно вы со мной как с дурочкой, Сергей Викторович...

— А вот это вы ошибаетесь! — прервал Журавленко. — Сильно ошибаетесь. С дурочкой я не стал бы так долго разговаривать. И не сердитесь вы, право слово! Неужели мне и пошутить уже с красивой девушкой нельзя?

— Можно, — улыбнулась Эльвира. — Но в меру.

— Вот и договорились. Кстати, а как это вас после медицинского на работу в журнал занесло?

— А я на психиатра училась.

— Ну-у-у... — пожал плечами Журавленко. — Будем считать, что я понял.

Девушка вдруг громко расхохоталась, откинувшись на спинку кресла.

— Боюсь, вы все неправильно поняли, Сергей Викторович, — отсмеявшись, сказала она. — Но объяснять я ничего, уж извините, не буду. Времени нет, да и ваш рассказ по-любому интересней будет, чем мой. Продолжайте, пожалуйста. Итак, что вы с этой запиской дальше делать стали?

— А записку мы в сторону пока отложили. Нам как-то в тот день не до нее было.

— Не до нее?

— А что удивительного? Записка-то подлинная, а вот деньги оказались фальшивыми. Да еще и выполнены фабричным способом. Таким, что ни одна экспертиза подделку не определит. Это очень опасное преступление, Эля. Пожалуй, опасней иного убийства.

— Фальшивая бумажка опасней убийства? — усмехнулась журналистка. — Ну и понятия у вас!

— Так, да не так, Эля. Так, да не так. Кустарные фальшивки не так уж и опасны. Они, как правило, примитивны и малочисленны. Но здесь же фабрика работала! А фабрика тремя купюрами не ограничится. Она их миллионы наштамповать может. Представляете? Вся финансовая система запросто к черту полетит.

Совещания в тот день шли без конца. Сначала наши, внутренние, потом с областью. К обеду проснулась Москва — тогда и с Москвой. На каком-то из них — уже не упомяну сейчас на каком — было решено привлечь к делу ФСБ. Вообще говоря, фальшивомонетничество не их подследственность, но в нашем случае, судя по возможным масштабам, речь могла идти об экономической диверсии, а это уже вопрос государственной безопасности. А некоторые вопросы, Эля, штука темная, формы и вида, вкуса и запаха не имеющая, но убивает уверенно. Давайте-ка мы с вами некоторые подробности того дня пропустим и перейдем сразу к его вечеру. Часам эдак к восьми.

Я тогда сидел в кабинете начальника нашего ФСБ подполковника Беличева. До сей поры я его мало видел. Прислали Беличева к нам всего месяца за три до этого. Где он раньше служил и почему в столь крупном чине оказался в нашем мелком городке, того я и по сей день не знаю. Но мужик толковый и в оперативном деле грамотный. К вечеру мы с ним много чего обсудили и спланировали, поэтому сочли возможным от крепкого чая перейти кое к чему еще крепче. Беличев решил за знакомство угостить меня греческим коньяком. И брынзой, тоже греческой, на закуску. И после второй стопки вдруг заговорил со мной о той странной записке.

Отщипывает мелкие куски брынзы, кидает их в рот, как семечки, и задумчиво произносит:

— Значит, никакого толку вам от экспертизы университетской не было?

— Не-а, — говорю. — Не приблизила она нас к цели. От слова «совсем». Так и не ясно, зачем девчонка с собой эту записку таскала. Почему прятала? И где взяла? Если бы узнать, из какой книги этот текст вырезан, тогда можно бы было книгу эту разыскать. Их таких не много, я думаю. Ну а от книжки, может, какие-то нити и к этой девчонке тянутся.

Беличев слушал меня внимательно, кивал согласно, потом коньяк разлил по стопкам и говорит:

— А я ведь, наверно, смогу помочь тебе, Викторыч, с этой запиской. Знаю я одного человека, который в старинных манускриптах разбирается лучше, чем десять университетов.

Я, Эля, услышав это, насторожился, прямо как вы сейчас, и говорю:

— Знаешь — скажи. Кто таков? И далеко ли живет?

Беличев коньяк выпивает, морщится.

— М-м-м! — мотает головой и за брынзой тянется. — Не шибко далеко. Километров четыреста к северу.

— Это в Кемерове, что ли?

— В нем. Ты чего не пьешь-то, Викторыч?

— Да пью я, пью. — И тоже стопку опрокидываю.

— Зовут его... — говорит Беличев и называет мне имя... ну, скажем, Семен Семенович.

— А почему «скажем», Сергей Викторович? — прервала журналистка. — Почему вы не хотите настоящее имя назвать?

— Потому что хочу называть его Семен Семенович, — сказал Журавленко. — И хочу, чтобы он жил в Кемерове. Мой рассказ — мои правила. Согласны?

— Ну... — Эльвира пожала плечами и чуть развела руки. — В принципе-то, согласна. Только странно как-то. Столько всего уже рассказали, столько имен назвали, и вдруг псевдонимы какие-то пошли.

— А я предупреждал, странностей будет много.

— Даже имя начальника ФСБ мне назвали, а какого-то Семена Семеновича назвать не хотите! — улынулась журналистка. — Или боитесь, что я его разыщу? А почему боитесь?

— Подполковник Беличев, Эля, — сказал Журавленко, — с удовольствием побеседует с вами в любой момент. А Семен Семенович — человек гражданский. И старый. Зачем ему с вами встречаться? А вам с ним — зачем, а? Все, что вам надо знать, я и сам сейчас расскажу. Я продолжаю?

— Продолжайте, — с улыбкой вздохнула девушка.

— И вот, значит, называет мне чекист имя и адрес, а после умолкает, поднимается из-за стола и идет куда-то к шкафу. Открывает его и начинает копаться внутри. Я думал, он мне сейчас личное дело Семена Семеновича достанет или фото его, на худой конец. А Беличев достает из шкафа лимон, банку кофе... ну и возвращается на место.

— Разливай, — говорит. — А я нам сейчас шикарную закуску к коньяку сделаю.

— А подробности ты мне про человека своего не расскажешь? — спрашиваю я. — Имени и адреса как-то маловато для беседы с ним.

— Одно другому не мешает, а в нашем случае даже помогает, — отвечает он и начинает резать лимон на дольки, одновременно информируя меня: — Семен Семенович Райхман, одна тысяча сорокового года рождения, специалист по мертвым языкам, криптографии и палеографии...

— Извини, — перебиваю я, — палео... чего? Можно это место еще раз, но медленно и для дураков?

— Палеография, — говорит Беличев, а сам начинает дольки лимона посыпать кофе, — это наука, исследующая древнюю письменность и историю письменности. А криптография, — он поднял палец вверх, — изучает различные шифры.

— Это круто! — говорю. — А что это ты с лимоном делаешь?

— А вот попробуй, — протягивает он мне лимон с кофе. — Под коньячок.

Я попробовал. И знаете, Эля, неплохо так зашло! Рекомендую.

Беличев тоже выпил, лимоном зажевал и говорит:

— Мне кажется, ему по силам будет тебе про записку эту такое рассказать, чего больше никто не расскажет. За Уралом, по крайней мере. Он же еще и букинист. Да какой! Международные книжные аукционы несколько раз консультировал. Так что, Викторыч, езжай к нему. Ежели, конечно, он с тобой разговаривать захочет.

— Может не захотеть?

— Может, — кивнул Беличев. — Он и раньше не сильно общительный был, а с этой эпидемией вообще с весны как заперся в квартире, так никуда и не выходит.

— А я поеду, — говорю. — Завтра же поеду! Уболтаю его как-нибудь. В первый раз, что ли, мне людей убалтывать?

— Езжай-езжай. Но, Викторыч, я ж тебе не просто так контакт этот отдал. Я на тебя расчеты строю.

— Знаешь, — отвечаю ему, — я хоть и родился ночью, но это была не вчерашняя ночь. Так что давно уже понял, что ты взамен чего-то попросишь. Говори, в чем твой расчет?

— Тогда слушай. — Беличев рукой коньяк и тарелки с закуской в сторону отодвинул, через стол ко мне потянулся и тихим голосом говорит: — Этот самый Райхман — из потомственной коммунистической семьи. Да мало что из коммунистической — из чекистской. Дед его — участник трех революций. Там в городе увидишь даже доску мемориальную на доме, где дедушка Райхман жил. Отец с конца тридцатых в органах. В Пятом отделе Главного экономического управления. Это финансовая разведка и контрразведка. В конце сороковых отца из органов турнули — в порядке борьбы с космополитизмом. И расстреляли бы, наверно, чуть попозже. Вместе с Берией. Но он сразу после смерти Сталина предусмотрительно из Москвы сюда, на свою родину, уехал. Устроился бухгалтером на каких-то золотых приисках. Сидел там тише мыши до самой смерти. Потому и не нашли. Но это уже неинтересно. А интересно вот что. И тогда, в сороковых, ходили слухи в органах, и по сей день ходят, что, увольняясь, Райхман-старший не все дела свои сдал. Кое-какие бумаги утаил. А бумаги интересные: все же по финансам работал. Вот я, Викторыч, и хочу, чтобы ты, если сумеешь в дом Семена Семеновича войти да на разговор его вызвать, выяснил бы как-нибудь, архив его отца не у него ли хранится.

— Ну и цену ты просишь! — удивился я. — Ничего себе задачка...

— Трудно, — кивнул Беличев. — Понимаю. Но постарайся. Вдруг получится.

— А чего вы сами к нему не придете и не спросите?

— Э-э-э! — Беличев махнул рукой, откинулся назад и принялся коньяк разливать. — Это невозможно. Он же не только из коммунистической семьи, он и сам коммунист. Причем настоящий. Сейчас таких не делают.

— Тем более, — говорю. — Нешто истинный коммунист откажется помочь органам ЧК?

— Я же тебе говорю: он настоящий коммунист, а не шлюха с партбилетом, как нынешние.

— И что сие значит? — Я озадачился так, что даже стопку с коньяком до рта не донес.

— А значит сие, — уставил на меня палец Беличев, — что для него, как для коммуниста, никакого ЧК с тысяча девятьсот девяносто первого года не существует. Мы для него — буржуазная охранка! И говорить он с нами не будет.

— Слышь, — засмеялся я, — так он и со мной не будет! Если вы для него буржуазная охранка, то я вообще царский городской.

Беличев, широко улыбаясь, поцокал языком и говорит:

— Не, Викторыч. Тут сложнее. Ты, конечно, как и я, в глазах Райхмана буржуазный цепной пес, прикрывающийся святым именем Дзержинского. Но сам-то Райхман не просто коммунист, а коммунист с букинистическим уклоном. Вот на это у меня и надежда. Думаю, если он твою записку увидит, то сможет через свою классовую ненависть перешагнуть. Фанатик — он во всем фанатик. Что в коммунизме, что в науке.

— Фанатик, говоришь?

— А вот сам увидишь. Я уже имел удовольствие.

Мне, Эля, понравилось, как Беличев этого профессора охарактеризовал. Фанатик, да еще и умный, бесценная вещь для оперативной работы. Ведь в ней что самое главное и одновременно самое сложное? Человека разговорить! Пусть говорит, о чем хочет: о поэзии или о добыче угля открытым способом, о хоккее или о том, что все начальство в мире один большой идиот... Словом, о чем угодно, лишь бы не молчал. Самое плохое, когда молчат. А ты сумей разговорить. Сыщик обязан это уметь, или пусть ищет себе другую работу. Разговоришь — сиди и слушай. Это, кстати, тоже очень сложно. Люди думают, что умеют слушать. Но это ошибка. Большинство людей слушать абсолютно не умеют. А ты умеи! И в нужные моменты умеи вопросы правильные задать. Если грамотно все сделаешь, много чего интересного узнать сможешь. Ну а с фанатиком все гораздо проще. Того на разговор провоцировать не надо. Он сам на него рвется.

— Противоречите, Сергей Викторович, — сказала Эльвира.

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался Журавленко. — Где вы противоречие увидели?

— Вы говорите, что фанатики разговорчивы. А чуть раньше рассказали, что, по информации ФСБ, этот Райхман крайне малообщителен. Как же так?

— А вы умеете слушать, Эля, — чуть помолчав, ответил Журавленко. — Умеете, это точно. И на противоречиях меня ловко поймали. Этому в медицинском учат? Шучу, шучу! — Он поднял ладони, защищаясь. — Противоречие тут кажущееся. Фанатик действительно разговорчив. Но только в отношении предмета своего фанатизма. Во всех остальных случаях вполне может быть замкнутым и молчаливым. Ему все остальное просто неинтересно. И тут главное знать, на чем он заиклился. Я-то знал! Поэтому с нетерпением рвался на встречу с Райхманом.

Однако пришлось ее отложить. Прямо с утра бухнулась на нас информация: фальшивки, аналогичные нашим, всплыли еще кое-где. В Тюмени. И в сумме немалой — полтора миллиона рублей.

6.

Дело было так. Тридцать первого августа две тысячи двадцатого года, в шестнадцать ноль-ноль по местному времени, в главный офис Сбербанка России в городе Тюмени поступило из автосалона «Азия-Моторс» для внесения на расчетный счет полтора миллиона пяти тысячами купюрами. Так как из автосалонов в наши дни крупная наличность поступает крайне редко, кассирша, принимавшая деньги, проверила их на подлинность особо тщательно.

Несмотря на то что счетчик-детектор показал несомненную подлинность купюр, кассирша еще раз визуально проверила деньги, после чего нажала кнопку вызова службы безопасности. На купюрах, как и в нашем случае, были одинаковые номера.

Служба безопасности задержала работника автосалона, принесшего деньги, и вызвала полицию. Прибывшим на место сотрудникам ОБЭП работник пояснил, что выручку ему поручил отвезти в банк управляющий автосалоном Неустров Алексей Алексеевич.

Обэповцы немедленно выехали в автосалон «Азия-Моторс», где после проведения комплекса оперативно-следственных мероприятий было установлено следующее.

В тот день примерно в десять утра, то есть сразу же после начала работы автосалона, в нем появилась группа покупателей из трех человек. Одна из них — женщина примерно двадцати пяти — двадцати восьми лет, рост сто пятьдесят — сто пятьдесят шесть сантиметров, лицо круглое, нос прямой, глаза голубые. Волосы темно-русые, густые, коротко подстриженные по мочки ушей, перехвачены по верхней части головы широкой белой повязкой спортивного типа. Была одета в белый спортивный костюм без эмблем фирмы-производителя, но с тремя зелеными полосами по рукавам куртки и бокам брюк, на ногах демисезонные ботинки зелено-го цвета на толстой подошве, без каблучков.

И с ней были два молодых парня примерно такого же возраста. Выглядели они как братья-близнецы: у обоих рост примерно сто восемьдесят — сто девяносто сантиметров, лицо овальное, глаза голубые, волосы светлые, очень коротко подстрижены. Оба одеты в черные вельветовые брюки и рубашки с короткими рукавами: у одного белого, у другого коричневого цвета, крой рубашек одинаковый.

Троица осмотрела несколько автомобилей, остановилась у джипа модели «Mercedes-Benz X156» белого цвета, две тысячи девятнадцатого года выпуска, тщательно осмотрела его и принялась что-то обсуждать.

Менеджер торгового зала Евгений Кравченко, увидев, что, как он выразился, «клиент созрел», поспешил к ним и поинтересовался, чем он может помочь. Женщина задала ему несколько вопросов об автомобиле, потом попросила разрешения немного посидеть за рулем, на что Кравченко, разумеется, охотно согласился и даже предложил проехаться по площадке около автосалона.

От этого предложения женщина отказалась, посидела немного в салоне автомобиля, осмотрела его и, выбравшись наружу, спросила Кравченко о цене. Получив ответ, что в данной комплектации автомобиль стоит ровно полтора миллиона рублей, тут же заявила Кравченко: «Мы его покупаем».

Кравченко пояснил, что разговор с ним вела только женщина. Была при этом очень вежлива, весела и обаятельна. Парни стояли молча и никак не реагировали на происходящее.

Услышав о решении клиентов купить автомобиль, Кравченко провел их к стойке оформления покупок. Дальше с покупателями беседовала менеджер продаж Марина Бахмутова.

На допросе Бахмутова рассказала следующее. Она попросила документы человека, на которого следует оформить покупку, и получила от женщины ее паспорт. Судя по нему, гражданку звали Елена Николаевна Дось, родилась она в тысяча девятьсот девяносто пятом году в Калининграде, проживает в Тюмени с две тысячи десятого года.

Бахмутова сняла с паспорта копии необходимых страниц, и одновременно встроенный в копировальный аппарат детектор проверил документ на подлинность, каковую проверку паспорт с честью выдержал.

Далее Бахмутова спросила, как Елена Николаевна планирует расплачиваться. Елена Николаевна ответила, что расплачиваться планирует деньгами. Приняв это за чуть пошловатую шутку, Бахмутова улыбнулась и сказала, что уже догадалась об этом, и уточнила, как именно: кредит, карточка, перечисление на счет?

Со слов Бахмутовой, на секунду ей показалось, что покупательнице крайне не понравился ее вопрос, но это ощущение тут же исчезло. Покупательница еще раз сказала, что рассчитываться будет деньгами, и кивнула одному из сопровождавших ее парней. Тот выложил на столик три пачки пяти тысячных купюр в банковской упаковке по сто купюр в каждой. Так как Бахмутова за время своей работы в автосалоне еще ни разу не видела, чтобы такие крупные покупки оплачивались «налом», то она извинилась и сказала, что позовет управляющего.

Управляющий автосалоном «Азия-Моторс» А. А. Неустроев на допросе пояснил, что в тот день около одиннадцати утра к нему подошла менеджер оформления продаж Бахмутова и сказала, что покупают «Mercedes-Benz X156» за наличку и она, менеджер, не знает, как поступать в таком случае, ибо никогда продажи за наличку не оформляла.

Неустроев прошел с ней к столу оформления продаж, осмотрел пачки купюр, которые не вызвали у него ни малейшего подозрения, после чего дал указание Бахмутовой произвести прием наличных денег с пересчетом всех купюр на счетчике-детекторе «Кассида», что и было проделано в его присутствии. Счетчик-детектор беспрепятственно пропустил все купюры. После чего Неустроев подсказал Бахмутовой, как правильно оформить такого рода покупку. Ближе к концу рабочего дня, поняв, что никаких крупных сумм наличными сегодня ждать уже не стоит, он распорядился отвезти деньги в банк.

В восемнадцать ноль-ноль, по окончании следственных мероприятий в автосалоне, по всей области был введен план «Перехват». Разумеется, к шести вечера и духу этой троицы не было ни в Тюмени, ни в области. Только уличные видеокамеры четырежды зафиксировали искомый автомобиль в городе: один раз — на заправке «Газпрома», неподалеку от автосалона, и три раза — на улицах, где он двигался в восточном направлении. В тринадцать тридцать белый «Mercedes-Benz X156» без номеров запечатлела видеокамера на выезде из Тюмени. В шестнадцать ноль-ноль этот же автомобиль был замечен на федеральной трассе Р-402 на границе между Тюменской и Омской областями. Ни до того, ни после он на федеральной трассе не появлялся.

Одновременно при оперативно-следственных мероприятиях было установлено следующее. Во-первых, паспорт, предъявленный гражданкой Дось Е. Н. в автосалоне, выполнен на бланке с номером и серией, планируемой Госзнаком к выпуску только в две тысячи двадцать третьем году. Во-вторых, по адресу: Тюмень, улица Пермяков, дом восемьдесят два, указанному в паспорте как место прописки гражданки Дось Е. Н.,

расположено ООО «Тюменский крематорий». В-третьих, в тысяча девятьсот девяносто пятом году в Калининграде действительно родилась девочка по имени Дось Елена Николаевна. По крайней мере, так значилось в записке, с которой младенец был подброшен в часовню Святого Семейства, принадлежавшую католическим монахиням ордена назаретянок. В приюте при католическом приходе города Калининграда Дось Е. Н. воспитывалась до двухтысячного года, после чего пропала без вести. С этого времени никакой информации о ней в Калининграде нет. Фотографирования и дактилоскопирования Дось Е. Н. в детском возрасте не производилось, больничные карточки не заводились.

Фото подозреваемых и записи с видеокамер, установленных в автосалоне и на улице, прилагались.

На просмотр мы позвали и нашего главчехиста Беличева.

И вот, Эля, смотрим мы видеозапись из автосалона — и я понимаю, что тюменские коллеги малость переборщили, назвав эту самую Дось Е. Н. женщиной. Ей бы название «пацанка» больше подошло. Мелкая такая, худенькая и подвижная, как ртуть. Ни секунды спокойно не стояла. Машину потрогает — и к парням своим поворачивается, говорит им что-то — и левой рукой активно жестикулирует. Снова к машине обернется — и тут же опять к парням. И смеется часто. Обаятельно так смеется! Всем лицом. Даже глаза ее — большие, надо сказать, глазницы — в узкие щелки-полумесяцы превращаются, так ей весело. Парни тоже ей в ответ улыбаются, говорят что-то, но далеко не так темпераментно. Один раз, кажется, попробовали возразить, но куда им было такую реактивную пацанку переспорить! Она им, чуть-чуть подпрыгивая, слов так сорок-пятьдесят за полминуты выпалила.левой рукой куда-то в животы им тычет: низкая она, чтоб до груди таким гренадерам достать. А правой рукой время от времени быстрым, резким движением волосы себе ерошит. Взбивает их в волну над матерчатой повязкой.

В кадре появляется менеджер Кравченко, и тут Костя Меерович говорит:

— Стоп! Назад прокручивай и еще раз давай, но только о-о-очень медленно.

— С какого момента? — оператор наш спрашивает.

— Как они к «мерсу» подошли.

— Ты что там увидел, Кость? — интересуюсь я.

— Чё увидел, сейчас покажу, — отвечает.

По экрану медленно-медленно потекли кадры, и Костя нам с Беличевым говорит:

— Обратите внимание, как она танцует между «мерсом» и дуболомами своими. Приглядитесь... во-во... на ноги смотри! Вот сейчас еще! Видели? Во-во — опять! Заметил, Сергей?

— Ага, — говорю.

А заметил я на медленном просмотре, что движения-то у пацанки совсем не хаотичные были. Похожи они вроде на что-то, а на что — понять сразу не могу.

Зато Костя — тот сразу сообразил и снова мне:

— Вот! Вот сейчас особенно хорошо видно!

Оператору:

— Стоп кадр!

Потом нам с Беличевым ликующим голосом:

— Клянусь, эта пакость мелкая либо боксом, либо какими-нибудь боевыми единоборствами занимается! Причем очень давно и, судя по всему, успешно.

Тут и до меня дошло, что мне «танцы» этой мелкой пацанки напоминали. Да разминку бойцов перед боем или перед тренировкой! Только пацанка так быстро двигалась, что на обычной скорости просмотра не поймешь этого. Ну а Костя у нас боксер, вот он сразу и заметил.

А второй раз запись уже я остановить попросил. Это было, когда странные покупатели с Бахмутовой общались. Видно было, как Бахмутова пацанке паспорт возвращает и говорит что-то. Судя по протоколу допроса, первый раз спрашивает об оплате. Пацанка продолжает улыбаться, волосы себе опять быстро ерошит и отвечает.

Бахмутова улыбается в ответ и снова спрашивает, несколько раз рукой покачивая. Видимо, перечисляет способы оплаты. Пацанка на секунду улыбаться перестает, но тут же опять радость на лице включает на полную мощность и коротко Бахмутовой отвечает.

Вот тут-то я и скомандовал:

— Стоп, назад! Давай к тому моменту, как она улыбаться перестала. Там снова останови кадр и увеличь.

Это жутковатый кадр был, Эля. Аж мороз по коже пробежал. Мы все разом *это* увидели и переглянулись.

У пацанки, как она улыбаться перестала, глаза, которые она до того щурила, нормальный размер обрели — и в них такая ярость вдруг плеснулась! Не человеческая и не звериная даже, а... — Журавленко, подбирая слова, пощелкал пальцами. — Нет. Даже сравнить не могу ни с чем. Ни разу раньше такого не видел. И все выражение лица у нее говорило... да нет, не говорило — кричало: «Тебе чё, тварь, надо?!» Но молодец: тут же справилась с собой и опять превратилась в маленькую очаровашку.

— Видали? — спрашиваю коллег.

Костя Меерович только присвистнул, головой качая. А Беличев кивнул, потом правой рукой у себя над лысиной помахал и говорит:

— На вот этот ее жест обратили внимание? Характерный очень. Она так делает, когда сильно возбуждена. Или очень злится, или очень радуется.

Костя в этот момент вновь обрел дар речи:

— Они на восток движутся. Так это же запросто может быть, что к нам! За подружкой за своей...

Журналистка вдруг резко прервала рассказ:

— А почему ваш заместитель решил, что погибшая была им подружкой?

— Ну... — Журавленко пожал плечами. — Этого я не спрашивал. А впрочем, версия вполне логичная. Деньги-то одинаковые и там и там.

— У денег очень причудливые пути, Сергей Викторович.

— Может быть, может быть, — кивнул Журавленко. — Но вы дальше слушайте.

Я сразу понял, что Костя запросто может быть прав. Беличев это тоже понял и говорит мне задумчиво так:

— Викторыч, а ты к Райхману когда собираешься?

— Хотел сегодня, — отвечаю. — Но теперь уж завтра, наверно.

— Викторыч, — Беличев посмотрел на меня со значением, — если товарищ Меерович прав, то они, скорее всего, уже к Кемерову подъезжают.

Я понял, о чем он. Поднимаюсь и говорю:

— Еду сейчас же.

— Вот и хорошо. — Беличев тоже встал. — Я позвоню, конечно, нашим. Но ты, Викторыч, все-таки ствол не забудь прихватить с собой.

Я кивнул.

Костя мне:

— Серег, может, мне с тобой?

— Нет, — говорю. — Оставайся в лавке.

7.

В Кемерово я приехал рано утром.

Райхман проживал в «сталинском» доме. А дома те, как будто нарочно, спланированы так, что в них запросто оборону держать можно в случае уличных боев. Стены метра полтора толщиной, и сами дома то буквой «П» построены, то вообще замкнутым квадратом. Ну крепость крепостью, право слово!

Вот и этот такой же был. Во двор можно пройти только через две арки, друг против друга в стенах прорезанные. Высоченные, до третьего этажа. Вот к одной из них я рано утречком и подкатил. Хотел было прямо во двор заехать, но, думаю, дай-ка я лучше пешочком прогуляюсь. Местность осматрю, а то мало ли... Вдруг в это утро не мне одному не спится? Вдруг не первый я сегодня к этому дому подъехал? Да и вообще, когда куда-то идешь, разумно сначала посмотреть, по какой дороге оттуда убежать будешь, ежели что, и ножками, не торопясь, по этой дороге пройти. По науке это называется «определить пути отхода».

Припарковал я машину свою около арки и не спеша пошел себе вокруг дома.

Большой город никогда не спит, но перед рассветом — немного дремлет. Вот то самое время и было. Часов пять утра, ну, может, шестой. Самая лучшая пора для моих разведывательных целей. Уже вполне светло, но тихо-тихо, даже птицы еще не все проснулись. Так что слышимость хорошая, видимость — еще лучше. На улицах пусто, и любое движение сразу в глаза бросается.

Так я по холодку утреннему вокруг дома прогулялся и ничего подозрительного не обнаружил. Только две поливальные машины по бульвару

катались, да коллеги мои на «газели» куда-то с включенной мигалкой проехали. Вернулся я по кругу к своей машине и решил во двор идти.

Под аркой шел совсем осторожно. Я ж понимаю: если мне все хорошо слышно, то и меня тоже хорошо слышно. На входе во двор остановился и оглядел его. Двор, как ему в наше время и положено, машинами был заставлен. Вот на них я и смотрел. Искал, признаюсь, белый джип.

И я его увидел!

Он стоял на той стороне двора, другими машинами от меня загороженный. Так что рассмотрел я только верх его. Честно говоря, екнуло внутри. Хотя и ожидал я этой встречи именно тут, но, правду говоря, не очень-то ожидал.

Залез я в левый внутренний карман своего пиджака, типа за смартфоном, а заодно кобурку расстегнул. Она там как раз поблизости была. Я за тем, разумеется, и лез. Ну и смартфон достал, конечно. Понтоваться, так уж до конца: вдруг наблюдают. И, тыча в смартфон пальцами, не торопясь, вдоль стены стал выдвигаться к джипу.

Мне совсем не хотелось встречаться с этой троицей одному. Но, черт подери, не отступать же! На этой земле пока еще мы хозяева, а не они.

Иду, а сам себя успокаиваю тем, что не один же белый «мерс» на всю Сибирь. Может, это и не они вовсе? Ну, они не они, а метров за пять до джипа я смартфон обратно в карман потащил. Чтоб рука ближе к пистолету была. А сам шаги ускорил. И через секунду, когда джип уже полностью передо мной предстал, остановился я и матюгнулся с облегчением. Не «мерс» это был, а «тойота».

— Эля, вы как-то странно на меня смотрите. Наверно, внутри потешаетесь надо мной, да? Думаете: «Перетрусил Рэмбо хренов, за пистолет схватился! Ты б еще гранату противотанковую в штаны засунул!»

Журавленко рассмеялся, откинулся на спинку стула и, чуть обернувшись, крикнул:

— Танечка, кофейку нам, пожалуйста, еще! И соку похолоднее...

Потом снова повернулся к журналистке:

— Ну признайтесь, Эля, об этом подумали? Я не обижусь, честное ментовское. Я ведь тогда и сам над собой мысленно смеялся.

— А напрасно, — задумчиво сказала Эльвира. — Я, Сергей Викторович, ничего такого про вас не подумала. Я, наоборот, думаю... точнее, мне кажется почему-то, что в то утро вам повезло, что это оказался не тот самый джип.

— Я знаю, — ответил Журавленко, принимая от официантки новую чашку кофе и ставя его перед Эльвирой. — Только тогда я еще не догадывался, насколько сильно мне повезло. Это я чуть попозже понял.

А в то утро, дождавшись восьми часов, когда уже к людям можно звонить в дверь, не опасаясь их разбудить — день-то рабочий, — я поднялся на третий этаж по широкой лестнице, на ступеньках которой тысячи ног вытоптали за десятилетия глубокие впадины, и позвонил в квартиру Райхмана.

Неожиданно быстро тонкий, но совсем не старческий голос спросил из-за двери:

- Кто там?
- Полиция, — отвечаю.
- Какая?

Сотни раз я слышал этот вопрос из-за запертых дверей и каждый раз удивлялся: неужели наши граждане ждут, что к ним может прийти какая-либо иная полиция, кроме как...

— Российская! — говорю. — Мне бы увидеть Райхмана Семена Семеновича.

— Зачем?

— Может, вы откроете? Я как-то не очень умею разговаривать с дверями.

— Зачем я вам нужен?

— Семен Семенович, — захожу я с козырей, — нам нужна ваша консультация по поводу одного древнего текста. Этот текст сейчас со мной.

Прошла секунда, другая... За дверью молчали. Потом загредел-застучал замок и дверь приоткрылась, правда на цепочке. В проеме показались сначала большой толстый нос и шкиперская бородка, торчавшая почти параллельно полу, а затем и остальная голова Райхмана.

— Покажите! — сказала голова.

Невзвешав почему, я решил показать ему свои корочки.

Он тщательно прощупал их взглядом и заявил:

— Это не древний текст. Вас обманули.

И попытался закрыть дверь. Этот номер у него, разумеется, не прошел, потому что ногу я в дверь просунул, еще как только она открылась.

— Семен Семенович, — говорю, — обождите. Вот он, текст-то!

И показываю ему ту самую записку в пластиковом пакетике. Райхман только взгляд на нее бросил — тут же:

— Дайте!

— Вы все-таки впустите меня, Семен Семенович, — кладу я записку обратно в карман. — А то невежливо как-то.

— Для того, чтобы вас впустить, — консультирует меня Райхман, — мне надо открыть дверь. Для того, чтобы открыть дверь, мне сначала надо ее закрыть. А ваша нога этому мешает. По-вашему, очень вежливо было ее сюда совать?

Старик был прав, черт возьми, и я убрал ногу в коридор.

— Так-то лучше, — говорит Райхман. — А то освоили, понимаешь, жандармские приемчики!

Он закрыл дверь. Но открывать не торопился. Я уже начал думать, что все сорвалось, как вдруг из-за двери послышалось громкое шарканье. К ней явно придвигали что-то тяжелое.

Я на всякий случай отошел вбок. Черт его знает, этого старого коммуниста: может, ему дедушка, участник трех революций, пулемет «максим» в наследство оставил. Сейчас шарахнет очередью по цепному псу буржуазии, вот вам и сходил к букинисту.

Тут дверь открывается и мне из квартиры рукой машут:

— Заходите.

Я зашел и увидел кухонный столик, перегораживающий прихожую. С двух сторон к нему были приставлены стулья. Вон что, оказывается, Райхман двигал за закрытой дверью. И как приволок-то? Мебель была еще, наверно, выпуска сталинских годов: только по названию «столик», а по сути — здоровенный стол, сделанный не из прессованных опилок и не из пластика, а из настоящего дерева. Шут его знает, сколько такой весить может. А Райхман — старик мелкий, щуплый. Однако, поди ж ты, справился! Мне только непонятно было, зачем он надрылся-то.

Впрочем, он тут же и объяснил:

— Разговаривать будем здесь. Закройте дверь, садитесь и давайте мне свой текст.

— Не больно-то вы гостеприимны, Семен Семенович, — закрываю я дверь и сажусь. — Или коронавирусом от меня заразиться боитесь?

— Заразиться не боюсь, — отвечает мне Райхман, старинные круглые очки на нос цепляя. — Боящихся презираю. Надо или жить как подobaет человеку, или заботиться о своем здоровье. Совместить не получится.

Про меня не скажешь, что я много думаю о своем здоровье, но такому выводу Райхмана подивился.

— Да почему же, Семен Семенович? — спрашиваю и одновременно радуюсь, что вот так с ходу старика «разболтать» получается. — Неужели нельзя быть человеком и о здоровье думать?

Райхман очками на меня блеснул и говорит:

— Что такое, по-вашему, быть человеком?

— Ну-у-у... — развел я руками. — Это сложный вопрос. Ответ слишком длинный получится.

— Ничего сложного и ничего длинного, — отрезал Райхман. — Быть человеком — значит работать. Я не знаю, можно об этом еще говорить открыто или уже нет, мне плевать, но утверждаю, что человека создал труд! Иначе непонятно, зачем обезьяне разум.

— И зачем, Семен Семенович?

— Чтобы работать! Разум и появился-то в процессе труда. Соответственно, при отсутствии труда — исчезает. Не сразу, конечно, постепенно. Но быстро. Таким образом, — Райхман поднял указательный палец, — мы с вами установили, что разум без его ежедневного активного использования деградирует. Активное использование возможно только в процессе труда. Следовательно, у человека, ведущего праздный образ жизни, разум атрофируется за ненужностью. И он уже не может считаться homo sapiensом, а становится заурядной прямоходящей обезьяной. Итак, можно считать доказанным выдвинутый мной тезис: быть человеком — значит работать, работать и работать!

— А как же «учиться, учиться и еще раз учиться»?

Райхман одобрительно покосился на меня:

— Ильича знаете? Это хорошо. Но до конца не понимаете. Это плохо. Объясняю: учеба — это обратная сторона работы. И наоборот. Одно без другого невозможно. Работая, всегда чему-то обучаешься. В свою очередь, обучение, если оно всерьез, никак без труда не обойдется.

— Хорошо, — говорю, — вы меня убедили. Но забота о здоровье-то здесь при чем? Непонятно.

— Да что ж тут непонятного?! — хлопнул Райхман ладошкой по столу. — Если у человека есть работа, где у него время на лечение? Когда это можно совмещать, то пожалуйста. Но если ради здоровья надо пренебречь работой, то зачем тогда жить? Если у тебя есть время, чтобы следить за здоровьем, значит, жить тебе, по большому счету, незачем. Ты же свое время тратишь черт знает на что, а не на работу! Вывод: если твоя забота о здоровье выходит за пределы ежедневной утренней гимнастики, полноценным человеком ты считаться не можешь, ибо жизнь твоя неполноценна.

Вижу, разошелся старик. Это для меня хорошо. Но не мешает и еще чуток подогреть.

— А не крутовато берете, Семен Семенович?

— Ни в малейшей степени! Судите сами. Те, кто ведет этот внушенный буржуазной пропагандой «здоровый образ жизни», — разве они ведут человеческий образ жизни?

— А какой?

— Чем они, по-вашему, заняты?

— Э-э-э... — Я малость озадачился. — Ну, очевидно, тем, что ведут здоровый образ жизни.

Райхман гневно постукал по столу:

— Маркс учит нас называть вещи своими именами, а не играть словами! Вот и назовем это своим именем. Они заняты тем, что ежедневно, ежечасно отодвигают смерть. Значит, живут в процессе непрерывного умирания. А человек должен жить в процессе непрерывного горения! Вывод: мой тезис о том, что тех, кто следит за своим здоровьем свыше пределов утренней гимнастики, нельзя считать полноценными людьми, доказан.

И Райхман победно посмотрел на меня.

— Это значит, — сказал я, — что мне можно у вас закурить?

— А ведь этот ваш вывод из нашего разговора вполне логичен, — после некоторого молчания удивленно заявил Райхман. — Курите. Пепельницу я вам сейчас принесу. И еще сделаю нам чай.

Он ушел на кухню, а я мысленно поставил на табло «один — ноль» в свою пользу. Дед явно заинтересовался разговором со мной, коли уж решил цепного пса буржуазии чаем напоить. Да еще и с бутербродами, как выяснилось вскоре!

Райхман вернулся, держа в одной руке две чашки с чаем, а в другой — тарелку с бутербродами. Очень кстати. Я ведь не ужинал и не завтракал.

— Кушайте, — сказал он, ставя тарелку передо мной.

— А вы? — спросил я, принимаясь за бутерброд с ветчиной и сыром.

— Я ограничусь чаем.

— Почему, Семен Семенович? — улыбнулся я сквозь бутерброд. — За здоровьем следите?

— Я позавтракал ровно два часа назад, — сухомерно ответил Райхман. — Сколько, по-вашему, можно завтракать за одно утро?

— Ну, — сказал я, — это, видите ли, зависит от плотности завтрака и еще...

— Не будем забывать о деле за яствами, — прервал Райхман. — Давайте мне свой текст.

Я протянул ему пакетик с запиской. Райхман аккуратно открыл его, и, затаив дыхание, потянул маленьким пинцетиком записку наружу. Включил небольшую настольную лампу и тщательно, под лупой, осмотрел записку на просвет. Потом выключил лампу и еще долго разглядывал в лупу текст.

Я успел за это время приговорить бутерброды с чаем и уже заканчивал с сигаретой, когда Райхман вдруг сказал:

— Тринадцатый век. Это бесспорно. А конкретно — между тысяча двести двадцатым и тысяча двести двадцать пятым годом. Это тоже бесспорно.

Он говорил тихим ровным голосом, глядя на меня поверх очков каким-то странным взглядом. Взгляд был осмысленный, не в себя, а наружу, но меня Райхман, определенно, не видел. Он смотрел сквозь меня на кого-то или что-то у меня за спиной. И говорил как будто не мне, а тому, что позади меня.

Я обернулся. Тьфу ты! Ну конечно, пусто! А кому там быть? Нагнал, думаю, на меня старый черт жути. Мне бы так уметь, сильно в работе бы пригодилось.

— Семен Семенович, — говорю ему медленно и отчетливо, — вы со мной или где?

Райхман вернул взгляд на меня.

— С вами, Сергей Викторович, с вами. Просто... — Он сделал неопределенный жест рукой. — Это у меня бывает. Тяжело из тринадцатого века быстро в двадцать первый вернуться. Не обращайтесь внимания.

— Попробую, — пообещал я. — Скажите, а как вы так уверенно дату определили? Не ошиблись ли?

— Нет. В таких делах ошибиться невозможно. Вот посмотрите...

Он снова включил настольную лампу и поднял бумажку перед ней на просвет.

— Видите?

На бумаге был отчетливо виден на свету водяной знак. Рогатая голова, над ней крест и змея, обвившаяся вокруг креста.

— И как из этого знака дата создания текста вытекает? — спрашиваю я.

— С точностью до пяти лет вытекает, — поднял указательный палец Райхман. — Это средневековый водяной знак, так называемая филигрань. Каждый производитель старался водяной знак сделать свой — фирменный, так сказать. Их регулярно обновляли. Вручную, разумеется, поэтому рисунок точно не повторялся. Нам давно известны почти все филигранные почти всех производителей почти по всем годам. Таким образом очень легко определить дату создания любого документа. Вот, например, данная филигрань принадлежала предприятию под названием Болонская бумажная мельница и использовалась в период с тысяча двести двадцатого по тысяча двести двадцать пятый год. Теперь вам понятно?

— Про бумагу понятно, — отвечаю. — А про текст — нет. Его же могли и через десять лет после изготовления бумаги написать. И через сто.

— Нет, не могли! — отверг Райхман. — Бумага стоила очень дорого, и про запас ее не покупали. Использовали почти сразу. Стало быть, и этот текст создан примерно в те же годы, что и бумага. К тому же и манера начертания букв, и цвет чернил подтверждают мой вывод о дате написания.

— А скажите, Семен Семенович, сам по себе этот знак что-то символизирует? Ну вот рогач этот, крест, змея...

— А как же! Средневековье — до крайности символичная эпоха. Разумеется, это христианская эмблема, другой бы тогда не потерпели. Но что точно означает змея на кресте, не знали даже тогда. — Он кивнул на записку. — Тем более не знают сейчас. Хотя используют на самом высшем уровне. На посохах патриархов непременно змея на кресте присутствует.

— Почему не знают? Забыли?

— И не знали никогда. Просто сперли, и все. Этот символ известен задолго до появления христианства и даже задолго до того, как евреи в Палестину пришли.

— Как? — удивляюсь я. — Ну, змея — понятно. А крест?

— И крест, — говорит Райхман, — и девственница, родившая бога, который умер и воскрес. Все это украдено у восточного язычества. Как и большинство так называемых святых. Вот возьмем, к примеру, Георгия Победоносца. Вы, конечно, слышали про него?

— Это в честь которого Георгиевский крест и ленточка?

— Абсолютно точно. Так вот, Георгий Победоносец — это только его последнее прозвище. Он же бог Ваал, он же бог Яхве, он же бог Мардук, он же бог Ашшур, он же шумерский герой Гильгамеш... На этом след обрывается. Ну, это потому, что до шумеров письменности вообще не существовало. А учитывая, что он на коне, можно с уверенностью сказать: где-то на пути от Гильгамеша к Георгию Победоносцу этот молодой человек успел породниться с так называемыми «конными богами» степных кочевников.

— Мутный персонаж, — усмехнулся я. — И анкета мутная, и погонял имеет как матерый уголовник.

— Да уж! — рассмеялся Райхман и с явной симпатией посмотрел на меня. — А вы, Сергей Викторович, сдается мне, атеист. Нет?

— А как иначе? — говорю. — Я же консерватор. Следовательно, память предков чту. А предки у меня советские люди, то есть атеисты. Ну вот и я... Уж как в школе учили. Не вижу причин от этих знаний отказываться.

— Вот это правильно! — воскликнул Райхман и даже с места поднялся. — Очень правильно рассуждаете! А то, знаете ли, нашлись тут некоторые... На боженьку их потянуло, сволочи идеалистические! А впрочем, — махнул он рукой, — черт с ними.

А я мысленно поставил на табло «два — ноль» и продолжаю разговор:

— А вот не могли бы вы, Семен Семенович, хотя бы примерно сказать, из какой книги этот клочок выдран?

— Кое-какие мысли у меня появились, — возбужденно закивал головой Райхман. — Сейчас я эти мысли проверю, а вам сделаю еще чаю.

Он шагнул в сторону кухни, вдруг остановился, быстро обернулся и пронзил меня взглядом:

— А вы от кого про меня узнали?

Ай молодец, Райхман! Ай молодец! Расслабить собеседника — да в этот момент вопросом неожиданным по башке его, гада, по башке! Приемчик самый что ни на есть оперативно-следственный. Папа-чекист, что ли, его такому научил? Или дедушка, старый подпольщик?

Но, конечно, в моем случае он не на того нарвался. Я и сам так умею. И, ясное дело, ответ на этот вопрос заранее подготовил.

— Мы в университете экспертизу этой бумажки заказывали. Но послали им, конечно, не подлинник, а ксерокопию... — И достаю листки экспертизы. — Вот что они нам ответили. Ну и в приватной беседе посоветовали к вам обратиться за более глубокой консультацией. Очень рекомендовали. Восхищались даже.

— Да? — довольно усмехнулся Райхман. — Ну-ну. Дайте-ка мне посмотреть, что они там наисследовали...

Взял у меня экспертное заключение и стал его листать.

— Кто же там теперь эксперт по средневековым манускриптам? Этот, что ли? Хм... навряд ли. Хотя... Столько лет прошло. Может, чему и выучился наконец. А, и вот кто еще! Ну этот — да. Этот маленько соображает... Чего-чего?! Четырнадцатый век? Ну, знаете ли!

Он швырнул листки мне и рубанул воздух рукой:

— Не отличить написание беневентской буквы «О» четырнадцатого века от ее же написания в тринадцатом веке — это, я вам доложу!.. — Простер руку вперед. — Я же более тридцати лет тому назад наглядно показал, что характернейшими чертами написания буквы «О» в четырнадцатом веке являются...

— Семен Семенович, — вырываю я удила из зубов Райхмана, — да бог с ней, с буквой «О»-то! Не она меня сейчас интересует. Про нее потом как-нибудь. А сейчас вы про книгу, из которой эта надпись, что-то узнать хотели.

— Ну да, ну да, конечно, — говорит, как-то обмякнув, Райхман. — И еще чаю вам сделать хотел. А впрочем, знаете-ка что. Ступайте на кухню и распорядитесь там сами, как пожелаете. А меня не тревожьте примерно час или два.

И быстро зашагал вглубь квартиры.

«Три — ноль», — думаю. Однако, чтоб узнать про архив его отца и расплатиться тем самым с Беличевым, даже такого счета пока мало.

Отправился я на кухню, про которую рассказывать ничего не буду. Не потому, что скрываю, а потому, что ничего интересного там для нашего рассказа не было. И времени я провел там немного. Гораздо меньше двух часов. Только-только закончил мыть чашку из-под чая, как на пороге кухни неслышно, мало не напугав, возник Райхман, молча поманил меня рукой, повернулся и ушел. Призрак призраком, право слово. И бледный почему-то, как привидение.

8.

Комната, куда длинным коридором провел меня Райхман, была, по всей видимости, кабинетом хозяина. Как и все в этом доме, кабинет был обставлен по-старинному. Такие, знаете ли, массивные книжные шкафы вдоль стен. Натертый до блеска паркетный пол. Основательный письменный стол, накрытый зеленым сукном. За ним деревянное кресло с высокой резной спинкой. Как трон, право слово. На столе «ленинская» лампа с зеленым абажуром. Она стояла слева, а вот справа — тонкий серебристый ноутбук с «яблочком» на крышке. Как ни странно, он вполне гармонировал с остальной обстановкой.

Райхман показал мне на кресло, придвинутое к углу стола, а сам сел на свой «трон». Снял очки, нахохлился, медленно перебрал несколько листков в старой папке, открытой перед ним, потом поднял глаза на меня. Все это молча. Ну и я молчу. Тут и без слов ясно: натолкнулся Райхман на что-то такое, чего и сам не ожидал.

Он тем временем опустил глаза, взял в руку курительную трубку, стукнул ею о дно большой «министерской» хрустальной пепельницы, вывалив кучу еще дымящегося пепла, и стал трубку небольшим ершиком прочищать. Так тщательно-тщательно, будто это для него сейчас наиважнейшее дело.

Через пару секунд вдруг отбросил и ершик, и трубку, встал, захлопнул папку, повернулся лицом к окну и заложил руки за спину.

В кабинете тишина — муху в коридоре слышно.

И вдруг часы напольные из угла громко так, басом:

— Бом-м-м!

Я аж вздрогнул. Звук-то совсем в наше время непривычный. У кого сейчас такие часы увидишь?

А они опять:

— Бом-м-м!

И как такие дома держат? Они ведь и среди ночи, небось, бьют!

На третий «бом-м-м» Райхман очнулся, повернул ко мне голову — и через плечо:

— Кто еще знает, что этот листок у вас?

Я мысленно прикинул — получилось, что много кто. Даже если не учитывать погибшую девушку и ее связи, все равно много получается.

Развел руками:

— Мы эту бумажку, Семен Семенович, и не скрывали ни от кого. Наоборот, со всеми консультировались.

— Погано, — вздохнул тот, медленно сел за стол, потер руками лицо и опять: — Погано.

— Сильно погано? — спрашиваю.

Вместо ответа Райхман посмотрел на меня, потом взял трубку, достал из ящика стола пакет с табаком и принялся трубку набивать. Набил, в рот вставил, спичкой чиркнул и спрашивает:

— Как давно она у вас?

— С месяц примерно, — отвечаю. — Но, Семен Семенович, вы бы подробности какие-нибудь поведали. Что это за бумага? Откуда? По-

чему «погано»? Я же вижу, вы встревожены. Что-то и сам тревожиться начинаю.

— Мало, — пыхнул трубкой Райхман.

— Что «мало»?

— Мало вы пока тревожитесь! А здесь впору не тревожиться, здесь бояться впору.

— Вот как?

— Именно. Заметьте, уважаемый, я не спрашиваю, откуда вы вообще эту бумагу взяли. Но если из-за нее кого-нибудь убили, удивлен не буду.

Я осторожно взял в руки этот листок. Надо же, убить из-за него могут! А на вид ничего особо ценного. Плотная пожелтевшая бумага, две строчки, написанные рыжими чернилами. Из-за чего здесь убивать?

Аккуратно положил листок в пластиковый пакетик и — в карман его. Говорю Райхману:

— Семен Семенович, я еще раз спрашиваю, откуда этот текст? Почему за него могут убить? И кто? Что еще за банда букинистов у нас завелась?

— Не у нас, — отвечает Райхман. — И не букинистов.

— Я подробностей жду, Семен Семенович, — говорю чуть более строгим тоном. — Если уж речь об убийствах зашла, вы обязаны рассказать все, что знаете.

— Я пытаюсь сообразить, с чего начать свое объяснение, — морщится Райхман. — А вы мне мешаете. Обязан я, видите ли! Строго говоря, ничего я буржуазному государству не обязан. Одни буржуи убьют других. А мне какое дело?

Ага, классовой борьбы мне только сейчас и не хватало! Поэтому пытаюсь увести старика от антибуржуазных мыслей.

— Убивают, как правило, не буржуев, — говорю. — Знаете же: пань дерутся, а у холопов...

— И до холопов мне никакого дела нет, коли сами в холопы к буржуям полезли! — неожиданно рявкнул старик.

— А мне есть! — тоже показываю, что могу рявкать. — Я их защищать обязан! И буржуев, и холопов, и революционный пролетариат.

— Ох, святая простота! — Райхман подскочил с кресла и зашагал туда-сюда по кабинету. — Простота, которая хуже воровства! — Он обратился к портрету Ленина на стене: — Полиция в капиталистическом государстве, видите ли, защищает не только эксплуататоров, но и эксплуатируемых. Черта с два! — Это уже мне, а не Ленину. — Защищаете вы только и исключительно интересы буржуев. А общественный порядок — это так, — презрительно помахал рукой, — побочный эффект вашей деятельности.

Это звучало несколько обидно. И я сказал, что мне лучше знать, кого именно я защищаю.

Райхман с этим категорически не согласился:

— Вы так думаете потому, что никогда толком не изучали марксизм! Вообще-то я его совсем не изучал, но говорить об этом Райхману счел излишним.

А тот продолжал:

— Если бы вы прочли работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», вам бы все стало ясно как белый день.

Ой, гляжу, что-то мы совсем не в ту степь забрели.

— Семен Семенович, — говорю примирительным тоном. — Если вы уж так настаиваете, я эту книжку прочту и законспектирую. Но сейчас давайте к нашей бумажке вернемся.

Райхман недоуменно уставился на меня, но тут же спохватился:

— Ах да!

Он уселся в кресло, подтянул к себе ноутбук, несколько раз щелкнул мышью и развернул экран ко мне:

— Посмотрите!

Я посмотрел. На экране было фото какого-то древнего текста.

— Это отсюда наша бумажка вырезана? — пытаюсь я догадаться.

— Нет, — сказал Райхман. — Это вексель. Очень старый. Начала тринадцатого века. Тогда для финансирования Пятого крестового похода римский папа Гонорий Третий выдал ломбардским банковским домам четыре векселя на крупные суммы золотом и под солидный процент — десять годовых. Вот это один из тех самых векселей. Принадлежит некоему Карлу Файзенбергу.

— Этот Файзенберг тоже любитель антиквариата, как и вы? — спрашиваю. — Ваш коллега?

— Он вовсе не мой коллега. И вексель этот имеет совсем не антикварную ценность. Проценты по нему исправно выплачиваются до сих пор.

— Я был удивлен. Очень. Аж присвистнул, хотя стараюсь никогда не делать этого в помещении. Но тут сдержаться не смог. А вы, Эля, как погляжу, не очень этому факту удивились.

— Я? — Эльвира подняла брови. — Нет, почему же, я тоже удивлена. Просто...

Она неопределенно повела рукой.

— Просто не ожидали вопроса?

— Да, — кивнула Эльвира. — Вы так неожиданно на меня переключились. Хотя обещали, что вопросы буду задавать только я. Ну а так-то мне, конечно, это очень любопытно. Кто это в нашем мире такой честный и щедрый?

— Вот. Именно об этом я и спросил Райхмана. Почти слово в слово.

— В наше-то время все банковские переводы прозрачны, — заметил я. — Нетрудно установить источник денег.

— Прозрачны? — Райхман посмотрел на меня как на идиота. — Прозрачны?! Я почему-то думал, вы умнее. Прозрачны только различные частные и коммерческие платежи. А движение не платежей, но капиталов... — Он поднял указательный палец и медленно, отчетливо повторил: — Капиталов. Это всегда было и остается самой темной, самой закрытой областью и самой великой в мире тайной. И помоги бог, которого нет, тому, кто, не имея права знать, хотя бы прикоснется к этой тайне!

Райхман встал и ткнул пальцем в меня:

— Вас вот угораздило.

Он прошелся по комнате, предоставляя мне время переварить услышанное. Потом, сочтя, что я уже справился с этой задачей (на самом деле еще не вполне), снова сел и продолжил, указав на изображение векселя:

— Если вы возьмете только открытые данные, то выясните, что проценты по векселю перечисляются с номерного, безличного счета в миланском банке «Кредито Артиджиано».

— А кто их туда вносит? — интересуюсь я.

— Их туда вносит сам банк.

— А... — начинаю я новый напрашивающийся вопрос.

— Бэ! — несколько невежливо прерывает меня Райхман. — На этом вся ваша хваленая «прозрачность» и заканчивается. Ибо тут мы, пройдя по течению этого маленького ручейка денег, миллионов в двадцать долларов ежегодно всего-то-навсего, приблизились к его истоку. А вытекает этот ручеек из гигантской подземной реки Капитал. Поэтому в этом месте ваша буржуазная «прозрачность» немедленно опускает стальную завесу, и хорошо, если не нам на голову.

— Семен Семенович, — спрашиваю я, — а откуда у вас открытые данные по этому делу? Они ведь хотя и открытые, но тоже очень и очень не для всех. Из интернета их, во всяком случае, не скачаешь. Судебный запрос нужен или что-то в этом роде. Если я правильно понимаю.

Райхман высокомерно улыбнулся:

— Не верите? Думаете, сочиняет старый демагог?

Какое там «не верю»! Учитывая, что мне про его папашу в ФСБ рассказали, не то что верю, а знаю, что старик правду говорит. Внешне стараюсь ничего не показывать, но внутренне стойку сделал и молю только, чтобы Райхман не останавливался и на Энгельса больше не отвлекался.

Райхман постучал пальцем по толстой старой папке, лежащей на столе. Потом поднял палец вверх, строго помахал им и снова постучал по папке.

Я склонил голову набок и изобразил бровями вопрос.

Райхман довольно улыбнулся:

— У меня здесь не только открытый, но и кое-какой закрытый материал имеется. Я расскажу вам его суть, потому что это напрямую связано с вашей бумажкой. При условии строгой конфиденциальности, разумеется. Да?

— Об этом могли и не говорить, Семен Семенович, — отвечаю я. — У нас источники не выдают, как говорится, «по умолчанию».

— Хорошо, — Райхман вдруг нахмурился. — Я это делаю потому, что, возможно, это действительно спасет чью-то жизнь. Может быть, даже вашу. А может быть, чем черт не шутит, поможет даже остановить их.

— Кого?

— Тех, кто придет за вашей бумажкой. А они придут, Сергей Викторович, не сомневайтесь. Они, и не только они, думали, что эта бумажка исчезла много лет назад. Но теперь знают — она нашлась. И явятся за ней. Поэтому слушайте меня внимательно и отнеситесь к тому, что я скажу, максимально серьезно.

Райхман, чуть приподняв, придвинул к себе папку, на обложке которой я успел заметить идущую по верхнему краю надпись: «Министерство государственной безопасности СССР».

9.

Райхман разыскал в папке закладку зеленого цвета, открыл заложенное место, опять нацепил свои круглые очки и, расправив ладонью пожелтевшие от времени листы, начал:

— Банк «Кредито Артиджиано» был основан в Милане в тысяча девятьсот сорок шестом году. Основатель и владелец контрольного пакета акций банка — малоизвестный на тот момент финансист Джузеппе Висмара. — Райхман подцепил в папке закладку бордового цвета, открыл и пробежал глазами страницу и поднял на меня глаза. — В общем, по объективке¹, этот Висмара был из старинного, но обедневшего рода ломбардских банкиров. Его предки как раз и были одними из тех, кто кредитовал римского папу. Потом дела у семьи шли все хуже и хуже, так что к началу Второй мировой Висмара владел только несколькими ломбардами в Милане и дела свои за войну не поправил. Но вот тут, — он ткнул пальцем в страницу, — обращается внимание на следующий факт. Джузеппе Висмара в тысяча девятьсот двадцатом году женился на немке Хельге Дибич, младшей сестре Карла Дибича, оберфюрера СС. Впрочем, в двадцатом он еще, разумеется, оберфюрером не был. Но в НСДАП уже вступил. Вы, часом, о нем не слышали?

— Ну откуда? — развел я руками.

— А это очень интересный бес, — усмехнулся Райхман. — Он дизайнер большей части униформы, орденов и прочих регалий СС. Ну там всяких эсэсовских почетных кинжалов, перстней, светильников и прочегохлама.

— А я слышал, — говорю, — что форму СС Хуго Босс разрабатывал.

— Он только производил, — говорит Райхман. — И никогда не был в СС. А весь дизайн — это наш друг Дибич. Затем он еще разработал всю символику «Аненербе»². Была такая организация при СС. Изучала потусторонний мир и прочую чертовщину. Ну, на эту мистическую шелуху мы пока внимания обращать не будем, а посмотрим кое-что поинтереснее. — Райхман пролистнул пару страниц. — Вот. В тысяча девятьсот тридцать пятом году Дибич вместе с еще одним эсэсовцем, группенфюрером Надем, открывает в Мюнхене фабрику фарфора «Порцеллян Мануфактур Аллах»³. В тысяча девятьсот тридцать девятом году они переводят свой бизнес из Мюнхена. Но недалеко — в концлагерь Дахау.

¹ *Объективка* (справка об объективных характеристиках сотрудника) — краткая характеристика специалиста или служащего, основанная на его официально задокументированных успехах или недочетах.

² «Аненербе» — организация, созданная в Германии в 1935 году для изучения традиций, истории и культуры нордической расы. Большое внимание уделяла оккультному, эзотерическому и мифологическому наследию древних германцев, которое с успехом встраивалось в идеологию Третьего рейха. Существовала до 1945 года.

³ *Аллах (Allach)* — городок в Германии, предместье Мюнхена.

— Зачем в концлагере фарфор? — малость ошалев от всего услышанного, задаю я не самый умный вопрос.

Райхман бросил на меня взгляд поверх очков и усмехнулся:

— Вежливо — даже очень вежливо — говоря, в концлагере рабочая сила дешевле.

— Ага, — киваю я. — Конечно. Я мог бы и сам догадаться.

— Это еще не все, — продолжает одними губами улыбаться Райхман. — Фарфор — это же не только вазы и чайные сервизы. Для промышленных целей он тоже необходим. Например, для промышленного уничтожения всяких унтерменшей вроде нас с вами. Вот так.

Он снова вернулся к папке:

— В тысяча девятьсот сорок третьем году наш дизайнер и фарфоровый магнат каким-то образом оказывается на службе в танковой дивизии СС «Викинг», а двадцатого апреля сорок четвертого года, уже с погонями оберфюрера, появляется в Италии и возглавляет ее полицию. В сорок пятом году он на длительное время исчезает из нашего поля зрения. Но, к сожалению, не из жизни. Умер он в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. А его фарфоровая корпорация продолжает процветать до сих пор. Правда, она много раз сливалась с другими компаниями, переименовывалась... Но это шелуха.

Райхман снова открыл место, помеченное зеленой закладкой.

— Вернемся к «Кредито Артиджиано». Есть, знаете ли, такая интересная корпорация — Ай-Ти-Ти⁴. Штаб-квартира ее в США, но щупальца — по всему миру. Народу она мало известна, так как потребительских товаров не производит, ее клиенты — армии. Самые разные. Сейчас это армии НАТО, а во время войны, например, она снабжала системами связи Третий рейх. И входила, несмотря на то что президентом ее был полковник армии США Состенс Бен, в фашистский концерн «ИГ Фарбен», как и другая американская компания — «Дженерал Моторс». А возглавлял «ИГ Фарбен» сам Герман Геринг. Этот концерн поставил армии Гитлера восемьдесят пять процентов военной продукции. В тысяча девятьсот сорок седьмом году Аргентина выкупила у Ай-Ти-Ти ее аргентинский филиал за восемьдесят миллионов долларов. Прибавьте два нолика и получите эту сумму в расчете на современные доллары. А кредитовал эту сделку под залог казначейских обязательств правительства Аргентины именно «Кредито Артиджиано». После чего, очевидно от радости, Хельга Висмара, в девичестве Дибич, застрелила своего мужа и застрелилась сама. В затылок. По крайней мере, итальянская полиция пришла именно к такому выводу.

— Это бывает, — согласился я. — Такая радость часто творится даже там, где речь идет о куда меньших суммах.

⁴ *Ай-Ту-Ту (ITT Corporation)* — американская корпорация, основанная в 1920 году как международная телеграфная и телефонная компания (International Telephone & Telegraph). Впоследствии — конгломерат компаний в различных отраслях экономики. ITT Corp. замешана в ряде крупных политических скандалов (поддержка франкистов во время гражданской войны в Испании в 1930-х годах, переворот в Чили в 1973-м, операция «Кондор», незаконный экспорт оружия в страны третьего мира и т. п.). Во время Второй мировой войны на заводах ITT в Европе производилась военная техника и средства связи для нацистской Германии.

— А почему вы не спросите, откуда мелкий банк взял такие деньги? — интересуется Райхман.

— И откуда?

— Ну, пятьдесят пять миллионов возникли как бы из воздуха. Происхождение их отследить не удалось. А вот двадцать пять миллионов «Кредито Артиджиано» занял, под залог тридцати пяти процентов своих акций, у Института религиозных дел.

— Крутой вуз! — удивился я.

— Это не вуз, — говорит Райхман. — Это Банк Ватикана. Просто с тысяча девятьсот сорок второго года он носит название Института. Итальянцы, очевидно, очень любят свою церковь, поэтому Банк Ватикана не платит налогов. Никаких. Равно как и его вкладчики — с процентов по вкладам. Как по-вашему, сколько денег можно перекачать через такой банк?

— Я бы перекачивал все, — говорю. — Очень хороший банк! Выгодный. А сколько там реально денег проходит?

— Напрасно вы смотрите на меня с таким интересом, — улыбнулся Райхман. — Туда не смогли подобраться даже те, кто составлял эту папку. Так что ответ на ваш вопрос — неизвестно. Больше скажу: неизвестно даже, кому это известно.

— Как? — удивляюсь я. — Ректору-то этого, прости господи, «вуза» должно быть известно.

— Ректору? А вы знаете, глава Банка Ватикана так и называется — ректор. Институт все-таки. Как без ректора? Давайте на них посмотрим и решим, много ли они в своем Институте контролируют? Итак, с тысяча девятьсот сорок второго года было три ректора. Первый пропал без вести. По слухам, ушел в доминиканский монастырь. Второго, по версии следствия, какой-то хулиган расстрелял из автомата...

— Это в Италии хулиганством считается? — уточняю я.

— Не всегда. И не в Италии. Хулиганство в Ватикане произошло, — спокойно пояснил Райхман. — Ну а третий ректор в тюрьме. По официальной версии, обналичил для мафии сто пятьдесят миллионов евро. А что там на самом деле было, теперь и не узнать. Все изъятые при аресте материалы, сорок три папки, римский папа потребовал вернуть в Ватикан. И власти Италии тут же все вернули. Кроме ректора, который по-прежнему в тюрьме.

— И это правильно, — одобрил я. — Выпустишь его на свободу, а там опять хулиганы. В тюрьме оно надежней. Думаю, и сам ректор на волю не рвется. Так что, если ему свободой пригрозить, много интересного узнать можно. Надеюсь, итальянские коллеги момент не упустят. Ну а кто же сейчас ректором?

— Никто. Есть и. о., но ректором он стать не спешит.

— Молодец, — говорю. — Когда мне предложат эту должность, я тоже буду много и долго думать, соглашаться мне или нет.

— Ни за что не соглашайтесь, — советует Райхман. — Однако пора делать выводы из нашего исследования. Итак, кто такие, по-вашему, эти ректоры?

— Мне кажется, — говорю, — они кто-то вроде «смотрящих». Знают много, но целой картины, скорее всего, не имеют. Ну а сам римский папа? Он-то уж точно знает!.. Или нет?

— Римский папа, — повторил Райхман раздумчиво. — Папа... Это фигура огромного влияния. Правда, немного сдал позиции со Средних веков. Тогда он был на первом месте по влиянию, сейчас — на пятом. Но все равно это высокое место. Чудовищно высокое. Запомнили это? А теперь слушайте дальше. Двадцать шестого августа тысяча девятьсот семьдесят восьмого года папой стал итальянец Альбино Лучани, принявший имя Иоанн Павел Первый. Первое, что он сделал, — объявил о намерении провести ревизию деятельности Института религиозных дел. Двадцать восьмого сентября того же года его нашли в спальне мертвым. Он был папой тридцать три дня. — Райхман снял очки и стал их медленно протирать. — Пятая по силе фигура в мире... Наверное, поэтому понадобился целый месяц, чтобы убрать ее с доски. Кто это мог сделать, а? Как считаете?

— А версию естественной смерти вы не рассматриваете? — спросил я. — Что показало вскрытие?

Райхман вернул очки на нос, развел руками и улыбнулся:

— Ничего. Вскрытия не было. Римских пап, как и православных патриархов, никогда не вскрывают.

Я на это Райхману говорю...

Эльвира вдруг одним глотком допила кофе и стукнула чашкой о блюдечко.

Журавленко удивленно замолк, а журналистка отодвинула от себя пустую чашку, достала из сумочки тонкую желтую сигарету без фильтра, зажала ее губами и сквозь зубы сказала:

— Разбираться в древних текстах — не значит разбираться вообще во всем, Сергей Викторович, — щелкнула зажигалкой, прикурила, сделала затяжку и продолжила: — А в папке с надписью «Министерство государственной безопасности СССР», пусть сколь угодно секретной, не могло быть ничего о семьдесят восьмом годе. Сказать почему?

— Не надо, — осторожно ответил Журавленко.

Эльвира откинулась на спинку стула и, не глядя на Журавленко, продолжила:

— Понятия не имею, как ватиканские сплетни добрались до Кемерова, но Иоанн Павел Первый умер от инфаркта. Он был давний сердечник. За два дня до смерти стал жаловаться на боли, но врача вызвать отказался. Попробуйте инфаркт не лечить! Ему, знаете ли, все равно, пятая ты фигура или какая там. Он неграмотный, считать не умеет.

— Понятно, — так же осторожно отозвался Журавленко.

— Если вы еще о чем-нибудь, кроме римских пап, с этим Райхманом беседовали, может, перейдем к этой части? А, Сергей Викторович?

— Я просто хотел про интересное вам рассказать. Вот и думал...

— Нашим читателям про пап неинтересно, — отрезала Эльвира, давая окурочек в пепельнице.

— А пап больше и не будет, Эля, — пожал плечами Журавленко. — Райхман в тот момент как раз и вернулся из Рима.

— А теперь вернемся в банк «Кредито Артиджиано», — будто по вашему заказу, сказал он, — в тот год, когда он так внезапно осиротел. Пакет акций, принадлежавший семье Висмара, в семье и остался. Его наследовал единственный сын по имени Рудольфо Висмара. Молодой человек двадцати семи лет от роду, но успевший сделать неплохую карьеру в СС. На момент окончания войны он был штурмбаннфюрером. Для его возраста очень неплохо! Он служил в управлении под названием «Лебенсборн». Эта структура СС занималась чистотой арийской расы. Организовывала родильные дома для арийских мам, приюты для арийских сироток, опекала и заботилась об арийских матерях-одиночках, «онемечивала» детей, вывезенных с оккупированных территорий, и... — тут Райхман замолчал, потом вздохнул, — уничтожала неарийских детей — славян, евреев, цыган. Много и планоно. В газовых камерах принадлежавшего «Лебенсборн» концлагеря в Хелмно.

Если бы я не был за рулем, попросил бы в этот момент у Райхмана выпить. А так только закурил и говорю:

— Да что ж за нелюдь-то такая?!

— Нелюдь? — тихо и спокойно спросил Райхман, набивая свою трубку. — Нет, не нелюдь. Обычные люди. Чтобы их понять, надо понять марксизм. Бытие диктует сознание. Хочешь изменить людей — не читай проповеди, не трать зря время. Измени их бытие — они изменятся тоже. И очень быстро.

Мы немного помолчали, покурили, потом Райхман говорит:

— Итак, продолжим. Комендантом лагеря в Хелмно был оберштурмбаннфюрер Зигфрид Файзенберг...

— Стоп! — говорю. — А владеец векселя? Как его зовут, вы говорили? Карл...

— Браво-браво, Сергей Викторович! — засмеялся Райхман. — Внимание у вас профессиональное. Да. Карл Файзенберг — это его сын. А дочь Зигфрида Файзенберга вышла замуж за нашего Рудольфо Висмару.

— Который и владеет банком, осуществляющим платежи по векселю, — продолжил я. — Это многое объясняет!

— Ничего это не объясняет, — строго сказал Райхман и застучал трубкой о пепельницу. — Родственными связями можно объяснить открытку на Рождество и галстук на день рождения. А не платежи по векселю, которому восемь веков. И которые, кстати говоря, исправно все восемь веков платились!

— Тогда зачем вы мне рассказали всю эту родословную? — недоуменно спросил я.

— Да не родословную! — чуть ли не возопил Райхман. — Не родословную я вам рассказывал. А карьеру! Скажите, вас не удивляет количество эсэсовцев в этой истории? Причем они не в тюрьме и не на виселице, а между банками, корпорациями, институтами, папами?

— Не так чтобы уж очень сильно удивило, — признался я.

— Вот как? — Райхман так изумился, что опять снял очки. — Почему, позвольте поинтересоваться?

— Они всё же были элитой того общества, — говорю.

— Элита? — еще больше удивляется Райхман. — Эсэсовцы — элита? С какой стати? Их набирали из самых низов. Гиммлер был фермер-агроном. Гейдрих — лейтенант в отставке. Мюллер — рядовой полицейский. И так далее. Кого ни возьми — либо мелкий лавочник, либо люмпен. Элитой они считались только в Третьем рейхе. В глазах настоящей элиты они были парии, выскочки. За это их стали презирать и ненавидеть еще до того, как они действительно заслужили ненависть и презрение. Они это знали, и это их спланивало. Эсэсовцы прекрасно понимали, что наверху они могут быть только в той системе, которую создал Гитлер. А к концу войны им стало ясно, что и просто физически существовать они могут только в ней. Во всем другом мире их ждала смерть. Коммунисты их искали, чтобы наказать за преступления, капиталисты — за то, что не оправдали надежд, которые Капитал на них возлагал. Что же им было делать?

— То, что обычно при подобном раскладе делают, — отвечаю. — Бежать и прятаться.

— Найдут и убьют, — сказал Райхман. — Надо что-то другое. Что? Я развел руками.

— Хорошо вам руками разводить! А они вот не могли так поступить. И они решили сохранить часть Третьего рейха, чтобы спрятаться в ней. Они решили сохранить СС. И у них получилось. — Райхман снова сел за стол, надел очки и открыл папку. — «Одесса». Слышали такое слово? Подсказываю, это не город.

— Тогда не слышал, — говорю.

— Это тайная организация членов СС⁵. Существует до сих пор. В сорок третьем году, когда для всех стало понятно, кто победит, СС начали создавать по всему миру подпольную сеть, призванную сохранить эсэсовцев после войны. Открывали безличные счета в банках, скупали недвижимость, коммерческие предприятия, обеспечивали каналы транспортировки и связи. Особенно разветвленной была «Одесса» в Южной и Центральной Америке. Отсидевшись там после краха рейха и зализав раны, члены организации перешли в наступление. Скупали политических лидеров, приобретали, да и просто захватывали акции крупных предприятий. Успехи их очень значительны. Судите сами, вот только немного из известного. С пятидесятых годов члены «Одессы» — в совете директоров компании «Мерседес-Бенц». С семьдесят второго по восемьдесят первый год Генеральным секретарем ООН был явный член «Одессы» Курт Вальдхейм... Примеры можно продолжать, но, думаю, и этого достаточно.

— Семен Семенович, — говорю, — это все очень интересно, но к нашему вопросу вряд ли имеет отношение. Они уже давным-давно померли, все эти спасшиеся эсэсовцы. К чему они нам?

⁵ Речь идет об ODESSA (Organisation der ehemaligen SS-Angehörigen) — Организации бывших членов СС. Скорее всего, мифической.

— Организация-то жива, — говорит Райхман.

— Как так? — не понял я. — Кто ж там состоит, если все члены умерли?

— Да где вы видели, чтоб организации просто вымирали? На место умерших членов просто встают новые, и все. Помните, я вам рассказывал про сеть детских приютов, открытых «Лебенсборн»? После войны все они уцелели, только формально перешли под крыло Ватикана. Вот вам и приток новых, с детства обработанных в правильном направлении кадров. И это только один из многих источников.

Все это звучало как-то странно, и я спросил:

— То есть вы хотите сказать, что вот прямо сейчас, в наше время, живут настоящие члены настоящей СС?

— И не только живут, но активно действуют! — подтвердил Райхман. — Боюсь, вам очень скоро предстоит в этом лично убедиться.

10.

Пока Райхман сосредоточенно листал вторую папку, разыскивая что-то, я пытался сообразить: дед это серьезно говорит или просто чокнулся от старости? Какие эсэсовцы через семьдесят пять лет после Победы?

А с другой стороны, говорят, много их куда-то пропало после войны. И концов не нашли. Так что, может быть, Райхман и не сильно преувеличивает. Хотя при чем тут Райхман? Информацию собирал вовсе не он. Другие люди. А эти люди могли ошибаться, или быть пристрастными, или неправильно истолковать поступившую к ним информацию, или просто врать из каких-то своих соображений. В конце концов, им могли подкинуть дезу. Или вообще — все это вместе взятое и причудливо переплетенное. Последнее, пожалуй, вернее всего.

Так насколько же можно верить тому, что я сейчас услышал? Это важно. От этого зависит, насколько можно верить тому, что я, по всей видимости, вот-вот услышу — когда старик раскопает то, что копает в папке... Стоп-стоп! В одном месте его рассказа у меня в голове мелькнуло: «Потом об этом переспросить». Что-то в тот момент Райхман сказал такое, что немного к моему делу прикасалось. Только вот что? Ну давай-давай, вспоминай, голова! Вспомнишь — шапку новую тебе куплю... О, точно! Вот о чем хотел спросить!

— Семен Семенович! — окликнул я.

Он поднял нос от папки.

— Вы говорили про детские приюты этой самой «Лебенсборн». Скажите, а в Калининграде... ну то есть в Кенигсберге... был такой приют?

— В высшей степени вероятно, что был, — кивнул Райхман. — Они были во всех крупных городах Германии, а Кенигсберг — один из крупнейших. — Он было снова погрузился в папку, перелистнул пару страниц, но потом замер и вновь поднял на меня глаза. — А почему вы про это спросили? Эта записка из Калининграда к вам попала?

— Нет, — уверенно заявил я.

— Тогда почему такой интерес к нему?

— Семен Семенович, — говорю, — не все я вам могу рассказать.

— Пойдите! — воскликнул Райхман, откидываясь на спинку кресла. — Я понял. Понял! — Привстал, потянулся ко мне через стол — и шепотом: — Они уже здесь, да? В России? Или уже в Сибири?

— Повторяю, Семен Семенович, не все я вам могу рассказать. А честно — и сам толком ничего не знаю. Для того к вам и приехал, чтобы хоть что-то узнать. А вы мне тут такого наговорили, что я, кажется, теперь понимаю еще меньше, чем до встречи с вами. Вы же мне так и не сказали, что это за чертова записка и почему за ней СС охотится!

— Сейчас, — сказал Райхман и протянул мне через стол папку. — Посмотрите на этот документ. Четыре фотографии, сделанные Полномочным представительством ОГПУ по Сибирскому краю в тысяча девятьсот двадцать восьмом году.

Я взял папку и на этот раз успел разглядеть ее ярко-красную обложку подробнее. По верхнему краю тоже, как и на прежней папке, шла надпись: «Министерство государственной безопасности СССР», а ниже крупно и жирно было выведено чернилами: «Литер Ф № 230» — и еще чуть ниже: «Опыт».

На фотографиях были листки с латинским рукописным текстом. Даже мне стало понятно, что документ старинный. Заглавные буквы были выполнены в виде рисунков, а в начале каждого абзаца красовалась миниатюра. В цвете, наверно, это выглядело бы шикарно. Но меня на этих фото сразу же привлекли не старинные рисунки, а выделенные на фото чернилами дыры в листах манускрипта. Всего их было пять штук, каждая пронумерована.

Я поднял глаза на довольно улыбающегося Райхмана, постучал себя по карману, в котором лежала наша записка, потом показал на фото:

— Она отсюда?

— Да, — энергично кивнул он. — Конкретно — она из вырезки под номером «четыре».

— Что это за документ? — спросил я. — И почему он у чекистов?

— Давайте папку сюда! — энергично заграбастал воздух обеими руками Райхман. — Давайте. Сейчас расскажу. Давайте-давайте!

Я вернул папку. Старик тут же принялся яростно ее листать, а я по-divился, как он умеет внезапно переходить от состояния полнейшего «зависания» всего организма к всплескам дикой энергии. В молодости, поди, совсем бешеный был. Это у него от деда, наверно. А тот — надо же, участник трех революций. Ни одну не пропустил! Небось, и ни одна драка в городе без него не обходилась.

— Ага! — воскликнул Райхман, расправил страницы найденного места и говорит: — Этот документ называется «Гримуар Гонория Третьего». Это тот самый римский папа, вексель которого я вам давеча показывал. Он, как видите, не только векселя писал, но вот, извольте, и гримуары.

— А что это такое?

— Гримуар-то? По представлениям людей Средневековья и некоторых современных нам идиотов, с помощью текста гримуара — вот этого, например, — можно вызвать злых духов и самого Сатану. И не просто вызвать, а заставить себе служить.

— А папа при чем? — спрашиваю. — Он же за это вроде сжигать на костре должен был.

— В двенадцатом веке это было еще не модно. Это позднее в практику вошло. А Гонорий Третий искренне считал, что ему, как наместнику Христа на земле, должны повиноваться не только люди, но и все черти во главе с Сатаной. И после долгой работы он составил вот такой гримуар, который, как считают некоторые, действительно позволяет управлять Сатаной. Позднее этот гримуар много раз переписывался и перепечатывался. Самое позднее издание состоялось уже в двадцатом веке. Столь был популярен.

— Замучили, небось, Сатану, — вздохнул я. — Сколько же раз его вызывали с помощью этой книги? Представляю, как он этого папу Гонория материл!

— Не переживайте за Сатану, — утешил меня Райхман. — Он не уработался. Просто ни разу на вызов не явился, и все.

— Так тоже можно?

— Можно, — говорит Райхман. — Если тот, кто вызывает Сатану, читает не подлинный текст, написанный рукой папы, а копию. А подлинник-то был только один! — Он стукнул рукой по папке. — Его фото вы и видели.

— Как же он попал в руки ОГПУ, да еще и новосибирского? Кстати, тогдашние чекисты, знакомясь с текстом, Сатану ненароком не вызвали?

— У них тоже шансов не было, — усмехнулся Райхман.

— Как не было? Подлинник же! Вызвать его, мерзавца, и к стенке!

— Подлинник-то он, конечно, подлинник, — говорит Райхман раздумчиво. — Так-то оно так. Но поступил он к ним уже с вырезанными местами. А чтоб этого самого Сатану или кого еще вызвать, текст целехонький должен быть. Понимаете, о чем я?

Я-то понимал. По крайней мере, начинал понимать, и чем дальше, тем быстрее. Но Райхману показалось, что недостаточно быстро.

— Кусочки вырезанные сначала на место надо поставить, — тычет на меня пальцем. — В том числе и ваш.

— А кто и когда их вырезал? — спрашиваю. — И вы так и не сказали, как этот документ оказался в ОГПУ? Или это неизвестно?

— Как он в Сибири оказался, известно. А вот кто сделал из него вырезки — нет. В тысяча двести двадцать третьем году папа Гонорий отправил этот гримуар в дар королю Франции Франциску Второму. Правда, пока суть да дело, Франциск умер, и гримуар получил его сын Людовик. И через год тоже умер. От неизвестной болезни. Ходили слухи об отравлении. Подозрение даже падало на его жену Бланку Кастильскую, необычайно умную женщину и религиозную фанатичку. В Средние века это еще могло совмещаться. Гримуар перешел к наследнику престола — Людовику Девятому. Так вот, к нему в руки он попал уже с вырезками из текста. Это зафиксировано в источниках. А вот кто сделал эти вырезки и когда... — Райхман развел руками.

Я решил блеснуть профессионализмом и говорю:

— Моя версия такая. Жена, религиозная фанатичка, увидев, что это за текст, не захотела, чтоб ее муж с Сатаной общался, и траванула его. А потом, чтоб уберечь от этого общения сына да и вообще весь род людской, порезала документ. Дескать, теперь его никто целиком в подлиннике не прочтет.

— Если так, — спрашивает Райхман, — почему она вырезки не уничтожила?

— М-да, действительно... — отвечаю я. — Скороспелая версия. Непродуманная.

— Почему же? — пожал Райхман плечами. — Вполне могло быть нечто подобное. А вырезки уничтожить сама побоялась, отдала тем, кто ее на это дело подбил.

— А кто подбил?

— А черт их знает! — рассмеялся Райхман. — Кто бы ни были, активно сделали полезное дело — избавили мир еще от одного монарха.

Потом он вдруг разом, как выключил, прекратил смех и сказал:

— А теперь отложим связи с Сатаной и прочую мистическую муть и перейдем к действительно важным вещам. Я вам уже говорил, что папа Гонорий выпустил четыре векселя. Судьба трех из них известна. Двух ломбардских банкиров, потомков тех, кто эти векселя у папы принимал, просто сожгли на костре в пятнадцатом веке за какие-то немислимые ереси.

— Очевидно, они оплаты векселей потребовали, — предположил я.

— Очень похоже на правду, — согласился Райхман. — Банкиры пошли на костер, а векселя вернулись в Ватикан и, может быть, тоже пошли в огонь. Третий вексель, который вы видели, через семью Висмара оказался, судя по всему, в распоряжении «Одессы». И кто-то по нему платит проценты. А вот где четвертый?

Райхман замолк и внимательно уставился на меня. Я тоже молчал, ожидая продолжения, пока вдруг не понял, что ответ Райхман хочет получить именно от меня. И сразу догадался какой.

«Да неужели? — думаю. — Неужели...»

И достаю бумажку из кармана.

— Это он? — спрашиваю.

Райхман кивает.

— Не, серьезно? — переспрашиваю на всякий случай.

— Вне всякого сомнения, — отвечает Райхман. — Но не весь вексель. Часть его. По вполне проверенной информации, — он снова хлопнул ладонью по папке, — четвертый вексель был на такую крупную сумму, что папа Гонорий побоялся отправлять его открыто. В текст гримуара он вписал пять частей этого векселя. Тот, кто должен был его получить, знал, как правильно вырезать и сложить эти части, чтобы обрести целый вексель. Но он не успел его получить — умер. А те, кто позже вырезали искомые пять частей, не знали, как правильно сложить. Ватикан, разумеется, их консультировать не торопился. Потом и сам гримуар куда-то пропал. В общем, на целых восемь веков про это забыли. Пока не наступил тысяча девятьсот двадцать восьмой год. В том году в Новосибирске

скончался от застарелого туберкулеза некий ссыльный по фамилии Агарков. С двадцать третьего по двадцать седьмой год он работал ученым секретарем Архива МВД дореволюционной России при Академии наук. В двадцать седьмом его отправили в ссылку.

— За что?

— Он был троцкистом, — сухо сообщил Райхман. — И связей с троцкистами не порвал. После его смерти, как и положено, местное ОГПУ провело осмотр личных вещей и изъятие всех бумаг, какие у ссыльного покойника нашлись. В числе прочих они изъяли и гримуар. Тщательно сфотографировали его и отправили фото в Москву с вопросом, что дальше делать с этим, очевидно очень ценным для советской науки, документом, который троцкистская сволочь от нее прятала. Москва месяца три помолчала, потом поздравила новосибирских чекистов с ценной находкой и сообщила, что скоро к ним прибудет профессор, товарищ Михаил Карлович Ольденберг. Он на месте еще раз оценит находку и, если она действительно представляет интерес для науки, заберет ее с собой. В Академию наук. Просим, дескать, оказывать всяческое содействие. Товарищ Ольденберг приехал московским поездом через три дня после этой телеграммы. Он осмотрел находку, пришел в неописуемый восторг, долго жал чекистам руки, благодарил. Подписал все необходимые акты приема-передачи и на следующий день вместе с гримуаром отбыл в Москву утренним поездом... А вечерним поездом в Новосибирск приехал настоящий профессор Ольденберг.

Знаете, Эля, в этом месте я даже не засмеялся, а заржал. Райхман строго посмотрел на меня. Я успокоился и говорю:

— Извините, Семен Семенович. Удержаться не смог.

Райхман осуждающе покачал головой:

— А вот чекистам тогда было вовсе не до смеха. Они поняли, что их либо пытаются надурить, либо уже надурили. Поэтому на всякий случай они отправили профессора в камеру и принялись названивать в Москву. Ближе к утру, когда все выяснилось, профессора из камеры выпустили, извинились и рассказали все как было. Профессор Ольденберг в ответном слове сказал о работе новосибирского ОГПУ такое, что его сначала хотели обратно в камеру отправить. Но потом решили, от греха подальше, на первом же поезде сплавить в столицу. Тем временем поезд, на котором уехал подложный профессор, подходил к Тюмени. Там его, конечно, ждали местные чекисты. Но, разумеется, никакого профессора в поезде уже не было.

Так гримуар опять пропал с глаз долой. И в следующий раз следы его отыскивались только в тысяча девятьсот сорок третьем году — в ставке шефа СС Генриха Гимmlера. Точнее, на вилле Вурмбах, где размещалась в те годы штаб-квартира «Аненербе». Похоже, что эсэсовцы очень тщательно искали недостающие фрагменты гримуара. И похоже, нашли все пять, в том числе и ваш. Судя по внутренней переписке Гимmlера, ваш фрагмент был найден в Стамбуле у какого-то старьевщика. В СС было возликовали, но рано. Самолет, на котором везли последний вырезанный фрагмент, потерпел катастрофу над Черным морем. Никто из экипажа и

пассажиров не спасся. И с тысяча девятьсот сорок третьего года ваша бумажка считалась утраченной навсегда. А ведь только ее и не хватает, чтобы сложить вексель с процентами, набевшими за восемьсот лет! Вот и вся история вашей бумажки, Сергей Викторович.

С этими словами Райхман, погромев ключами, открыл один из ящиков своего стола, кинул туда обе папки и захлопнул его. Судя по тяжелому стуку, ящик был бронированный. Но это я так, чисто автоматически отметил. На самом деле мысли мои очень далеко в тот момент были. А Райхман, сняв очки и сложив перед собой руки, молча смотрел на меня. Потом снова принялся набивать свою трубку.

— Так и не расскажете мне, как это вы умудрились ее со дна моря выудить?

— Море здесь ни при чем, скорее всего, — говорю. — Может, этой бумажки и вовсе не было в самолете. Мало ли в какие игры люди играют.

— Возможно, возможно, — покивал головой Райхман, раскуривая трубку. — Как бы то ни было, она у вас. И за ней придут.

— И вы абсолютно уверены, что всем, кто в теме, уже известно, что эта бумажка нашлась и что она у нас?

Райхман кивнул.

— Почему вы в этом так убеждены?

— Вы же сами говорили, что почти месяц показываете ее всем, кому надо и не надо, — пожал плечами Райхман. — Так что будьте уверены: чьи надо глаза увидели, чьи надо уши слышали.

Спорить не приходилось.

— Сколько же там процентов набежало, — прикидываю я, — за восемь-то веков?

— Думаю, — отвечает Райхман, — чуть-чуть побольше, чем стоит вся наша область.

— За такие деньги, конечно, можно убить.

— И убьют, — кивнул Райхман. — Даже не рассчитывайте, что они будут вступать с вами в какие-либо переговоры. Огласка им не нужна, да и... — Он махнул рукой. — Не видят они в нас сторону переговоров. Мы все для них быдло. Карлики. Кстати, учтите, Сергей Викторович, когда кто-то получает деньги, всегда есть тот, кто их платит.

— Это мне с детства известно, — усмехнулся я. — Невелика тайна.

— Очень хорошо. Тогда вы и без меня понимаете, что за этим клочком бумажки, помимо «Одессы», охотятся и те, кому предстоит платить по векселю. Им как раз хочется, чтобы эта бумажка опять пропала, и уже навсегда. И они тоже придут к вам.

— Пускай идут, — говорю. — В наших тюрьмах места много.

Райхман весело рассмеялся и погрозил мне пальцем. А потом вдруг кулаком по столу шарах!

— И не вздумайте их жалеть! Они никогда никого не жалели. И не пожалеют! Ни вас, ни ваших близких.

Я поднялся и протянул Райхману руку.

— Спасибо за информацию, Семен Семенович, и до свидания. Вы нам очень помогли.

— Подождите, — Райхман показал на кресло. — Присядьте еще на пять минут.

Я вернулся на место и с интересом посмотрел на старика. Что у него еще в запасе?

А Райхман говорит:

— Если я вам и правда помог, могу я рассчитывать на благодарность большую, чем просто «спасибо»?

Я насторожился. О чем это он?

— В пределах разумного, — отвечаю.

— Вряд ли моя просьба покажется вам разумной, — вздохнул Райхман. — Но попробую. Итак, нельзя ли распространить информацию о том, что эту бумажку вы передали мне? Этот ложный слух и будет вашей благодарностью за мою помощь.

Чего-чего, но такого я не ожидал. Поэтому даже глаза, наверно, выпучил.

— Зачем?!

— Я хочу, чтобы *они* пришли ко мне.

— Об этом я уже догадался. Но зачем это вам? В вашем случае это же верная смерть!

— Об этом и речь, Сергей Викторович, об этом и речь. Знаете, я прожил замечательную жизнь, потому что посвятил ее борьбе за коммунизм, за счастье всего человечества. Я получил величайшее наслаждение в жизни — занимался наукой, изучал этот мир. Что может быть прекрасней? А теперь мне настала пора подумать и о достойной смерти. Погибнуть в бою с нацистами — разве для коммуниста может быть смерть достойнее? Подарите мне ее. В знак благодарности.

«Ну и дед! — думаю. — Вот ведь правда, гвозди из таких людей можно делать!»

А вслух сказал:

— Семен Семенович, ну что вы такое городите, право слово? Вы хоть вдумайтесь, о чем вы полицию просите! Чтоб мы на вас потенциальных убийц навели? Как вы это вообще себе представляете?

И поднимаюсь, чтобы уйти.

— Пойдите! — воскликнул Райхман. — Ну тогда используйте меня в качестве приманки, чтобы *их* было удобнее ловить. В качестве живца, так сказать. Я же знаю, вы так делаете.

— Мы так делаем, Семен Семенович, но «живцов» используем менее ценных, чем вы, и, уж извините, помоложе и, так сказать, поживее. А вас мы не подставляем, вас мы защищать будем.

Райхман помрачнел. Буркнул, что не нуждается в защите буржуазной охранки. И в таком тучеподобном виде проводил меня до прихожей. Открыл мне дверь и говорит:

— Вы меня недооцениваете. У меня есть чем встретить и попотчевать этих гостей.

— Будем считать, что я этого заявления не слышал, — говорю в ответ. — Иначе мне пришлось бы обыск у вас проводить.

— Я бы мог быть отличным живцом, — вздохнул Райхман и закрыл дверь.

— Не волнуйтесь! — крикнул я. — Мы и сами справимся!

В тот момент я еще не знал, что идеальная наживка, причем куда менее ценная, чем Райхман, с самого утра дает показания Косте Мееровичу, а тот до меня никак дозвониться не может. Смартфон ведь я отключил, как только к Райхману зашел.

11.

Вышел я из подъезда и сел на лавочку. На дворе уже полдень. Солнце жарит, как будто и осени никакой нет. Мелкие на детской площадке орут изо всех сил. На той стороне двора асфальт кладут, и там орут, соответственно, уже взрослые.

А я сижу в состоянии «все мозги разбил на части, все извилины заплел». Полез за сигаретами — пачка пустая. А ведь покупал на заправке при въезде в Кемерово. Кажется, с той стороны дома магазин какой-то видел. Надо сходить купить. Да и думается на ходу лучше.

Пошел, прикупил пару пачек крымских сигарет и только на выходе из магазина спохватился, сколько же времени сейчас. Беру смартфон, а он отключен. Я и про это умудрился забыть, вот что с человеком избыток информации может сделать.

Включаю, а там двадцать один пропущенный вызов от Мееровича. Ну ни фиги ж себе!

Звоню.

Костя мне даже «алло» сказать не дал.

— Наконец-то! — говорит. — Ты дома как быстро собираешься быть?

— А чё? — спрашиваю. — Не можете без меня?

— Ну а как? — отвечает Костя. — Без начальника мы стадо, а с начальством — коллектив.

— Вот то-то! Ладно, что названивал? Что стряслось?

— Хочешь узнать, — спрашивает Костя, — как ту девушку звали?

А также откуда она родом и чем по жизни занималась?

Я столбом посреди тротуара замер:

— Ну?

— Фирсова Светлана Николаевна, двухтысячного года рождения.

Проживала, не поверишь, тоже в Тюмени.

— И тоже в крематории?

— Нет. Все чисто. Нормальный жилой дом. По профессии — папина паразитка, то есть студентка.

— Откуда это все у тебя?

— Отец ее сегодня утром приехал. Тело забрать. Фирсов Николай Дмитриевич, тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения. Предприниматель. В наших базах данных не числится, а в реестре предпринимателей такой есть, да.

— И что рассказал?

— Говорит, что дочка училась в Томском универе на истфаке и перестала выходить на связь с месяц назад. Он подал заявление о розыске. На днях его пригласили в отделение полиции и показали фотографии неопознанного трупа. Он узнал свою дочь. Приехал к нам.

— Документы?

— У него — в полном порядке.

— А ее?

— Он говорит, ее при ней и были. На опознании давал показания уверенно. Сначала описал, какая на ней одежда могла быть. Потом рассказал об одной скрытой родинке на теле. Все сходится. Предъявленную одежду и вещи тоже сразу узнал. Сейчас со следком на опознание тела в морг поехал.

— Как себя ведет?

— Ну, держит себя так, знаешь... Короче, видно, что у человека дочь погибла.

Я тем временем обнаружил, что своим остолбенением мешаю прохождению граждан, чем, судя по репликам, они были недовольны, и не торопясь двинулся обратно во двор.

Как-то одновременно и спокойно на душе у меня стало оттого, что вся эта история заканчивается просто и обыденно, без триллера, какой мне Райхман предрекал, но и немного печально — из-за того же самого.

— А про купюры пятитысячные ты его не спрашивал? — говорю Косте.

— Нет.

— А что так?

— Да вот решил, что не стоит пока. И медальон-звездочку тоже пока к опознанию не предъявлял.

Странно. Что это с Костей?

— Тебя что-то насторожило? — спрашиваю. — Что-то встревожило?

— Помнишь Люду Красовскую из нашего информационного отдела? Она уволилась как раз месяц назад.

— Ну?

— Так вот, вчера вдруг выяснилось — я тебе сказать не успел, — что, увольняясь, она случайно — не нарочно, а случайно, я проверял — забыла забить в российскую базу данных информацию об этом розыском деле. И никому про это не сказала. Понял?

Я уже не шел, а бежал к машине!

А Костя спокойно так продолжает:

— Так что никакого всероссийского розыска мы по факту до сих пор не объявили. И гражданин Фирсов ни в каком отделении полиции никаких фотографий увидеть не мог. Что мне, кстати, только что из Тюмени и подтвердили... Серег, ты там чего так пыхтишь-то? Слышь, ты чем там занимаешься, пока я тут с преступностью борюсь?!

А я одной рукой держу смартфон, второй рукой завожу машину, третьей рукой пристегиваю ремень, четвертой рукой распечатываю пачку сигарет...

— Это как, Сергей Викторович? — удивленно прервала рассказ журналистка.

— А вот как-то получилось, — развел руками Журавленко. — По крайней мере, воспоминания у меня об этом моменте остались именно такие. Выруливаю из переулка на проспект, жму на газ, молюсь, чтобы пробок меньше было...

— Все-таки молитесь? — наставила Эльвира на Журавленко указательный палец. — Куда атеизм исчез?

— Никуда. Я же матерно молился. Так можно. Но одновременно я и с Мееровичем общаться не прекращал.

— Костя, кто с этим Фирсовым еще приехал?

— Никого. Он один.

— Точно один? Проверил? Попутчики могут скрытно ходить.

— Мы *смотрели*. И Беличев *смотрел*. Все чисто. Никакого «хвоста». Один приехал.

— Как он тело один везти собирается?

— Грузчиков мало, что ли? Кстати, он торопит с телом. Говорит, что ночным поездом собирается уезжать. Уже, дескать, и место в багажном вагоне под гроб заказал.

— Ага, разбежался! Потерпит. Скажи ему, что без «цинка» мы ему тело отдать не имеем права. Пока закажет, пока...

— Он с собой привез.

— Гроб?!

— Ну. Я видел. Хороший. Цинковый. Красным деревом и белым лаком крытый.

— Выходит, наверняка ехал, сученьш! В общем, Костя, делай что хочешь, но до моего приезда его из города не выпускай.

— Да я его вообще выпускать не планировал. Думал, ты приедешь, мы с двух боков с этим чипиздриком побеседуем, как положено.

— Не-не, Костя. Выпустим. А пока сделай вот что. Возьми этот медальон-звездочку и...

Дальше я сказал Косте, что он должен будет проделать с медальоном.

Он выслушал. Хмыкнул и говорит:

— Понятно. Сделаю. Ты когда будешь?

— Уже лечу! — отвечаю я и отключаю связь.

— От Кемерова до нашего города часов шесть езды. В тот день я доехал за четыре. Вот сколько видеокамер по трассе висело, столько штрафов за превышение мне потом и пришло.

— Оплатили, Сергей Викторович? — заинтересовалась вдруг Эльвира.

— Еще чего? — удивился Журавленко. — Я ж по службе нарушал! Да я и не думал тогда ни о штрафах, ни о том, что разбиться могу. В голове у меня всю дорогу Райхман повторял и повторял: «Они придут, не сомневайтесь. И убьют. Придут, не сомневайтесь... И убьют...»

К нашему горотделу я подкатил часов в шесть вечера. Уже в коридоре услышал, как из кабинета Мееровича доносится громкий голос Кости.

Захожу и вижу: сидит на диване девица лет четырнадцать. На ней широченные штаны, ботинки на толстой подошве и белая футболка размера на два больше, чем надо, с крупной надписью: «Мои предки классно оттянулись в Крыму, а мне привезли в подарок только эту паршивую футболку». Коротко стриженные волосы раскрашены во все цвета радуги. Ну, по крайней мере, желтый, оранжевый и зеленый там точно были. Из-за цвета волос я ее не сразу и узнал. Только через пару секунд дошло, кто это.

Звали девицу Александра Меерович. Моя крестница, кстати. Лет за пять до этого не верящий ни в бога ни в черта Костя ни с того ни с сего решил свою дочку окрестить. В крестные он позвал меня. То, что у нас в итоге получилось, сейчас сидело на диване, жевало жвачку и смотрело в пространство, слушая нависшего над собой отца.

— Если ты хочешь хороших друзей, — громко говорил Костя, — надо общаться с хорошими людьми. Хочешь умных друзей — надо общаться с умными людьми. А ты общаешься с дебилами, вот у тебя и дружба дебилы.

Саня в ответ надула и громко лопнула пузырек жвачки.

— Выплюнь! — рявкнул Костя. — И вон с крестным поздоровайся! Крестница помахала мне рукой:

— Хай!

— Я тебе сейчас «хайкну»! — пообещал Костя. — По-русски давай!

— Все в порядке, — говорю. — Без проблем.

— Тебя кто надоумил так окраситься? — спрашивает Костя у своего чада. — Катька Сафонова? Кстати, ее брат еще не купил столь возделенный «мацацикл»?

— Купил, — говорит Александр. — На той неделе. Такая круть!

— Наконец-то! — воздел руки Костя. — Может, они теперь вместе с сестрой уже разобьются к такой-то матери, куда им самая дорога! Ладно. У меня сейчас времени нет. Ступай домой и сиди там. Вернусь — изберу тебе меру пресечения.

Девчонка встала, засунула руки в карманы и, шаркая ботинками, пошла к двери.

— Саша! — говорю ей вслед.

Оборачивается через плечо.

— Ты на улице меня подожди. Я подвезу тебя.

Саня пожала плечами и вышла.

— Вот! — кивнул на дверь Костя. — Я целыми днями на службе, а что там у меня дома растет, хрен его знает.

— Полно тебе, — говорю. — Все молодыми были. Перебесится и станет нормальным человеком. Может быть, даже продолжит дело своего отца.

— Дело ее отца, — ворчит Костя, — пусть продолжают какие-нибудь отморозки. Нам одного мента в семье хватает. А что это ты ее баловать решил? «Подвезу». Сама бы дошла.

— Не надо ей сейчас одной ходить. И никому из наших домашних по вечерам ходить не надо.

— Что так?

— Чуть позже расскажу. Пока только знай: на этот раз, кажется, мы нарвались на тех, кого и вообразить себе не могли. Давай мне объяснения этого папы Фирсова. Где он сам, кстати?

— В гостинице, — подает мне папку Меерович.

— Это в гостинице, которая Данилы Страшева? — говорю, папку листовая. — Хорошо. Удобная нам гостиница.

— Куда уж удобней.

Я папку просмотрел и поднялся.

— Поеду в гостиницу. Познакомлюсь. Ты с медальоном все сделал, как я сказал?

Меерович кивнул.

— Хорошо, — говорю. — Давай его сюда. Верну убитому горем родителю.

На улице я огляделся, но крестницу свою нигде не увидел. Знал, что прятаться она умеет и любит, поэтому не встревожился. Все равно сейчас вынырнет откуда-нибудь.

И точно. Только сел за руль, как дверца правая открывается, Саша плюхается на сиденье и говорит:

— А теперь покатай меня, Большая Черепаха!

— Пристегнись, — говорю.

— Фу, — говорит, — отстой!

Поехали. По дороге спрашиваю:

— Что ты натворила опять? За что тебе меру пресечения батя избирать собрался?

— Да ну! — машет рукой и тяжело вздыхает. — Стремно быть девочкой. Такую клевую прическу мне сделали, а у мамы паника. Говорит, когда меня рожала, мечтала о маленькой принцессе, а не о гопнике по имени Санёк.

— Саша, — говорю ей, — пожалуйста, никогда не взрослей.

— Почему, Большая Черепаха?

— Потому что взрослый человек всегда мерзавец, — вздохнул я.

— А ты?

— А я среди первых.

Высадил я крестницу рядом с ее домом, посмотрел, как она в подъезд зашла, минуток пять еще постоял на всякий случай и поехал на встречу к тому, кого считал не просто обычным мерзавцем, как вы да я, а особо циничной скотиной и потенциальным убийцей.

12.

Фирсов — буду называть его этим именем, настоящего не знаю да и, наверно, не узнаю никогда — оказался очень худым мужчиной. Рубашка и брюки не сидели, а висели на нем. Щеки впалые, кожа с желтизной. Он только глазами от покойника отличался. Они живые у него были. Че-

ресчур даже. Каким-то воспаленным огнем горели. В общем, он очень странно выглядел, даже для убитого горем отца.

Я его сразу, как представился, спросил:

— Николай Дмитриевич, вы как себя чувствуете? Ничем не больны?

— Нет, — говорит. — Я полностью здоров.

Соврал! Через два дня патологоанатом, который его вскрывал, сказал мне:

— У него рак желудка был. В последней стадии. Так что он и своей смертью вот-вот должен был умереть.

Но в тот вечер я этого, понятно, не знал, поэтому посоветовал:

— Вам бы отдохнуть надо. Поспать. Травку какую-нибудь выпить. У нас здесь хорошие травы есть, таежные. Я вам завтра принесу.

Он на меня глаза поднял, а в них вдруг такая боль плеснулась! Мне даже на мгновение подумалось, а вдруг он и правда настоящий отец той девчонки. Чем черт не шутит? Невозможно же так играть. Или возможно?

— Я не сплю с того дня, как узнал... — Он замолчал, сглотнул комок в горле, закрыл рукой глаза, потом мотнул головой, сказал: — Извините! — и выбежал в ванную.

— Ничего-ничего, — говорю вслед. — Все понятно.

А сам быстренько номер осмотрел. Он выглядел так, будто в нем и не живет никто. А ведь Фирсов здесь уже почти четыре часа. Однако постель не смята, шторы не отдернуты, окно не открыто, хотя душно. Даже холодильник и телевизор в розетки не включены. И вещей личных никаких не видно. Да что же он — зашел, сел в кресло и так до меня все сиднем и сидел?

Фирсов вернулся из ванной, в руках мокрое полотенце.

— Еще раз извините, — говорит. — Никакие травы мне не помогут, пока я Светочку не похороню. Вот тогда, может быть, смогу и заснуть, и поесть. Хотя зачем мне теперь это?

— Надо жить, Николай Дмитриевич, — говорю. — Надо жить.

— Зачем? — спрашивает. — Для кого?

— Разве у вас семьи больше нет? А супруга? Другие дети?

— Супруга умерла пять лет назад. А Света была нашим единственным ребенком.

— Она родилась, когда вам было тридцать пять?

— Да, — кивнул Фирсов. — Мы долго не могли завести ребенка. Потом супруга в Германии полечилась. Помогло.

— Понятно, — говорю. — Поздний ребенок.

Фирсов кивнул и уткнулся лицом в полотенце.

Я смотрел на него и не мог понять: прикидывается или нет? Ну нельзя же по чужому покойнику так печалиться! Вдруг он действительно настоящий отец? Мало ли какие случаи в жизни бывают. А я тут с ним игру затеять собрался. Нашел с кем играть...

Да нет! Нет, какой отец! Он же врет! Врет, что в Тюмени по фотографии неопознанных трупов дочку опознал. Если бы был настоящим — зачем врать? Гроб с собой зачем вез? Ни один настоящий родитель так не сделает. Настоящий до конца надеяться будет — на ошибку, на чудо, да на

что угодно, но гроб своему ребенку не закажет, пока своими глазами его мертвым не увидит. Так что никакой ты не отец. Сука ты засланная. И засланная на мою землю не с добром. Лохов здесь ищешь вместе со своими хозяевами? Ну-ну, считайте, что нашли. Нам надо, чтоб вы так считали.

Фирсов наконец поднял глаза от полотенца. Блин, ну взгляд! Правда страдает человек. Посмотрите на него, какой актер! Голливуд по нему плачет, а он тут по провинции гастролирует. Я ж тогда не знал, что ему рак страдать помогает...

— Сергей Викторович! — вдруг прервала рассказ Эльвира. — Ну зачем вы так? А вдруг он правда горевал о ее смерти? Судя по всему, они знакомы были. Коли уж он даже родинки на ее теле знал.

— Может, ему подробно рассказали, вот он и знал, — ответил Журавленко. — А почему вы за него заступаетесь, Эля? Я вижу, вы расстроены чем-то. Так расстроены, что даже опять немножко злы. Неужели тип, ворующий покойников, вызвал у вас такое сочувствие?

— Ничего он не вызвал и ни за кого я не заступаюсь! — отрезала журналистка. — Мне просто непонятно, зачем так, с ходу, самое плохое про людей думать.

— Эля, — сказал Журавленко, показал на журналистку пальцем и повторил: — Эля! Про человека, который выдает себя за другого, я всегда буду думать самое плохое. Так оно надежней и безопасней. Мы разобрались с этим? Я продолжаю?

Эльвира усмехнулась, покачала головой, снова достала свою странную желтую сигаретку и сказала:

— Продолжайте, конечно. Вы не отвлекайтесь на меня больше. Я же не привыкла к таким ситуациям, мало ли какотреагирую.

— Хорошо, — кивнул Журавленко.

Поднимает, значит, Фирсов глаза и говорит:

— Мне сказали, что без вас мне Свету не выдадут. Я бы очень вас просил...

— Да-да, — говорю. — Завтра в двенадцать можете забрать. Все бумаги уже готовы. У вас наличные деньги с собой имеются? Крупные суммы, я имею в виду.

— А почему вы спрашиваете?

— Видите ли, у нас на станции карточки до сих пор не принимают. Вам придется наличкой рассчитываться. Вот и предупреждаю, чтоб неожиданностью для вас не было.

Фирсов пожал плечами:

— Спасибо, что предупредили. Значит, в банкомате завтра обналичу. Банкоматы же у вас есть?

— Конечно, — кивнул я и думаю: «А чё, фирменных пятидесятых тебе в дорогу не выделили, что ли? Или ты из другой фирмы? Тогда почему они у твоей “дочки” были? Ладно, то, что у тебя счет в банке есть, это хорошо. Завтра мы его будем знать, а счет в наше время очень много о своем хозяине рассказать может».

— Ну, не буду вам больше мешать, Николай Дмитриевич, — поднимаюсь я из кресла. — Пойду, а вы попробуйте все-таки уснуть. У вас тяжелый день завтра будет. Надо сил набраться.

— Я хотел вас спросить... — останавливает меня Фирсов.

— Да, — говорю, — конечно, Николай Дмитриевич. Все что угодно.

— Мне показали личные вещи Светы. Там не было одной штуки, с которой она никогда не расставалась. Мама ей подарила на совершеннолетие такой, знаете...

— Вот эта вещь, да? — прервал я его и достал медальон из кармана.

— Да-да! — оживленно заговорил Фирсов и протянул за медальоном руку. — Вы отдадите мне его? Он же вам не нужен.

— Конечно, — говорю. — Я его вам и вез, да забыл что-то. Хорошо, напомнили, а то мне возвращаться бы пришлось.

Кладу ему в руку медальон и думаю: «Ну и выдержка у тебя, сукин сын! До последнего о медальоне молчал. А ведь это самое интересное для тебя и было. Нет? Да!»

И тут выдержка, кажется, Фирсову изменила. Прямо при мне он щелкнул лепестком звездочки и открыл тайник. Увиденное там, очевидно, его полностью устроило. Костя, молодец, постарался.

— Ишь ты! — «удивился» я. — Он с секретом, оказывается!

— Да какие там секреты! — махнул рукой Фирсов. — Так, для девичьих игр...

«Мудак», — еще уверенней подумал я про Фирсова, пожал ему руку и вышел.

Мне надо было срочно к себе в отдел. Ночь обещала быть бессонной. Впрочем, далеко не в первый раз.

13.

В отделе было многолюдно для столь позднего часа. Кроме моих сотрудников, туда подъехал и Беличев из ФСБ. Попросился присутствовать. Я не возражал. Скрывать от него мне было нечего. Даже и хорошо, что он подъехал: теперь мне два раза политинформацию на одну и ту же тему проводить не придется.

— Значит, так, — сказал я. — Рассядьтесь все и, для начала, окно откройте. А то тут топор можно... — показал рукой на облако табачного дыма и сам закурил.

Пока все усаживались, открывали окно, заваривали чай или кофе, кому что больше нравится, — в общем, готовились к совещанию, я пытался понять, надо ли мне все, что я услышал от Райхмана, всем рассказывать. Ну, Беличеву и Мееровичу, конечно, расскажу. А остальным?

— Костя, — говорю Мееровичу, — как по-твоему, если мы во все-российский розыск не подавали, откуда гражданин Фирсов про все узнал?

— Думаешь, отсюда? — обвел рукой кабинет Костя.

— Не хотелось бы, чтоб именно отсюда, — вздохнул я. — Можно и шире взять — из горотдела вообще.

— Тоже не исключено, — кивает Костя. — Да мы ведь и по городу объявления развешивали. Чем не вариант?

— Вот видишь! Значит, у *них* тут свои люди есть. Правильно?

— У кого «у них»? — спрашивает Костя. — Серега, ты чудной какой-то из Кемерова вернулся. Все загадками говоришь.

— Это потому, что слово не воробей, Костя. Совсем не воробей, — отвечаю я и обращаюсь ко всем: — Вы все внимание? Ладно. План, стало быть, предлагается такой...

И я изложил свой замысел. Был он, в общем-то, нехитрый, а значит, самый работоспособный. Вместо того чтоб этого Фирсова прям здесь повязать и душу вытряхнуть, лучше сделать из него живца.

Он же в Тюмень едет, так? Так. Там его наверняка встречать будут, так? Так.

Вот и пусть наши тюменские коллеги *посмотрят*: кто встретит? Куда поедут? К кому? Народа наверняка много будет вокруг этого дела вертеться, и люди все интересные. Так что будет на кого посмотреть и кого послушать.

Замечаний и возражений по этому плану не последовало. Да и с какой стати? Ничего нового и необычного в нем не было. Единственно, что вызвало небольшой спор, это посылать или нет с Фирсовым в поездку наш «хвост», чтобы приглядывал по дороге. А то мало ли...

Костя Меерович, например, был решительно «за» и даже сам вызвался ехать. Потом спохватился:

— Ах да! Фирсов же меня видел.

— Вот именно, — сказал я. — А кого он у нас в отделе не видел? Только чтоб точно! Наверняка же каждый хоть по разу, но зашел посмотреть на сенсационного посетителя. Нет? — Выслушал в ответ молчание с покашливаниями и закончил: — Вот то-то и оно.

— Не стоит рисковать. Даже в малейшей степени не стоит, — подал голос молчавший доселе Беличев. — Вспугнете, упаси господи. Единственная ниточка все же.

— Не единственная, — отвечает ему Меерович. — Про тех, на «мерсе», не забыли?

— Уверены, что они сюда едут?

— Я уверен, — отвечаю вместо Кости. — Чуть позже объясню почему. Так что будет нам и вторая ниточка.

Эх, знать бы мне тогда, что эти трое не ниточкой, а иголкой для нас обернутся! Все бы по-другому пошло. Все! Да ладно. Чего уж теперь, после драки...

А в тот момент я сидел и думал, как поступить. Посадить «хвоста»? Опасно. Беличев прав, действительно, можем спугнуть. Не верил я, что Фирсов совсем уж один, без малейшей страховки, такую операцию осуществляет. Судя по тому, что рассказал Райхман (а сейчас я ему верил даже больше, чем в момент рассказа), люди по нам работают очень серьезные. Не могут они Фирсова не страховать. А значит, «хвост» наш они вычислят, так? Так. И как поступят? То-то и оно, что хрен его знает.

Но как-то поступят, это уж будьте уверены. И тогда, считай, *свою* операцию мы провалим.

Выходит, не надо «хвоста»? Пусть уж *они* думают, что действительно лохов в России нашли. Пусть даже на практике убедятся, что мы Фирсову во всем поверили. Тогда они таиться меньше будут. Нюх потеряют. Так? Так. Очень хорошо! Тем легче будет все их кубло вычислить и «хлопнуть».

А Фирсов... да чего за ним в дороге смотреть? Куда он денется с подводной лодки, пусть она даже и поедет? Так? Так, да не так! Фальшивый профессор Ольденберг в двадцать восьмом году взял и делся куда-то. Именно из поезда и именно по дороге в Тюмень. Стоп-стоп, но у профессора с собой цинкового гроба не было! Так что тому бесу легко исчезнуть было: сошел на любой станции незаметно от проводников и ступай себе налегке. А этому?

Хм... А так ли уж нужно Фирсову само тело? Бросить его в багажном вагоне, да и пушай самостоятельно в Тюмень добирается... Нет-нет, зачем Фирсову так подставляться? Он же уверен, что обвел нас вокруг пальца и все у него в порядке. Уверен, что мы завтра отправим его домой и с радостью забудем о существовании гражданина Фирсова. А если вот так гроб в багажном вагоне бросить, это же наверняка мы о гражданине Фирсове вспомним и начнем искать. Кому это надо? Только не гражданину Фирсову. Так что никуда этот Фирсов до самой Тюмени не денется. Да тут и ехать-то всего сутки. Все в порядке будет.

В общем, решено было нашего сотрудника с Фирсовым не посылать. Сам доедет. И знаете, Эля, до сих пор мучает меня вопрос, правильное это было решение или нет. Он ведь не доехал...

Но об этом чуть позже, а пока продолжу про ту ночь. На этом совещании она для нас не закончилась. Предстояло еще согласовывать с Тюменью детали операции, поставить в известность транспортную полицию, договориться с железной дорогой о том, чтобы завтра места и в пассажирском, и в багажном вагонах для гражданина Фирсова и его печального груза непременно нашлись, и выяснить, в какой именно вагон и на какое место ему завтра билет продадут. Это и так объем работы немалый, а он ведь еще сопровождался написанием кучи всяких служебных бумаг.

И только ближе к утру, когда весь механизм предстоящей операции помаленьку закрутился, выдалось мне свободное время рассказать Меевичу и Беличеву, что я из Кемерова привез.

— Круто! — выслушав, заявил Костя. — А Райхман этот, часом, не того?

— Может, и есть маленько, — отвечаю я. — Но документы же, Костя, документы! Я своими глазами их видел. И фото гримуара, из которого бумажка наша вырезана, и рапорты чекистов новосибирских. И прочее...

— Все равно не верится! — мотает Костя головой. — Конспирология какая-то. На бред похоже.

— А до этого на бред не было похоже? — спрашиваю. — Невесть откуда взявшаяся, невесть от чего умершая девчонка без документов, без телефона и вообще без ничего, но с идеальными фальшивками в кармане.

Не бред? А так если сложить это все с информацией от Райхмана, то хоть как-то все сходиться начинает.

— Константин Михайлович, — вступает Беличев, — Райхман весьма и весьма информированный товарищ. Нам всем лучше отнестись к его словам с максимальным вниманием. Поверьте, в нашем мире действуют силы, которые очень не любят себя засвечивать. И они представляют страшную опасность для тех, кто оказался у них на пути.

— Масоны? — усмехнулся Костя.

— Ряженные, — брезгливо поморщился Беличев. — На манер современных казаков. Только те хоть когда-то настоящей силой были, а масоны — всегда просто ряжеными.

— Ну так и неонацисты тоже большей частью ряженные, — не сдается Меерович. — Нашли чем пугать!

— Костя! — перебиваю его. — Ты не понял, что ли? Речь идет не о «нео», а о самых что ни на есть «олд».

— Которые, — добавляет Беличев, — с этими «нео» и на одном гектаре не присядут. Про эту «Одессу» мы, и не только мы, весьма наслышаны. Но все думали, что ее члены давно умерли естественной смертью. А вот версию о том, что СС существуют до сих пор, только омолодились, слышу впервые.

— Райхман убежден в этом, — отвечаю я.

— То-то и оно, — задумчиво говорит Беличев. — А он ведь в этом вопросе разбирается как мало кто. Он мог с «Одессой» лично сталкиваться.

— В Кемерове? — интересуется Костя.

— В Чили, — без тени улыбки отвечает Беличев. — Райхман был в группе советских специалистов, которые помогали Сальвадору Альенде социалистические реформы в стране проводить. Работал там с семидесятого по семьдесят третий год. Переворот Пиночета своими глазами видел. Был ранен. Сидел в тамошней тюрьме вместе с другими нашими. СССР их с трудом, но выцарапал. Потом Райхман на Кубе какое-то время работал.

— Ну и дед! — еще раз удивился я Райхману. — Тогда я понимаю, что он имел в виду, когда говорил, что у него есть чем этих визитеров встретить.

— Ага, — говорит Костя, — под кроватью наградной гранатомет с дарственной табличкой от Фиделя Кастро и бомба, которой его дедушка, революционер трехкратный, собирался в свое время царя взорвать, да не сложилось.

— С царем как раз все сложилось, — улыбнулся Беличев. — Правда, дедушка без бомбы обошелся. Нагана хватило.

— В смысле? Это как? — одновременно спросили мы с Костей.

— Неужели Райхман не похвастался? — в свою очередь удивился Беличев. — Да ведь его дед был среди тех, кто казнил Николая Второго с семьей! Райхман этим очень гордится. Странно, что не рассказал тебе.

— К слову не пришлось, наверно, — пожал плечами я.

— Серьезный человек этот Райхман, как я погляжу, — помотал головой Костя. — И родня у него солидная.

— О том и речь, — говорю. — Значит, и информацию он нам дал серьезную. Понимаешь теперь, с какими чертями мы нос к носу столкнулись? С такими, наверно, никакая мафия и рядом не стояла.

Костя головой покачал и мечтательно так говорит:

— Вот бы недостающие фрагменты векселя сюда! Это ж сколько денег!

— А что бы вы с ними сделали, Константин Михайлович? — заинтересовался Беличев.

— А я бы их, — так же мечтательно отвечает Костя, — половину в бюджет России подарил, а вторую половину — на благотворительность.

— Молодец, Костя! — поддержал я своего зама. — Правильно мыслишь. С такими, как ты, в светлое будущее шагнуть не стыдно... Но справку от психиатра ты мне на всякий случай принеси.

— Пробовал. Не дают, — отвечает Костя, встает, потягивается и говорит: — Пойду дреману немного, пока время есть.

А за окном уже светало. Мне спать было нельзя. Мне надо было к Фирсову. Помочь ему не задерживаться у нас в городе. В Тюмень, родной, в Тюмень! Там уже ждут.

14.

Отправили мы Фирсова на следующий день, в обед, московским поездом. Попрощались. Посоветовали держаться. Пожелали стойкости духа. Я ему, как и обещал, травок принес в подарок. Ну отправили, в общем...

А пока мы с Мееровичем этого самого Фирсова на поезд сажали, Семен Корнилов пробивал счет карты, с которого гражданин Фирсов рассчитывался за место в купе и в багажном вагоне. Карта оказалась корпоративной, то есть из тех, что открываются не на человека, а на фирму. Называлась та, как и положено подобным фирмам, неопределенно-туманно: ООО «ПСК-Сибтранзит». Находилась в Тюмени, уставной капитал десять тысяч, директор и он же единственный учредитель — некий гражданин Симанько Павел Павлович.

Эти данные вместе с данными о поезде и вагоне, в котором едет Фирсов, мы сбросили тюменским коллегам. И стали ждать. Поезд в Тюмень должен был прибыть ровно через сутки.

Он и прибыл. А Фирсов — нет. И гроб — тоже нет.

На уши встало все, что может встать, от Кузбасса до Тюмени! И уже через час прошла информация: в Новосибирской области на перегоне между Чулымом и Барабинском, неподалеку от озера Убинского, обнаружен сильно изувеченный труп мужчины. Чуть позднее мы установили, что это и был гражданин Фирсов Н. Д. Левая часть лица у него была всмятку, а правая более-менее уцелела. По ней и опознали. Судя по увечьям, его сбросили на ходу с поезда. Но умер он не от этого. Причина смерти — удар в сердце колющим предметом. Предположитель-

но — финкой. Эксперт сказал, что удар был нанесен из-за спины справа. Только один удар, но очень точный и сильный. Ни на теле, ни в вещах Фирсова мы не нашли ни документов, ни денег, ни банковской карточки — словом, ничего, что могло бы помочь установить его личность. Ну и, само собой, не было и медальона-звездочки.

Хорошо, что в наше время билеты на поезд по паспорту продают. Уже к четырем часам дня я читал список всех пассажиров этого поезда и, знаете, Эля, даже не особенно удивился, обнаружив, что ночью в Новосибирске в него села гражданка Дось Елена Николаевна. Билет у нее был до Омска, но сошла она в Барабинске. Чем объяснила? А ничем. Сказала проводнику, что здесь сойдет. А ему какое дело? Здесь так здесь.

Гроб с поезда сняли тоже в Барабинске. Неизвестные предъявили проводнику багажного вагона квитанцию и забрали груз. Ничего больше проводник пояснить не пожелал, хотя допрашивали его жестко. Только что не били. Он трясся от страха, но даже примет тех людей не назвал. Видать, кто-то поработал с ним еще круче. Начальник тюменского УГРО так и сказал мне по телефону:

— Он напуган кем-то до усрачки. Ничего от него не добьешься.

— А этот, — говорю, — глава этой хрени... как ее... «ПСК-Сибтранзит»? С ним говорили?

— Глава?! Головка он, а не глава! Алкаш, дважды судимый. Когда наши к нему в адрес пришли, он из окна выпрыгнул и пробовал убежать. В трусах и одном носке. Не знает он ни хрена лысого! Да ему и не положено. Паспорт дал, где надо расписался, деньги получил — все, гуляй. Больше таким фирмам директор нигде не нужен. В банке электронно-цифровая подпись. У кого флешка, тот и счетом распоряжается.

— Фирму-то кто в налоговую приходил регистрировать? — хватаюсь я за соломинку. — Там же тоже видеорекамеры везде. И аудиозапись.

— По почте документы поступили. По почте налоговая и ответила.

— Выходит, мы обосрались по полной? Арцы — и в воду концы?

— Да не говори, — отвечает. — Ну, правда, там у них на счету около миллиона денег еще осталось. Банк их по нашей просьбе заблокировал. Чтобы разблокировать, кто-то лично явиться должен. Ждем. Может, явится.

— Это, — говорю, — если они еще тупее нас. А на такое рассчитывать трудно. Ты список пассажиров видел?

— Видел, видел.

— Фамилию знакомую заметил?

— Конечно, заметил. Чтоб мне сдохнуть, если не эта сучка мужика и приколола!

— Ну и что делать-то теперь будем?

— Пока план «Перехват» объявили. И мы, и новосибирцы. Может, перехватим еще. От гроба так просто не избавишься.

— Да мы их уже неделю по всей Сибири перехватываем! Но пока только сами и выхватили!

И я шмурдякнул телефон об стол. Напрасно, конечно. Дорогой мне смартфон был. Подарок от сына с первой полочки.

Хорошо, что в наше время не только билеты по паспорту продают, но и видеокамерами все насквозь снимают. Правда, в Барабинске нам от камер было мало толку. Утром в тот день стоял густой туман, вот его-то нам камеры, установленные на платформе, и показали.

А вот камеры новосибирского вокзала картинку выдали четкую. Мы сподобились не только опять увидеть Дось со товарищи, но и услышать ее, когда она в кассе билет покупала. В кассах не только видео-, но и аудиозапись идет. Приятный голос. Даже несмотря на искажения от микрофона, приятный. И еще спокойный и уверенный. Пугающе спокойный, если учесть, какими деньгами она расплачивалась и на какое дело шла.

Потом эта пацанка Дось спустилась на первый этаж и зашла в кафе Subway. Там сидели парни из ее команды, кофе пили. Кстати, мне так и неизвестно, как их звали. Они заказали по криветочному салату. Парни еще взяли себе хот-доги, а пацанка — пару пончиков с клубничным кремом. Я так уверенно их меню описываю, потому что чек видел. Расплачивались, кстати, уже подлинными деньгами. Где-то, наверно, несколько своих пятитысячных разменяли. Разговаривали мало. Только однажды Дось что-то спросила у одного из парней. Он коротко ответил и склонился над салатом. Ей, очевидно, ответ не понравился. Она быстрым шлепком по подбородку заставила парня поднять голову и, кажется, повторила вопрос, настойчиво покачивая ладонью перед его лицом. Он отложил вилку в сторону и около минуты что-то объяснял. Потом они очень тепло, подружески простились и парни направились к выходу в город. Наружная видеочамера показала нам, как они сели в свой белый «мерс» — уже с номерами, кстати, — и уехали.

В этом месте при просмотре Меерович сказал:

— Наверняка в Барабинск направились. Подружку там свою ждать. На машине-то быстрее. И номера где-то уже надыбали, сволочи! Фальшивки, наверно.

— Конечно, — сказал я. — Маловероятно, чтобы они в ГИБДД заезжали.

— А чё нет? — сказал Костя. — С них и это станется. Посмотри, какая наглость! Должны же понимать, что их разыскивают, но прутся не куда-нибудь, а на вокзал, где и полиции, и камер наблюдения полным-полно. Ну, блин, отморозь полярная!

А я уже все понял и сказал:

— Они не отморозки, Костя. Они умные и расчетливые. Просто они нас всех презирают. И не собираются что-то особенное для нас придумывать. Мы для них унтерменши. Всегда были и всегда будем, сколько ты им хоть словами, хоть пинками обратное ни доказывай.

Гляжу, у Кости желваки по скулам заходили. Проняло. Да и меня тоже проняло! Это очень обидно, когда какие-то гниды тебя на твоей же земле презирают. Пусть ненавидят, пусть боятся, пусть что угодно, — но когда презирают, это... это бесит!

Ну а внутри вокзала камеры нам показали, как пацанка сначала, засунув руки в карманы, послонялась по залу. Взглянула на табло. До

поезда два с лишним часа было. Она еще маленько побродила. Потом остановилась у кинозала ожидания. С билетами на поезд туда бесплатно пускают. В тот день, точнее в ту ночь, показывали фильм «Шкатулка дьявола», у которого на афише был слоган: «Что бы ни случилось, не открывай ее...» Пацанка всмотрелась в афишу и вдруг весело рассмеялась, запрокинув голову. Потом своим любимым жестом взъерошила себе волосы, прошла к буфету, купила банку чипсов Pringles, бутылку кока-колы и зашла в кинозал. Там камер уже не было, поэтому что Дось делала в кинозале — мы не знаем. Но, кажется, коку она не только с колой приняла. Позже там под одним из кресел обнаружат пакетик с частицами очень качественного кокаина. Как бы то ни было, из кинозала пацанка вышла очень бодрой. По подземному переходу к поезду не шла, а трусцой бежала, чуть пританцовывая. В вагон не зашла, а запрыгнула, поручней не коснувшись.

— Все-таки красивая сучка! — сказал Костя. — Фигурку под олимпийкой не очень видно, а на мордочку симпатная. Видел, как перемещается? Я ж говорю, спортсменка.

Я Косте в ответ:

— Теперь-то уж сомнений быть не может в том, что у них тут свой человек есть. И если мы его в самые ближайшие дни не найдем, грош нам всем цена.

— Найдем, — сказал Костя.

И мы его нашли!

15.

— Дело было так...

— Подождите, Сергей Викторович! — прервала Эльвира. — А гроб с телом? Вы не рассказали про него. Его нашли? Или он тоже исчез?

Журавленко пожал плечами, достал очередную сигарету и сказал:

— В общем-то, я не то чтобы забыл. Просто не хотел рассказывать. Там подробности, Эля... малоаппетитные, скажем так. Разве в двух словах... — Он прикурил и сквозь дым: — Нашли, конечно. На третьи сутки.

— А вы в подробностях, Сергей Викторович. — Журналистка сцепила перед собой кисти рук в замок и пристально смотрела Журавленко в глаза. — Давайте подробности, не надо так внезапно меня жалеть. Я же бывший медик, не забывайте. А то, что они неаппетитные, так у нас на столе уже ничего нет из еды. Поэтому аппетит испортить невозможно.

— А ведь верно! Мы с вами уже все съели и выпили. Я и не заметил. Заболтался.

— Сергей Викторович...

— Сейчас, Эля, сейчас! — Журавленко обернулся к барной стойке: — Танюша!

— Сергей Викторович, — чуть раздраженно повторила Эльвира, — не надо мне ничего заказывать! Продолжайте рассказ, пожалуйста.

— Вам не надо — мне надо, — улыбнулся Журавленко. — От рассказов-то у меня в горле пересохло. Танюша, минералочки принеси мне! Похолоднее.

— Хорошо, Сергей Викторович, — кивнула подошедшая официантка. — А вам, девушка?

— Спасибо, — качнула головой Эльвира.

— А все-таки, Эля? — сказал Журавленко. — Может, что-нибудь покрепче кофе, а?

Журналистка, немного подумав, кивнула, полезла в сумочку за сигаретами — и официантке, сквозь сжатые губы, прикуривая:

— У вас яйца есть?

— Яйца?

— Ну да. Куриные яйца.

— Найдем.

— Как найдете, два желтка в бокал. — Эльвира покрутила дымящейся сигаретой. — Разболтайте хорошенько и сто пятьдесят водки сверху. Потом еще раз перемешать. Так можно?

— Конечно. Сейчас сделаем.

— Это что за коктейль такой? — спросил Журавленко, когда официантка ушла. — Первый раз слышу. Хотя, если честно, я в коктейлях не очень. Только «Кровавую Мэри» и знаю. А этот как называется?

Эльвира пожала плечами:

— Понятия не имею. «Водка с яйцами», наверно. Ну, или «Чикен-водка». Я названия ему не выдумала.

— Ваш рецепт? — удивился Журавленко.

— Да ну! Ему в обед сто лет. Точнее, четыреста пятьдесят.

— Ну надо же! — усмехнулся Журавленко. — Еще один антиквариат в этой истории. Хотя постойте, а разве в те времена водка была? Ей же всего, я читал, сто пятьдесят пять лет.

Эльвира тихо рассмеялась и покачала головой:

— В России так все уверены, что водка — русское изобретение, что даже забавно становится. Сергей Викторович, водку изобрели в Италии в четырнадцатом веке. Называлось это «аква вита». А вот название «водка» — оно в России придумано, да.

— Век живи, век учись, — развел Журавленко руками.

— Тогда продолжайте мое обучение, — улыбнулась Эльвира. — Я готова слушать дальше.

— Еще чуть-чуть подождем, — Журавленко показал глазами на подходившую официантку с заказом в руках.

— Вот, пожалуйста, — сказала Татьяна. — Вам минералка, а вам — ваш коктейль. Я его сверху немножко тертым жареным кедровым орехом присыпала. Ничего?

— Ничего, — вздохнула Эльвира. — Что поделать, тайга все-таки...

Она взяла бокал, пригубила мутно-желтый напиток и напомнила:

— Сергей Викторович...

— Да-да.

Журавленко глотнул минералки и продолжил:

— Чуть восточнее Барабинска, на его окраине почти, есть озеро Бургристовое. В тех краях озер и болот — как у дурака махорки. Но это самое вонючее. Туда все отходы Барабинска сливают. Так вот, в тот день на северном берегу озера что-то делала, на свою беду, группа малолеток. Два пацана и две девчонки десяти-одиннадцати лет. То ли грибы они там искали, то ли ягоды, бог весть. А нашли...

Журавленко снова глотнул минералки, вздохнул и сделал неопределенный жест рукой.

— Они трупный запах-то сразу не учуяли. Озерная вонь его забивала. Сначала увидели, как над овражком мухи стайей выются. Очень много мух. И новые летят и летят. Интересно же, что там? Малолеткам все интересно и ничего не страшно.

Они пошли вслед за мухами и первое, на что наткнулись, было разрезанное по спине свадебное платье и фата. Все в бурных вонючих пятнах. А чуть ниже в овражке — вскрытый цинковый гроб лежал на траве. Крышка от него была метрах в двух. Просто отшвырнули, видать, когда цинк взрезали. Рядом с крышкой саван валялся, смятый, грязный. Ноги о него, похоже, вытирали и инструменты.

Гроб не просто вскрыли. Его изуродовали. Вся декоративная деревянная обшивка была сорвана. Внутри тканевая отделка и гроба, и крышки порезана на лоскуты до самых цинковых поверхностей. Даже подушку распотрошили. А на дне гроба человеческие фекалии и засохшая моча.

Дальше, метрах в трех, уткнувшись в кусты, стоял цельнометаллический фургон «Газель». Желтого цвета, такого же, как «газель», на которой этих детей в школу возили, только без окон в салоне. А задние дверцы чуть-чуть приоткрыты. Как будто «газель» звала детей: «Загляните в меня!» Но смрад — тяжкий, густой, приторный — и тучи мух, облепивших желтые бока машины, наоборот, уговаривали ребят немедленно бежать в полицию, а не заглядывать в фургон.

Они не послушались. И заглянули. Их потом у невропатолога лечить пришлось. Не знаю, оправились, нет... Хотя — какой там «оправились»! От того, что они там увидели, и до конца жизни полностью не оправившись. Сами посудите, машина цельнометаллическая. Трое суток на жаре. — Журавленко махнул рукой. — А, ладно! Это опустим.

— Нет, не опустим. Рассказывайте, — блеснула глазами Эльвира, одним глотком осушила полбокала и еще раз, сквозь зубы: — Рассказывайте!

— Ну, как знаете, — пожал плечами Журавленко. — Ребята, значит, все-таки заглянули в салон. Им навстречу по запекшейся на линолеумном полу луже трупной жидкости ползла распухшая, голая, вся черная с болотным отливом покойница. Ее так специально уложили, чтобы казалось — ползет. Спиной вверх, правая рука поджата к животу, а левая вытянута вперед. Голова поднята и закреплена на подставке под подбородком. Чтоб смотрела на дверь. Рот от разложения открылся, зубы оскалены. Во рту и вокруг него копошатся, как ожившая вермишель, опарыши.

А ко лбу покойницы шилом приколот ее венчик, на котором поверх икон и молитв красным фломастером написано: «А мы ведь сначала хотели по-хорошему, никого из непрichастных не трогая, забрать то, что нам принадлежит».

Эльвира, залпом допив коктейль, грохнула бокалом о столик:

— Так описываете, будто сами видели!

— Конечно, видел. И фото, и видео с места происшествия. Вам еще? — Журавленко кивнул на пустой бокал.

— Спасибо, — отказалась Эльвира. — Мне еще назад возвращаться сегодня.

— Дело ваше, — пожал плечами Журавленко. — Я не знаю, сколько времени дети смотрели на все это. Может, через мгновение убежали, а может, застыв на месте, вглядывались и вглядывались, как зачарованные. Они не помнят. Ведь отвратительное так же притягивает людей, как и прекрасное. И желающих посмотреть на разложившийся труп никак не меньше, чем желающих взглянуть на «Мону Лизу».

— Да, — усмехнулась Эльвира. — Это да. Удивительно, но так и есть.

— Как бы то ни было, в конце концов дети прибежали в полицию и рассказали. Ну, точнее, попытались рассказать. Не очень у них получилось. Истерика, слезы ручьем. Их колотило, как в лихорадке. Полиция выехала на место. Там, помимо уже сказанного, установили, что, кроме следов «газели», присутствуют и следы другой машины. Когда через пару часов определили, что это следы того самого «мерседеса», никто не удивился.

— Как можно цинковый гроб вскрыть без инструментов? — спросила журналистка.

— Никак, — ответил Журавленко. — А почему без инструментов? Еще как с инструментами. У них «мерс» был оборудован ого-го! Мы потом, через неделю, когда его осматривали, были в шоке от обилия всяких устройств, там установленных. Как космический корабль, право слово.

— А платье свадебное откуда там взялось?

— Фирсов с собой привез. Молодых и незамужних принято в свадебном платье хоронить. Разве вы этого не знали, Эля?

Журналистка покачала головой.

— Странно, — сказал Журавленко. — Я думал, это все знают.

— Платье-то зачем они разрезали?

— Это не они, это в морге. Иначе труп одеть невозможно. У всех покойников одежда на спине разрезана.

— А зачем им надо было всю эту мерзость с гробом и телом проделывать? Извращенцы, что ли?

— Нет, Эля, нет! — поднял ладонь Журавленко. — Они не извращенцы и не маньяки. Скажу вам то, что говорил и Косте Мееровичу: они очень и очень прагматичные и умные люди. Других бы на такое дело не послали. Но даже расчетливые и умные иногда выходят из себя. Когда тебе кажется, что удача уже в руках, и вдруг облом — это бесит. Кого

угодно бесит. Вот давайте поставим себя на их место. Им нужна была одна штука. Они приложили массу усилий, чтоб ее заполучить. Тщательно разработали и реализовали очень рискованный план. Совершили несколько особо тяжких преступлений. Поставили на кон свою жизнь. За это их можно даже уважать — в наше время редко кто делает такие ставки. В какой-то момент им показалось, что — ура! — они достигли своей цели. Вот она, у них в руках! И в ту же секунду товарищ Судьба, радостно улыбаясь, преподносит им свой любимый сюрприз — Большой Облом!

Журавленко расстегнул нагрудный карман рубашки и достал пластиковый пакетик с желтой бумажкой внутри:

— Вот она где, их цель. И никогда не покидала моего кармана.

— Так вы не отправили ее как наживку? — распахнула глаза Эльвира.

— Кем бы я был, если бы отправил?.. Вот именно. Нет, Эля, такой редкий вид оленей на службу в полицию не берут! — засмеялся Журавленко. — Их еще на медкомиссии отсеивают. А меня взяли и тридцать лет не выгоняют. Наживкой был Фирсов. А в медальон-звездочку я еще по телефону приказал Мееровичу положить фальшивку. Вот они с нашим экспертом Таней Земцовой быстренько сляпали такую, чтоб с первого взгляда отличить от настоящей нельзя было, и в медальон положили.

— А можно... — Эльвира чуть приподнялась со стула. — Можно мне посмотреть?

Она протянула руку, но тут же убрала ее и села обратно. Журавленко молчал, покачивая пальцами бумажку и задумчиво глядя на журналистку.

Та снова приподнялась и протянула руку:

— Можно, Сергей Викторович?

— Можно, — сказал наконец Журавленко. — Но смотреть глазами, а не руками.

Он осторожно достал бумажку из пакетика, развернул и протянул вперед. Эльвира, прикрыв ладонью бумажку от солнца, долго вглядывалась в нее. Журавленко уже хотел было убрать руку, но журналистка жестом остановила его:

— Еще чуть-чуть, Сергей Викторович!

Смотрела еще секунд двадцать, потом села на место и уставилась на пепельницу, медленно передвигая ее туда-сюда между ладонями.

— Теперь хватит? — спросил Журавленко.

Эльвира молча кивнула. Журавленко вернул бумажку на место, застегнул карман и спросил:

— Сфотографировать не хотите?

Эльвира так же молча покачала головой.

— Почему? В журнале бы напечатали. Читателям разве не интересно будет?

Эльвира пожала плечами.

— А главному редактору?

Снова пожала плечами.

— Эля, я вас не понимаю. А вам самой? На память?

— А если я боюсь? — вдруг ответила Эльвира. — Вам это в голову не приходит?

— Чего?

— Изображение ее при себе держать боюсь.

— Почему? Кто вас из-за фотографии преследовать будет? Кому она нужна? А те, кому нужна сама бумажка, уже прекрасно знают, где ее искать.

— Тогда почему все, кто имел с ней дело — хоть с подлинником, хоть с копией, — заканчивали очень плохо и очень быстро, а? Не задумывались об этом, Сергей Викторович?

— Финкой в сердце — это действительно плохо и быстро. Однако ничего загадочного я тут не вижу. Загадкой было бы, если бы Фирсов выжил после такого.

— А сколько странных смертей было? Вот та же несчастная девушка... Вы ведь так и не установили, отчего она умерла. А тот французский король?

— Траванули его.

— Ой ли?

— А что с королями еще делать?

— Ладно. А самолет немецкий почему упал?

— Если бы на нем была эта бумажка, она бы так и сгнила на дне Черного моря.

— Нет, Сергей Викторович, бумажки, с помощью которых можно вызвать Сатану, так легко не исчезают.

— Эля! — Журавленко громко рассмеялся, застучав ладонью по столу. — Вот вы о чем! А я понять не мог, куда вы клоните. «Ащкого сотону» боитесь?

— А вы, я вижу, нет?

— Я бабайку в детстве отбоялся.

— А те, кто за этой бумажкой охотятся? Они отбоялись или как? Может быть, они не из-за денег это делают? Может быть, они искренне хотят предотвратить явление Сатаны. Или, наоборот, ускорить. Такую версию вы не рассматривали?

Журавленко посерьезнел:

— А ведь вы правы, — сказал он. — Мы действительно всерьез об этом не думали. И, наверно, напрасно. Идиотов-то в мире много. В самом деле, какая разница, верю я или нет в существование Сатаны, если они в это верят и действуют исходя из своей веры? Надо будет поразмыслить над этим хорошенько.

— Поразмыслите, Сергей Викторович, поразмыслите. Вам многое в другом свете предстанет. Может быть, даже поймете, что в этой войне и ваша сторона есть.

— Я непременно подумаю, Эля. Спасибо, что на эту мысль навели. Но заранее говорю, своей стороны там я не обнаружу. Среди тех, кто в наше время в существование Сатаны верит, моей стороны быть не может.

— Ладно, — вздохнула Эльвира. — Всему свое время.

— Так, да? Ну тогда вот вам еще кое-что. Дело в том, что студентка четвертого курса исторического факультета ТГУ Фирсова Светлана Николаевна и ее отец, тюменский предприниматель Фирсов Николай Дмитриевич, в настоящий момент живы-здоровы и даже не думают ни болеть, ни умирать. Правда, в наших краях оба никогда не были, но, уверен, побывают еще. Как же можно в таком красивом месте не побывать? И знаете, что интересно? Светлана действительно единственный и поздний ребенок. Действительно, родилась после того, как в тысяча девятьсот девяносто девятом году ее мать прошла курс лечения в Германии. И Фирсов — который настоящий — действительно вдовец. Так что тот, кто украл его имя и имя его дочери, мне в основном правду рассказал. Только не о себе. А среди оборотней моей стороны тоже быть не может.

Эльвира усмехнулась и покачала головой:

— Все у вас легко и просто! Давайте лучше вернемся к вашему рассказу.

— С удовольствием. Я думаю, дело было так. Когда эта группа обнаружила, что в медальоне фальшивка, они не сразу поверили в свою неудачу. С чувством победы тяжело расстаться. Вот они и решили, что Фирсов просто спрятал подлинник. Скорее всего, в гробу. Ну а когда, изувечив гроб и даже вскрыв покойницу, они ничего не нашли, то поняли, что мы, «унтерменши», их надули и что мы уже или знаем, или догадываемся о том, что бумажка и есть их главная цель. Это их разъярило до безумия! Отсюда и надругательство над телом и над гробом. С этого дня они пошли напролом и стали еще опасней, чем были раньше. С самого начала они везде хоть на полшага, но опережали нас, при этом умудряясь оставаться почти невидимыми. Несмотря ни на что: ни на план «Перехват», ни на видеокамеры на каждом углу. Потом мы поймем, как им это удавалось. А пока мы ничего не понимали. И отставали. А это не могло не привести к трагедии. И привело.

16.

Как я уже говорил, все это произошло на третьи сутки после гибели Фирсова и провала нашей операции. Немного успокаивало только то, что у них операция тоже провалилась. Правда, Москву это ничуть не успокоило и не обрадовало. Как только там узнали обо всем, так сразу же с чувством глубокого удовлетворения «вставили клизму» всем региональным начальникам от Тюменского юрта до Кузбасского ханства, до которых смогли дотянуться, а руки у Москвы длинные. Региональное начальство, придя в себя после федеральной ласки, подтянуло своих подчиненных, меня в том числе, и... гм-гм... в полной мере передало им чувство глубокого удовлетворения, полученное от Москвы, с обещанием повторять эту процедуру каждое утро, пока не будет достигнут положительный воспитательный результат.

Так что в тот период обстановка в сибирской полиции была очень нервная. Например, в Новосибирске с приглашенным, точнее притащен-

ным за шкурку в полицию, бывшим владельцем той желтой «газели» — когда, вместо того чтобы просто и прямо ответить на вопрос «Кому ты ее продал?»», он начал качать права и говорить про Конституцию — посту-пили просто. Перед ним без всякой подготовки и без излишней сентимен-тальности положили очень качественные цветные фотографии, сделанные как рядом с «газелью», так и внутри нее. Через двадцать минут этого гражданина привели из туалета, где он смывал со штанов свою же бле-вотину, и спросили, в качестве кого он предпочитает быть допрошенным по этому делу: свидетеля или соучастника в особо опасном преступлении. И шарахнули резиновой дубинкой по столу, за которым он сидел, демон-стрируя тем самым разницу в методах допроса этих двух категорий лиц. А ведь это через три дня произошло. Ну а в первые-то сутки все на еще большем адреналине было.

Однако нервы нервами, а обед по расписанию. Выходим мы с Костей из отделения, решив съездить вот в это самое кафе пожевать чего-нибудь. Глядь, а у машины нас ожидает моя крестница. Та самая — гопник по имени Санёк. Одета она была почти так же, как и в прошлый раз, только футболка другая. Черная с белой надписью: «Всё — отстой! И отстой — тоже отстой!» А на рукаве пластиковый красный значок — улыбающийся рогатый смайлик-чертик.

Я признаться, никак не ожидал ее здесь увидеть. С того вечера Ко-стя дома так и не появлялся — значит, обещанную меру пресечения своей наследнице не назначил. Ей бы наслаждаться внезапной свободой, а она на рожон лезет. Прямо отцу в пасть! И какому отцу?! Разъяренному и только что «обласканному» начальством!

- Ты чё не в школе? — начал Костя для разогрева.
- А мы на «удаленке», — парировала Саша.
- Тогда почему ты не дома?
- А у нас свет вырубили. Комп не работает.
- Как вырубили?
- На профилактику. До вечера.
- Со смартфона выходи на свою «удаленку»!
- Он у меня отстойный. Не ловит ни фига. Я давно просила новый купить. Мне купили? Нет! Ну и чё тогда орать на меня?

Саша надулась и отвернулась в сторону, как бы показывая, что не хочет даже смотреть на людей, которые не покупают с должной регуляр-ностью своим детям новые смартфоны, препятствуя тем самым их, детей, неудержимой тяге к знаниям.

По лицу Кости было видно, что он уже размышляет, сколько при-мерно ему дадут за удушение обнаглевшего тинейджера. Я тоже прикинул это и поспешил вмешаться:

- Саша, а к подруге, у которой интернет есть, не судьба была пойти?
- Я и пошла, — буркнула Саша. — К этой... к Титьке.
- К кому?! — рыкнул Костя.
- Ну к Свете Титовой, — манерно пояснила Саша и сделала кник-сен. — Из-за нее и у вас оказалась.

— Чё?! — воскликнули мы одновременно с Костей.

Дело в том, что гопник по имени Санёк года полтора назад уже оказывалась в полиции из-за своей подружки Титовой, посадив ей фингал под глазом и разбив нос. Изъятая из отделения отцом для проведения оперативно-следственных мероприятий в домашних условиях, гражданка Меерович Александра на вопрос «За что ты её?» пояснила: «За то, что она овца!» — и от дачи дальнейших показаний отказалась наотрез, не смотря на довольно жесткий допрос с применением детектора лжи марки РБО («ремень брючный, отцовский»).

Теперь я и, судя по взгляду, Костя тоже лихорадочно соображали, что в этот раз сотворила Саня со своей несчастной подружкой и за какие преступления наступает ответственность с четырнадцати лет.

— Гы-ы! — во весь рот улыбнулась Саня, наблюдая за нашими лицами. — Да нет, не бойтесь. Ничё я ей в этот раз не делала. — Лопнула пузырь жвачки и добавила: — Пока.

— Я те сейчас дам «пока», — с некоторым облегчением сказал Костя. — А чё тогда стряслось?

— Она, кароч, за своего старшего брата боится. Думает, что он или большие деньги украл, или кинул кого-то на крупную сумму. Он очень напуган в последнее время, хотя пытается это скрыть. Но от младшей сестры фиг чё скроешь! Вот, кароч, она и боится, что ему тыкву оторвут. А вместе с ним и им всем. Все тыквы в семье на фиг, гы-ы! — Снова надулся и лопнул пузырь жвачки.

— Саня... — угрожающе произнес Костя.

— Чё сразу Саня? Я ей такая, кароч, говорю: «Ты чё, блин, овца, ждешь? Иди к копам и расскажи все».

— Тебе сколько раз повторять: по-русски говори, — поправил Костя. — Не «копы», а «менты».

Саня хихикнула и пожала плечами:

— Ну лан, менты так менты. Кароч, сегодня она меня своим нытьем окончательно достала. Я ее такая за шкварник хватъ и сюда притащила. Чтoб она вам рассказала все, чё мне рассказывала.

— А где она? — огляделся я.

— Да вон, за столбом прячется. Она вас тоже боится.

— Ну давай ее сюда, раз привела, — говорю я и открываю заднюю дверцу машины. — Садитесь обе, поедем обедать. Заодно все нам и расскажет.

— Ага, — тряхнула радужной прической Саня и шагнула к столбу. — Титька, чё ты там зависла? Сюда иди!

Повернулась к нам:

— Она боится.

Снова подружке:

— Овца, не бойся, иди сюда!

Через паузу:

— Ну, блин!

Шагнула к столбу, выдернула из-за него свою подружку:

— Ты шевели булками! Я чё, весь день тебя подпинывать должна? — и подтащила слабо сопротивлявшуюся Светку к машине.

— Вам, Эля, наверно, стоит знать, что у нас в Сибири имена и фамилии национальную окраску носят весьма условно. Если, допустим, услышите фамилию, которая считается татарской, вовсе не обязательно увидите перед собой татарина. И под той фамилией, которая считается русской, тоже может кто угодно по национальности оказаться.

— Даже негр? — улыбнулась Эльвира.

— А зачем в Сибири негры? — искренне удивился Журавленко. — Мы здесь хлопок не разводим.

Эльвира засмеялась, но тут же прихлопнула себе рот ладошкой, быстро оглянулась, потом с каким-то веселым ужасом в глазах посмотрела на Журавленко:

— Вы что такое говорите, Сергей Викторович?

— Правду.

— Я понимаю, но...

— Чего «но»?

— Да ну вас! — Журналистка, едва сдерживая улыбку, взяла диктофон. — Надо посмотреть, на какой минуте эта ваша правда записалась.

— Стирать будете?

— А вы как думали?

— Думаю, зря. Читателям бы понравилось.

— Вряд ли.

— А нашим бы понравилось.

— Сибирским?

— Российским.

Эльвира подняла глаза на Журавленко. Тот смотрел на нее, чуть склонив голову, и широко, дружественно улыбался.

— Ну, мои, вообще-то, тоже россияне, — пожала она плечами.

— Тогда почему?.. — Он кивнул на диктофон в руке журналистки.

Эльвира положила диктофон на стол, откинулась на спинку стула и недовольно развела руками:

— Извините, но такое ощущение, что вы меня все время поймать на чем-нибудь пытаетесь. Вы меня в чем-то подозреваете?

— Да упаси господи! — поднял ладони Журавленко. — Это просто такая профессиональная деформация, наверно. Вот как врач-психиатр с большим опытом, общаясь с кем угодно, все время автоматически пытается определить, в какую именно сторону едет кукуха у его собеседника, так и сыщик с моим стажем...

— Проехали, — махнула рукой Эльвира. — Лучше продолжайте свою историю. А то мы с вами так никогда ее не закончим.

— А она и не закончена. По факту — пока не закончена. Ну ладно. На чем я остановился-то?

— На сибирских национальностях, — подсказала Эльвира.

— А к чему это я про национальности начал? А-а-а! Все, вспомнил.

Так вот, хотя Титова — фамилия русская, но подружка-одногодка, которую Саня привела к нам, по внешности русской никак не была. Скорее шорка или хакаска. У нее очень яркая восточная внешность была. Черные волосы, широкие округлые скулы, пухлые губки и глаза зловещие. В общем, очень красивая! Уже видно — фотомодель растет. Тоже одета как босота, только побогаче. Из-под ворота футболки по шее к уху полз вытатуированный в цвете дракон. В носу красовались два мелких гвоздика. Кажется, золотых. И кажется, с маленькими брюликами.

— Зацените, — сказала Саня, показывая на дракона, — какую татуировку клевою ей вчера Катя Сафонова набил!

Костя показал дочке кулак и сказал:

— Предупреждаю — наждачкой сдери, если чё.

Саня не замедлила надуться и буркнула:

— Скорей бы паспорт получить!

— Паспорт, — скривился Костя. — А чё мне твой паспорт? Ты зарплату первую сначала получи, вот тогда и хозяйкой сама себе будешь. А пока... — И он снова показал кулак.

— Тебя Света зовут? — спросил я девочку.

Она робко посмотрела на меня и кивнула.

— Это она, — я показал на крестницу, — тебя к Сафоновым привела?

Та посмотрела сперва на улыбающуюся во весь рот Саню, потом на меня и снова кивнула.

— Саша, — вздохнул я и посмотрел на крестницу, — ты понимаешь, что тебя ее отец когда-нибудь убьет? Поймает где-нибудь и придушит. Я бы так и сделал на его месте.

— Не, — щелкнула та жвачкой. — Не рискнет. У меня родня крутая. — И она на секунду прижалась ко мне, умильно заглядывая в глаза. — Правда?

Я взъерошил Сане волосы, и она, довольная, полезла в машину.

— Садись с ней, — сказал я Титовой.

Ее отца я знал плохо. По моей работе мы нечасто пересекались. Сколько помню, он был мелким предпринимателем. Шиномонтажку держал, мойку. Но вот в две тысячи двадцатом году по весне сильно приподнялся. Купил сеть АЗС в нашем городе. Точнее, три заправки. По нашим меркам — сеть.

В кафе мы с Костей взяли себе по порции хинкали, а девочкам — большую пиццу с сыром, салями и помидорами.

— Кстати, а где сейчас твой брат? — спросил я Титову. — Давно не видно.

— Леша уехал, — тихо сказала та, отложив кусок пиццы. — Но мне кажется, он сбежал. Он жутко боялся кого-то последнее время. Почти не выходил из дома. Часто смотрел в окно. Вздрагивал при звонках в дверь. А однажды ночью я слышала, как он плачет...

— А почему ты считаешь, что он украл деньги?

— А откуда тогда у него почти миллион? У обычного студента?

— Он где учится?

— В Томском универе.

— Что-что? — ошеломленно переспросил я.

— Твою мать! — одновременно поднял голову от тарелки с хинкали

Костя.

— А на кого, Света?

— На историка и на археолога. Я не помню, как точно факультет называется.

— Давай-ка, Света, поподробнее и всю-всю правду, — сказал я, отодвигая тарелку.

Костя тоже свою отодвинул. Нам обоим стало как-то вообще не до еды.

— А вы не расскажете об этом моему брату? — робко попросила Титова. — Он просил меня никому не рассказывать.

— Постараемся, но обещать не могу, — сказал я. — Возможно, твой брат действительно в большой опасности. И ты сможешь ему помочь, только если расскажешь нам все без утайки.

И она рассказала.

Это началось еще в феврале. Ее отец попал в очень трудное положение. Банки внезапно отказались пролонгировать взятые много лет назад кредиты и потребовали вернуть весь долг. До этого Титов-старший исправно платил проценты по кредитам, не трогая основного долга, и проблем с банками не было. Кредиты легко пролонгировались. А тут вдруг... Его шиномонтажка со всем оборудованием была в залоге у банков, и они, конечно, отобрали бы ее. А с чего тогда жить семье? Да еще и ипотека. Как они платили бы ее, оставшись без регулярного дохода? Никак. Значит, и дом тоже бы отобрали.

Конечно, отец с матерью были в отчаянии. Они не хотели пока огорчать старшего сына этими известиями и ничего не сообщали ему в Томск. Но сообщила Света. Алексей немедленно приехал домой. Они с отцом заперлись в спальне родителей и о чем-то долго шептались там.

Потом Алексей сразу поехал обратно в Томск, даже не переночевав дома.

Света слышала, как на прощанье Алексей тихо сказал отцу:

— Мне ничего больше не остается. Иначе я вас не спасу.

Отец только кивнул головой. А потом долго ходил по дому мрачный. Курил сигарету за сигаретой, отмахиваясь от вопросов жены. А вечером купил литр водки и напился в одиночку.

Через неделю банки вдруг сняли свои требования о возврате долга и пролонгировали кредиты.

Весной Алексей опять вернулся домой, сказав, что приехал на практику и пробудет тут до самого лета. А через несколько дней отец вдруг купил сеть заправок «Тран-Ойл», переименовав их в «Титов-Ойл». А еще через неделю они купили двухэтажный дом. Как они тогда были счастливы! Почти до безумия.

Вскоре Алексей ненадолго уехал, сказав, что едет в Томск отчитываться о практике. Правда ли он был в Томске, Света не знала.

Вернулся в начале лета. Именно тогда, случайно зайдя в комнату брата, Света увидела, как тот прячет в стенной тайник деньги. Пачку за пачкой. Все красными пятитысячными купюрами. Она спросила, откуда столько. Он сначала растерялся, застыл с одной из пачек в руках, а потом рассмеялся и сказал, что, будучи на археологической практике, нашел клад. И вот, государство ему заплатило. А вечером отец объяснил Свете, что деньги брат прятал от воров, и велел молчать об этом.

С середины лета обстановка в доме становилась все тревожней. Брат нервничал, постоянно срывался и кричал то на Свету, то на мать. Отец пил все больше и больше. Алексей стал часто закрываться в своей комнате и подолгу с кем-то говорил по телефону. В конце августа Света вдруг услышала из комнаты брата дикий крик, грохот и поток ругательств. Потом все стихло. Света испуганно заглянула к брату, и первое, что она увидела, был разбитый смартфон у стенки. А брат лежал на кровати вниз лицом и тихо стонал.

С этого дня он стал бояться даже собственной тени. Телефон новый так и не купил, да и вообще перестал выходить на улицу. Наступила осень, каникулы кончились, но брат, кажется, и не думал ехать учиться.

А неделю назад им принесли посылку без обратного адреса. Алексей открыл ее и тут же отбросил. Его затрясло. Света заглянула в посылку — там лежал новенький айфон последней модели. И больше ничего.

В эту ночь она и услышала, как брат плачет у себя в комнате. Через два дня он уехал. Сказал, что возвращается в университет, но Света не поверила.

— А куда он мог уехать? — спросил я.

Девочка пожала плечами.

— Может быть, твой папа знает? — спросил Костя.

— Может быть, — снова пожала плечами Света. — Но он мне все равно не скажет.

— Пожалуй, ты права, — согласился я. — Ну-ка, девочки, пойдите вон к стойке и закажите себе мороженого. А мы тут пошепчемся.

Когда они ушли, я спросил Костю:

— Понял, что это значит?

— Блин, неужели то самое? — оживленно прошептал он. — Все прям в масть! Отца «колоть» надо. Прямо сегодня, прямо сейчас!

— Думаю, отец мало что знает. И уж точно не вполне представляет, с кем связался его сынок и что над ними всеми нависло. Поэтому вряд ли он с нами разговаривать захочет. И не разговоришь — уцепить-то гражданина нам нечем.

— У ОБЭП наверняка есть чем.

— Только-только об этом же подумал. Сейчас поеду поговорю с ними.

Мы повернулись к девчонкам у стойки.

Света всхлипывала и жаловалась Сане, что теперь брат ее возненавидит. Он же просил никому не рассказывать...

— Ну и пошел он! — темпераментно объясняла Саня. — А будет наезжать, ты ему вот так по яйцам, ха! — Она махнула перед собой прямой ногой. — Это заставит его призадуматься!

— Девочки, идите сюда! — позвал я, а когда они подошли, сказал: — Света, ты молодец, что нам все рассказала. Твоему брату, похоже, действительно грозит опасность. Но теперь мы попробуем ему помочь. Ну а тебе, — улыбнулся я крестнице, — теперь точно будет новый смартфон.

— Правда?! — подпрыгнула она.

— Только если четверть на четыре и пять закончишь, — уточнил Костя.

— Как я ее закончу на «удаленке» с такой, блин, связью?! — отчаянно закричала Саня. — Ни фига тут не закончишь!

— Ступайте обе, — сказал Костя.

— Пойдем! — толкнула Саня подружку и быстро зашагала на выход с веранды.

Потом с улицы донесся, удаляясь, ее дрожащий от возмущения голос:

— Вообще, блин, на одни двойки закончу, раз со мной так!

17.

В тот день в нашем ОБЭП было праздничное настроение. Они накрыли группу торговцев древесиной, которые, прикрываясь легальными контрактами, на деле заготавливали и продавали «вчерную», через фирмы-однодневки, намного больше.

Скрывая следы, «черные лесорубы» очень тщательно захоронили документы этих фирм, но забыли сделать то же самое с бухгалтером. А стоит знать, что если любого бухгалтера посадить в камеру, то уже очень скоро он начнет рассказывать массу интересных историй.

В ОБЭП так и поступили. В результате за последнюю пару дней они взяли, практически с поличным, всю эту группу лесоторговцев. Почти десяток человек.

Так что начальник ОБЭП Иван Филичев встретил меня в наилучшем настроении. Правда, зная, что у меня дела обстоят совсем не так хорошо, как у него, постарался выражение радости на лице заменить на подобающее случаю выражение товарищеского сочувствия. Не очень это у него получилось, но мне было плевать.

Я отозвал его на улицу и там, на лавочке во внутреннем дворе отделения, поведал ему о том, какая помощь мне нужна.

— Думаешь, это связано с тем самым делом?

— Уверен. И еще уверен, что у нас намечаются новые трупы. Может быть, много. У них и правда не заржавеет всю семью вырезать. Но самое главное, мне надо знать, где сейчас прячется старший сын Титова. Его же все равно найдут. Не те люди к нам выдвигаются, от которых спрятаться можно.

— Я понимаю, понимаю, — сказал Филичев и в задумчивости начал разглаживать усы.

— На чем его разговорить можно?

— Я сам с ним поговорю. Без тебя. Так лучше будет.

— Мне очень срочно надо.

— Сегодня и поговорю, — Филичев встал. — Ну, блин, Титов! Мне, конечно, удивительно было, что он так быстро приподнялся. Но чтоб такое! Как думаешь, у него те самые пятитысячные?

— Почти уверен. Но вряд ли он знает, что это фальшивки. Эксперты установить не могли, куда ему.

— Ладно, сегодня же вытряхну из него все. Он, вообще-то, разговорчивый, — усмехнулся Филичев в усы.

По этой фразе я понял, что Титов «барабанил» Филичеву. Поэтому Иван и не захотел в моем присутствии с ним говорить. Это правильно. С агентом беседуют только с глазу на глаз.

Пока я общался с Филичевым, Костя Меерович позвонил в Томский университет. Вдруг Титов-младший и правда там? Но из универа ответили, что студент Алексей Титов отсутствует и что, собственно, никто не ожидал его присутствия, так как он еще весной взял академический отпуск на год.

— Ой, сколько же у меня тем для бесед с Титовым-младшим! Ой, как много! — добавил Костя, доложив мне результаты разговора с Томском.

— Ваня Филичев свое дело знает, — сказал я. — Так что скоро мы с Лешей Титовым побеседуем.

Разбежались!

Филичев пришел ко мне примерно в пять вечера. Был он одновременно злой и задумчивый.

— Ноль! — сказал он мне с порога.

Потом со стуком приставил к моему столу стул, рухнул на него и повторил:

— Ноль, бляха-муха!

— Неужели Титов-папа ничего не знает? — удивился я.

— Да все он знает. Уж где его сын скрывается, точно знает. По глазам вижу, — Филичев тряхнул ладонью перед своими глазами. — Но боится. Я таких перепуганных в жизни еще не видел. Язык себе готов откусить человек, лишь бы не рассказывать.

— Надеюсь, до этого ты дело не довел? — поинтересовался Костя.

— Слушай, Меерович, хватит, а? Мне и без твоих подколок... — Филичев вскочил и зашагал по кабинету.

— Обратите внимание, все *их* боятся, — сказал я. — Все, кто хоть прямо, хоть косвенно дело с *ними* имели, боятся до усрачки.

— Ничего, — как-то не по-своему угрюмо заметил Костя. — Когда усадим *их* здесь, вот на этот стульчик, тогда посмотрим, что в *них* такого страшного. И кто кого бояться тогда будет, тоже посмотрим.

А Филичев все мотался туда-сюда по кабинету, успокоиться никак не мог, все бубнил из-под усов:

— Боится он, гаденыш! А меня он уже не боится, да? Ладно, будут тебе «маски-шоу» и на заправках, и в офисе, и дома. Мозги-то махом прочищу! От всех страхов излечу...

— Подожди, Вань, — говорю ему. — Присядь, что ты мечешься.

Я подождал, пока Филичев сядет, и продолжил:

— Это ты все говоришь правильно. «Маски-шоу» ты ему устрой, обязательно устрой! Но только не сейчас, чуть попозже. Вот когда мы со своим делом разгребемся, тогда ты и начинай.

— А что так?

— Да... — махнул я рукой. — Я что-то уже всего опасаюсь в этом деле. Вдруг, если резко дернемся, опять дров каких-нибудь наломаем? Так что будем тихо смотреть за семейством Титовых. Хотя лучше всего смотреть бы нам за их сыном. Только где его искать?

— Тьфу ты! — стукнул себя по лбу Филичев. — Я так взбесился, что и забыл совсем. Викторыч, я ж не совсем пустой к тебе пришел. Раскопал я, что у Титова-старшего квартирка в Новокузнецке имеется. Оформлена не на него, но это его хата, сто процентов. Так что, скорее всего, его сын там и скрывается.

Я слов нет, как обрадовался. Если так, то Леша Титов в этой квартире и должен быть. Где еще? Ему светиться никак нельзя, а во всех остальных местах с него паспорт потребуют.

— Что ж ты сразу не сказал, змий! — говорю Филичеву. — Давай адрес.

— Сейчас, сейчас... — Филичев листал записную книжку. — Куда я его записал-то?

— Запоминать надо такую инфу, товарищ майор, — усмехнулся Меерович.

Филичев поднял голову от записной книжки:

— Костя, запомни, самый тупой карандаш лучше самой острой памяти.

Листанул еще пару страничек и говорит:

— Ага! Вот он.

И протянул мне книжку.

Я переписал адрес, вернул книжку Филичеву и говорю Косте:

— Съездишь завтра? С утречка прямо.

— Да с радостью, — говорит Костя и берет у меня листок.

Это был мой последний в жизни разговор с Костей Мееровичем.

Наутро, двадцатого сентября две тысячи двадцатого года, он уехал в Новокузнецк.

18.

Костя уехал в десять утра. В одиннадцать тридцать ему звонил Семен Корнилов. Спрашивал, куда Костя положил нужный Семену материал. Время звонка смартфон, разумеется, запомнил. Костя еще был в пути.

Я почему так на времени внимание заостряю, потому что на записи с камеры наблюдения в одной новокузнецкой блинной, которая так и называлась «Блинная», время записи тоже фиксировалось. То, что там происходило, началось в одиннадцать пятнадцать. Запись эту я смотрел уже на следующие сутки.

В блинной было очень малоллюдно. За столиком у самого входа сидели молодые парень с девушкой. По виду — студенты. А у самого прилавка, сидя спиной к двери, завтракал Алексей Титов. За прилавком была барменша. И больше не было никого.

В одиннадцать пятнадцать входная дверь открылась и в блинной появилась эта чертова пацанка Дось и с ней один из ее парней-дуболомов. Второ́й, очевидно, остался в машине, за рулем.

Одновременно с этим молодая парочка поднялась из-за стола и направилась к выходу из блинной. Те двое посторонились, пропуская их. Потом парень-дуболом слегка тронул Дось за плечо и показал ей на стену. Там висела табличка с надписью: «Улыбнитесь, вас снимает видеокамера!» Дось ухмыльнулась, кивнула и что-то сказала парню. Тот рассмеялся.

Алексей в это время обернулся — наверно, на звук голосов — и, увидев, кто пришел, подскочил на ноги как ошпаренный.

Парень быстро подошел к нему, приобнял за плечи, как старого приятеля, и усадил обратно за столик, а Дось направилась к кассе.

Там она, улыбаясь, спросила что-то у барменши, показывая на лежащее перед ней фотоменю. Барменша склонилась над ним, и тут же Дось коротким ударом ребра ладони по затылку вырубил ее. Барменша рухнула, ударившись по пути головой о прилавок. Потом у нее диагностировали сотрясение мозга. По той ситуации можно смело сказать: легко отделалась. Очень легко. Впрочем, Дось она и не интересовала. А интересовал ее Титов. К нему она и подошла, заглянула в лицо и что-то очень коротко спросила.

Титов подскочил на ноги и заговорил, то показывая куда-то руками, то прижимая их к сердцу. Дось раздраженно помотала головой и задала вопрос чуть подлиннее, покачивая, по своей привычке, ладонью перед вопрошаемым. Титов замахал руками и снова начал что-то объяснять. Тогда Дось правой рукой взъерошила себе прическу — и сразу же левой Титову в печень! Вообще без замаха. Но удар был профессиональный, хорошо поставленный.

Титов согнулся пополам. А она ему в прыжке коленкой в нос и одновременно локтем по затылку! Что там у парня с лицевыми костями случилось, представить страшно. Он упал на пол и задергался в конвульсиях.

Дось еще пару раз подпрыгнула на месте в боевом азарте, все успокоиться никак не могла, потом кивнула своему спутнику. Тот поднял Титова и потащил к выходу. А Дось... Эта сучка внимательно осмотрелась, нашла видеокамеру и сделала то, о чем просила надпись на табличке. Обаятельно улыбнулась и помахала рукой. Потом тоже ушла. На часах было одиннадцать двадцать четыре...

Журавленко вдруг прервал рассказ, достал сигарету, долго разминал ее, глядя в стол, потом закурил и некоторое время дымил молча. Наконец сказал:

— Скоро год будет, а все равно тяжело вспоминать. Все думаешь: может быть, не надо было Костю одного отпускать? Сам бы с ним поехал — может, все иначе бы сложилось. М-да... Может быть, и иначе, конечно. А может быть, и нет. Тогда не рассказывал бы я вам сейчас про все это.

Он прикурил новую сигарету от выкуренной, раздавил в пепельнице бычок и продолжил.

— Тело Кости нашли ближе к восьми вечера. Сначала его машину. Она стояла в десяти километрах от Новокузнецка, недалеко от трассы, за кустами. Повернута была по направлению от Новокузнецка. Скорее всего, Костя развернулся, когда ему навстречу попался знакомый белый «мерседес», и пристроился следом. А потом «мерседес» свернул с трассы в лес. Костя — за ним...

Непонятно до сих пор, почему Костя не позвонил никому, не предупредил, что происходит, не попросил помощи, в конце концов. Впрочем, он, может, и звонил, но на том участке мобильная связь почти не ловит, а рации у него в машине не было.

Самого Костю обнаружили на поляне примерно в километре от дороги. Лежал навзничь. У правой руки табельный пистолет. В восьми метрах от него следы стоянки «мерседеса». С этого расстояния перестрелка, наверно, и шла. У Кости три ранения: одно в печень, одно в сердце и одно прямо в лоб. В печень и сердце попали с дистанции. Очень точно били. А в лоб — в упор. Зачем? Добивать его не надо было, предыдущие раны каждая в отдельности смертельные. А я знаю, зачем, и это знание меня всегда немного успокаивало и успокаивает. От ярости, от бешенства они в упор стреляли. Дело в том, что у Кости в магазине не хватало четырех патронов. И четыре гильзы недалеко от него лежали. А там, где стоял «мерседес», мы кровь нашли. Причем обильно и двух разных групп. Цепанул их все-таки Костя. Хорошенько цепанул!

Чужих гильз мы нашли всего две. Били, как я уже сказал, без промаха. Два выстрела, два попадания. Гильзы девять миллиметров от патрона марки «Люгер». Такие патроны используются много где, но не в России.

А вот в голову Косте били из револьвера. Потому и гильзы рядом с телом не было, только пуля. Сорок четвертого калибра от патрона «Магнум». Одного из самых мощных в мире. Пришлось Костю хоронить с закрытой головой.

Там же, на поляне, валялись разорванные упаковки перевязочных пакетов, окровавленные ватные подушечки. Пустые шприц-тюбики: два ярко-синих — из-под опиоидного обезболивающего «Промедол» и ярко-желтый — с каким-то легочным стимулятором. Разбитые ампулы из-под антибиотиков, разовые шприцы, порванный жгут.

Досталось этим сволочам, досталось! Куда бы они в тот день ни ехали — а ехали они, скорее всего, к нам в город, — Костя их остановил. Им пришлось бежать.

На этот раз в «Перехвате» участвовала и авиация. Пять вертолетов привлекли. Но даже при всем при этом «мерседес» мы обнаружили только на вторые сутки. Недалеко от границы Кузбасса с Алтаем. Они его просто бросили, а сами как сквозь землю провалились. Новенький автомобиль с очень навороченным оборудованием — спецназ позавидует — взяли и бросили, как одноразовую посуду после пикника. То ли торопились, то ли он для них, при всей своей цене, значил столько же, сколько использованная одноразовая посуда.

После осмотра автомобиля понятно стало, как им призраками удавалось перемещаться по всей Западной Сибири. Чего там только не было! И портативная станция радиолокационных помех, и глушитель полицейского радара, и детектор высокочастотных радиопередач, и глушитель радиосигналов... Особо интересным был один крайне редкий прибор — импульсный повторитель с усилителем, при помощи которого можно ввести в заблуждение всякого, кто захочет отследить машину через GPS или ГЛОНАСС.

Но даже вся эта электроника вряд ли так долго могла бы им помогать, если бы не еще одна вещь, обнаруженная нами в машине. Карта! Бумажная географическая карта Сибири от Тюмени до Красноярска. Отлично изготовленная, с надписями на английском языке.

— Вы, Эля, спросите: и что им от этой карты? А там были обозначены сто шесть дорог, которые не отмечены ни на наших картах, ни на GPS-навигаторах. А в реальности они есть. Полузаросшие, полуразрушенные, но есть. И все идут по безлюдным сельским, точнее бывшим сельским, местностям. По ним, от заброшенной деревни к заброшенному поселку, всю Сибирь можно туда-сюда проехать и ни разу на людей не наткнуться. Конечно, придется время от времени федеральные трассы пересекать, но это же минуты.

— Отчего же, — спросила Эльвира, — они столь ценную карту вам оставили? Ведь теперь вы знаете их тайные тропы.

— Хороший вопрос, Эля. Грамотный. Я тоже над этим долго думал. И пришли мне в голову две версии. Или они очень спешили, или, что самое правильное, но и самое для нас обидное, им и в голову не приходило, что мы эти дороги просто забыли. Живем и знать не знаем, сколько на самом деле вокруг нас пустошей образовалось.

На одну из таких забытых дорог они и свернули с трассы в тот момент, когда Костя преследовал их. Она широкой петлей с севера на юг обтекала наш город и вела точно к его юго-восточной окраине. Там неподалеку, как мы позже выяснили, в давние времена деревня шорская стояла. В пятидесятых ее ликвидировали в кампанию борьбы с бесперспективными деревнями, была в те годы такая. А дорога, что к ней шла откуда-то с юга, осталась. Никто про нее не знал. Да что там! Никто в городе не помнил, что в тех местах когда-то люди жили, что уж про дорогу говорить.

А эти знали! Благодаря карте своей. И если бы не Костя, они вошли бы в наш город ночью. С того края, откуда их никто не ждал. Мне страшно представить, что в ту ночь здесь творилось бы.

Были в «мерседесе» и приятные для всех нас следы. Заднее сиденье было сильно заляпано кровью. Текло как из зарезанной свиньи. Дверка у переднего пассажирского сиденья тоже в крови была, но меньше. На полу смятые, сильно окровавленные перевязочные пакеты. Валялось еще два пустых шприц-тюбика с обезболивающим, но, кажется, им это не сильно помогло. Пришлось прибегнуть к другому обезболиванию. В салоне валялись три пакетика с остатками кокаина, идентичные тем, что изъяли на новосибирском вокзале. На торпедке — следы от кокаиновых дорожек.

Титова-младшего мы так и не нашли. Боюсь, и не найдем никогда. Хотя, может быть, где-то всплывет еще или отгадет.

А Титов-старший бежал из города сразу после разговора с Филичевым. Прямо в тот же день. По слухам, живет сейчас в Чехии. Семья его здесь и не бедствует. Доказать, что сеть заправок и дом Титов купил на фальшивые деньги, нам так и не удалось. Пока, по крайней мере. Поэтому все осталось в семье.

А я вот сижу и жду. Каждый день, уже десять месяцев. Жду, когда они придут снова.

Вот, Эля, и вся история.

19.

За столиком установилась тишина. Журавленко прихлебывал кофе, время от времени бросая взгляд на журналистку, а та задумчиво вертела на столике диктофон. Потом отключила его, достала желтую сигаретку, зачем-то медленно провела ею перед своим носом, затем зажала ее губами, щелкнула зажигалкой, но прикуривать не стала. Прихлопнула огонек крышечкой зажигалки и спросила:

— А вам не страшно?

Журавленко пожал плечами:

— Понимаете, Эля, вопрос так не стоит, страшно или не страшно. Вопрос стоит, кто на этой земле хозяин. Мы или уже кто-то другой? Я уверен и готов доказать, что по-прежнему мы. И я в том числе. — Он показал на себя ладонью, потом развел руки в стороны и улыбнулся: — Вот старенький, а хозяин!

— Под словом «мы» вы имеете в виду полицию? — спросила Эльвира.

— Не только. И даже не только, как раньше говорили, «слуг государевых».

— А кто же тогда эти «мы»?

— Это те, Эля, кто считает себя хозяином земли этой, ведет себя, как положено ее хозяину, и готов доказать свои права кому угодно, когда угодно и какой угодно ценой. Как доказал это Костя Меерович. Как доказывали это многие поколения прежних хозяев земли этой. Потому и народ жив до сих пор, и страна жива. Хотя погибнуть должна была. Мно-

го-много раз уже должна была. А живет! И будет жить, пока появляются среди народа хозяева земли этой. А вы спрашиваете, страшно или нет. Время ли об этом думать, когда у нас тут появились невесть кто невесть откуда и решили похозяйничать, нас не спрашивая? Значит, в очередной раз настало время доказать, кто здесь хозяин. И коли кто-то опять потребовал доказательств, он их получит. Мы докажем *им*, что на этой земле *ихнего* ничего нет, здесь все наше! В том числе и это, — Журавленко достал из кармана пакетик с бумажкой. — Если это деньги — значит, это наши деньги. Если это Сатана — значит, это наш Сатана. Если это просто клочок бумажки — значит, это наш клочок бумажки, мы и его без спросу взять не позволим. — Он вернул пакетик в карман. — Пусть приходят.

— Уверены, что обязательно придут? — Эльвира снова откинула крышку зажигалки и крутанула колесико.

— Уверен. *Им* очень надо то, что лежит у меня в кармане. *Они* слишком сильны и слишком наглы, чтобы отступить. И, как всегда, считают нас слабыми, глупыми, пьяными. На том и погорят. Как всегда.

Щелк! Эльвира снова, так и не прикурив, захлопнула крышку зажигалки.

— Ну а что вы сделаете, окажись *они* у вас в руках?

— Ну-у-у... — Журавленко мечтательно и с хрустом потянулся.

— Я отведу их в зоопарк.

— В зоопарк? — У Эльвиры чуть не вывалилась сигарета изо рта.

— Ну да, — широко улыбнулся Журавленко. — У нас тут в одном подвальчике имеется веселый зоопарк. В нем живут забавные «слоники», красивые «ласточки», прикольные «лягушки». Наши гости будут играть с этими зверушками, а я — беседовать с гостями. О Косте Мееровиче. Об Алексее Титове. Снова о Косте Мееровиче. И еще о многих и многих интересных вещах. Ну и, конечно, о той самой девушке. Должен же я довести это дело до конца. Должен же сказать ей наконец: «Талифа-куми».

— А потом?

— А потом я их, мерзавцев, — под суд!

— Как под суд?

— А куда? Коли ты преступник — под суд тебя. А вы что думали? Что я их в тайгу вывезу и по девять граммов в затылок? Нет, Эля, я самосуд творить не буду и другим не позволю. Самый справедливый самосуд хуже самого несправедливого суда, как самое маленькое трупное пятно хуже самого большого синяка. Потому что, если есть самосуд, значит, нет государства. А если нет государства, кому же я тогда служу? От кого моя власть проистекает? Вот то-то и оно. Поэтому — только в суд!

Эльвира снова щелкнула зажигалкой и на этот раз прикурила. Потом положила диктофон в сумочку, поднялась и протянула руку Журавленко:

— Спасибо вам, Сергей Викторович, и до свидания. История ваша и правда необычная. Главный редактор не ошибся, когда направлял меня к вам.

— Я рад, — пожал протянутую руку Журавленко. — И знакомству нашему рад, и тому, что помог вам. Значит, думаете, интересно будет вашим читателям?

— Уверена, — убежденно кивнула Эльвира.

— Но ведь в хорошей истории непременно хеппи-энд должен быть, разве нет?

— Не всегда. Да и где вы его в этой истории возьмете?

— Он есть. Небольшой, но есть.

— А ну-ка? — улыбнулась журналистка.

— Через два месяца после похорон Кости ко мне пришла Саша Мерovich и спросила, правда ли, что ее, как дочь погибшего полицейского, могут принять в кадетский корпус полиции без экзаменов и вне конкурса. Я узнал — оказалось, правда. Так что моя крестница теперь в кадетском корпусе. Это ведь пойдет как хеппи-энд?

— Да, — кивнула Эльвира, гася сигарету в пепельнице. — Это хорошо. Для крестницы вашей хорошо. Когда с такого возраста растешь в строгой дисциплине, потом в жизни очень помогает.

— Я вам верю, Эля. Почему-то очень сильно верю.

Эльвира накинула сумочку на плечо, сняла темные очки со лба, поправила челку, чтобы надеть их на глаза, но вдруг остановила руку и повернулась к Журавленко:

— Сергей Викторович, еще вопрос. Где тело этой девушки?

— Там, в Барабинске, и захоронили. Мы решили, хватит уже ее мучить. Могила... — Журавленко полез в карман, вытащил записную книжку, перелистал ее и сказал: — Ага, вот. Могила номер сто пятьдесят три. Надпись на табличке: «Неизвестная».

— А кладбище?

— А кладбище, Эля, там только одно.

— Спасибо, — кивнула Эльвира, надела очки и направилась к выходу с веранды.

— Эля! — окликнул Журавленко, когда она уже подошла к лестнице. Та обернулась. Журавленко смотрел на нее, широко улыбаясь.

— Эля, — повторил он, — я надеюсь, вы дадите мне почитать статью, которая у вас получится из этой истории?

— Конечно, — серьезно ответила Эльвира. — Вам — обязательно. Уж что-что, а это в первую очередь. Можете даже не сомневаться.

И сошла с веранды.

Журавленко, все так же улыбаясь, проводил ее взглядом, достал смартфон и нажал на экран.

— Все в порядке, — сказал он. — Да-да, все как мы и думали. Никаких сомнений. Снимайте «хвост», пусть ходит, где хочет. — Помолчал, слушая ответ. — И если уехать захочет, пусть едет. — Снова послушал собеседника. — А я говорю, все в порядке на сей раз будет. Просто делайте, как договорились. Все, конец связи.

Он нажал отбой вызова. Положил смартфон на стол, достал сигарету и, откинувшись на спинку стула, стал медленно курить, задумчиво глядя на вершину той самой горы.

Александр РАДАШКЕВИЧ

ВИНО ВЕСНЫ ОБЕТОВАННОЙ

Темнеет

Темнеет позднее, светает все раньше, и тело тайком отползает все дальше, напоминая о сроках проката, все длиннее помины у смиренных икон, потупивших горние взоры, все чаще птицы отчужденно заглядывают в запертые окна, преснее хлеб, слабее водка и растяжимее дожди чужбинного бесснежья, и слаще письма недошедшие, и мятнее твои уста в зеркальном вальсе встреч, в огинском полонезе расставанья, все бархатнее пыль на затылках толпящихся книг, прогнувших дешевые полки, и каверзней объятия того, что проще выбросить, но бросить — выше сил, отпущенных на скользком повороте с лихою и в обрез, и только логос все послушнее и строже играет радугой хладящего огня, что дни спалил невызнанной любовью: светлеет позднее, темнеет все раньше, веет сердце апрельской сиреню на ладони зеленых ветров.

Ночное посвящение

Он говорит: «Я на мосту». За ним шипит двуглавая Москва. «Я никогда не доходил до берега другого, переходил всегда на тот же». Он говорит: «Все хорошо, я отхожу». И что-то там про Пер-Лашез. Как больно быть большим и сильным на однокрылом ветреном мосту. «А ты помог мне, как всегда». Он знает, как и я, что конец разговора приводит к концам, и мы молчим,

на стершихся экранах мигает электронная тоска,
 не ждя уже и не гадая, и на мосту предвечных
 одиночеств ему теперь не до игры. Но Бах
 заводит музыку прощенья в долине слез, над
 лунными ключами птица ночи расплескивает
 кожаные крылья, и змеи мудрости до срока
 закусывают тонкие хвосты. Над синей книгой
 небытия мы разлетимся величаво
 по воле неба в густые сны.

Карусель додо

Ах, додо, он же дронт маврикийский, ты
 не топчешь уже свой возлюбленный остров,
 был ты голубь нелепый под двадцать кило,
 с обалденным рубильником-клювом, и тебя
 так легко было взять, потому что не мог от
 земли оторваться и страшиться совсем не уметь,
 лишь мигал подслеповато, пока убивали тебя.
 В карусели невиданных видов вот и волк
 тасманийский, что последним из сумчатых
 был, сиватерий толсторогий, смесь жирафа и
 лося, да эпиорнис мадагаскарский, что прозвали
 слоновьей птицей. Вас не встретить на милой
 земле, но вы кружитесь здесь, под тенистым
 платаном парижским, деревянную жизнь
 продлевая и детишек во чреве неся сквозь века
 нелюбви и обмана. Ну а я, плотоядно смакуя
 грешный шарик шоколадный в вафельном рожке,
 лечу за кружением тварей непарных, давным-
 давно в упор не видя, что исчез мой неизвестный
 вид и что, может, и лучше оно в хороводе
 разлучного круга, в карусели отпетых додо.

Январская филиппика

Прощай, радость, жизнь моя!
Народная песня

На нее напяливают маску, ее запирают дома,
 сажают с мертвым мигающим ящичком, ее
 не пускают к далеким любимым, ей делают
 уколы и берут на учет, — наша радость, день
 изо дня, час за часом ее убивают, ломают

прозрачные крылья и вытыкают ясные очи,
 узревшие красу, а кто-то лыбится там, за
 завесой, и потирает пухлые руки, глядя,
 как бьемся об лед рукотворный, не жалея
 остатних, негаданных сил. Наша радость,
 к ней столько зим подступались, сажали
 на растяжимые цепи, лишали родной пра-
 отеческой речи и приучали выбалтывать
 себя часами ни с кем и ни о чем, пачкали,
 мяли, дурили, не находя тех межзвездных
 прогалин, где со светлячками горние росы
 она снимала юными губами, где верила
 нежно в весну. Прощай, радость, жизнь
 моя, или здравствуй, теперь уж навеки.

Отъезд

В утро отъезда не спишь: к тебе все возвращается и от тебя
 навек уходит, и в междувременье, как в сизом межнебесье, ты
 падаешь и взлетаешь, ломая обесточенные крылья о времени
 порушенные стены в провале опрокинутых небес, где наконец
 пищит будильник тоскливо-сиротливым голоском, напоминая,
 что мы живы, обречены глотать колбасный бутерброд с кусочком
 провороненного сыра и умывать опять невнятный лик святой
 водой вседневного исхода, а дальше все заведено, как ходики
 с осипшею кукушкой, как людная пустыня и поезда, плывущие
 к портам, откуда отбывают самолеты, на светофорах сладостно
 дымя, как чемоданы надувные на перечеркнутом перроне и гарь
 в потерянных глазах, и ты не хочешь больше никуда. В утро
 отъезда все ждешь: «Вставай, дружок», — пусть скажет
 мама, и на пороге, над бездной беззвездной
 пускай, как встарь, она всплакнет.

Дом Амалии

В блаженных днях осенних Лиссабона, где все весна,
 нам явлен дом Амалии Родригес на изломе взлетающих
 улиц, убывающих узорным тротуаром в безбурный океан,
 за жемчужную раму Тежу, а в доме былом на пейзажном
 французском пожилая служанка, исколесившая с нею
 полмира, вспоминает умиленно: «За тканью на портьеры
 и наряды мы ездили в Париж. Лионский бархат, шелк, парча —
 она никогда не считала. А зачем, говорит, ничего с собой

не унесем. Это платье она так любила... Вот тут обедал Миттеран, и Азнавур от нас не вылезал, и сколько их еще тянулись к ней годами. Фадо наше раньше распевали лишь в тавернах и темных кварталах, а она подняла на сцену и прославилась навсегда. Тут дверь была, ее замуровали, за нею ванная, где мы ее нашли...» В тенистом патио ее престарелый болтливый жако на серенькой цепочке, и он картаво вспоминает что-то, дает себя погладить по хохолку, а когда мы уходим, начинает ругаться моряцкой безбрежною бранью на нас, на этот мелкий мир и на обрыдшую цепочку, она же смотрит нам вослед со стен оливковым, всегда последним взглядом, оставаясь не в саркофаге пыльном Пантеона, а лишь здесь, где сине-белое солнце фадо раскололось на млечный след.

Памяти лета

До свидания, лето, которого не было. Было мило в дольче вита, посадили в натюрморт. Кружит прах небывших листьев, воеет ветер по хворой весне. Ты открыло милосердно, что не нужно никого и не важно ничего, что не надо никуда, навело над полым морем небывалые мосты, расплескало тени крыльев от упавшего плеча, подвело к вратам кристальным, за которыми оно, разорвало цепь желаний, разрешило плен томлений, ты поверило в меня. До свиданья, отпетое лето, на плывущих в рассвет островах. Кружит листьев небывалых золотая чешуя, и осень смотрит отрешенно в мое опавшее лицо.

В саду

Здесь могилы выше крыш проплывают в вешнем небе, задевая гордые кедры и помпезные кипарисы. Я спиною к стене Пер-Лашез на железной скамье воздыхаю с волнистых холмов, под ногами гудящий Париж заглушает воскресную мессу. Это школа, а это кабак, магазины, гараж и аптека, и мигает мне пегая крыса, глядя прямо в глаза и шебарша под расцветшим кустом прошлогодней забвенной листвой. Бусинка носа, бледные лапки и хвоста бикфордов шнур. Нам обоим в робком марте ясно, просто и светло.

Паспорт

Шуршат опавшие страницы на каменеющем ветру,
и мне меняют паспорт на последний, на тот, что
не придется предъявлять, сверяя перелистанные лица
на несменяемых постах, просрочив все земные визы
простершихся за явью стран, меня меняют на меня,
к которому уже мне не привыкнуть, как к шумящему
миру без мамы и забвенным навеки садам на крутых
берегах перламутровой Леты, недвижно уносящей
в никуда на свинцовых ладьях засвеченных луною
пассажиров, потерявших обратный билет и оставивших
паспорт последний на распахнутом в небыль окне, но
все-таки и как-никак я пью вино весны обетованной
неспешными шипучими глотками, любясь уткой
с селезенком на набегающей волне, и покупаю по
вышней воле зеленый бархатный диван,
на котором всплывают в Вивальди
и галопом влетают в Дюма.

Александр ГОЛУБЕВ-КУРИЛЬСКИЙ

БАГРОВЫЕ ПАРУСА БЕЗУМИЯ

Р а с с к а з

Воровато посмотрев по сторонам, Вадим поднял к горловине бака своего старенького микроавтобуса тяжеленную пластиковую канистру и наклонил ее. Желтая струя солярки с торопливым бульканьем хлынула в мятую жестяную воронку. В такой момент самое главное — не попасться портовой охране.

Как неудачно, что их безработное судно пришвартовано в самом центре рыбного порта, прямо напротив диспетчерской. Если попадешься на глаза, сразу спалят. Но особого выбора нет, стоянка у причала затянулась уже на три месяца, а три месяца с пустым карманом заставляют смотреть на мир совсем другими глазами.

Чертюва контора, шевелиться не хочет совсем! Задрали цену за фрахт до небес, поэтому и желающих возить груз на их посудине днем с огнем не отыщешь. Все потому, что начальство ждет весны, когда начнется лососевая путина, вот тогда они свое хапнут на доставке мороженой нерки и горбуши из рыбачьих поселков, а сейчас, как сказал генеральный директор господин Сидоров, «за гроши гонять судно лично он не собирается».

Только что делать экипажу? Как ему это время пережить и чем кормить свои семьи? Вот и приходится тащить с судна все, что еще на нем осталось, например топливо, которым можно заправить свою машину или просто продать соседу по гаражу за полцены.

Бросив пустую канистру в холодный салон микрока, Вадим облегченно захлопнул боковую дверь и с сознанием хорошо выполненного долга поднялся по шаткому трапу на невысокий борт «Морского Ветра».

Зимнее утро началось удачно. Скоро появится старпом, примет вахту, и тогда можно будет пару-тройку часов потаксовать в просыпающемся городе. Глядишь, и бабки на какой-никакой обед появятся.

На капитанском мостике Вадим тщательно вымыл покрасневшие от холода, воняющие соляркой руки и вытер их лохматой ветошью, заменявшей полотенце.

Вот теперь можно и утреннего кофе выпить.

— Здорово, Вадим! Ну, обрадуй, когда в рейс пойдем? — Язвительно-недовольный тон зашедшего в рубку старшего механика выдавал крайнюю степень раздражения.

— Как только, так сразу! Ты чего такой резкий?

— Лучше резкий, чем зашуганный! Я сегодня из дома ушел, прикинь. Жена говорит, проваливай на свой пароход и не появляйся, пока денег не будет! А я ей — тогда вообще не жди! Кэпа еще нет?

— Вон идет, весь такой задумчивый.

— Отлично. Сейчас я его взбодрю!

Через полчаса на тесном мостике столкнулся весь немногочисленный экипаж.

Матросы и механики орали про итальянскую забастовку, повар требовал хоть каких-нибудь продуктов, но громче всех надрывался боцман Овик, носатый и жилистый, в черной бейсболке с золотым логотипом Mega Sea на козырьке.

— Я что — папуас, за похлебку работать? Мне дэньги нужны, бабки, лавэ! Чем за квартиру платить, детей кормить, объясни, дорогой!

— Скажите, пожалуйста, ваше судно можно зафрахтовать?

На мостике мгновенно воцарилась напряженная тишина. Не веря своим ушам, все разом обернулись и вытаращились на худого невысокого человека, произнесшего магическое слово «фрахт».

— Конечно, можно, — невозмутимо сказал Алексеич, бессменный капитан «Морского Ветра», пожилой бурят двухметрового роста с жесткими поседевшими волосами. — Только стоять это будет четыре тысячи в сутки.

— Отлично.

— Я имею в виду доллары!

Улыбнувшийся коммерсант понимающе кивнул:

— Ясно, что не рубли. Меня это устраивает. Когда можно начинать погрузку?

— Да хоть сейчас!

Судорожно цепляясь за обмерзшие поручни, Вадим пробирался на корму, чтобы проверить, как там контейнеры с грузом.

Море было беспокойным, волны заливали уходящую из-под ног палубу, пенные брызги наотмашь хлестали по серой от наледи рулевой рубке.

Слева по борту тянулись скалистые берега восточного побережья. Над ними ослепительно белели угловатые сопки, похожие на расколотые наискось гигантские куски рафинада.

Немолодой уже теплоход «Морской Ветер», сорока метров в длину, с низким, будто бы приплюснутым светло-зеленым корпусом и белой двухъярусной надстройкой, казался игрушечным среди океанских валов.

Проходя мимо каюты коммерсанта, зафрахтовавшего судно, Вадим с любопытством посмотрел в задраенный иллюминатор, ожидая увидеть обычную в такой ситуации картину — умирающий от качки пассажир в полубессознательном состоянии валяется на измятой койке, проклиная тот час, когда решил пойти в рейс.

Вместо этого Вадим почти уперся носом в чью-то белесовато-розовую полупрозрачную голову, совершенно не похожую на человеческую.

Но самая жуть заключалась в том, что лицо, собравшееся в гармошку, было сдвинуто на затылок, словно маска противогаса.

Существо жадно дышало, широко растянув гладкие губы огромного рта, крохотные глаза были закрыты розовыми веками.

Резко пригнувшись, Вадим повернул обратно, сразу забыв про контейнеры.

«Ни хрена себе, вот это дождались фрахта! Это кто же такой нас нанял, а самое главное, для чего? И что же такое мы теперь везем в поселок Устьевое?!»

Контейнеры были погружены на палубу закрытыми на замки, и никто, кроме этого «коммерса», не знал, что там находится. А в коносаентах значилось: «снабжение, принято счетом мест без проверки содержимого».

Шесть контейнеров принято, шесть выгрузят, а что там за снабжение — коммерческая тайна, чтоб она провалилась. Но основной вопрос: что лично Вадиму, второму помощнику капитана, делать в этой совершенно абсурдной ситуации?

Поднявшись в рулевую рубку, Вадим кивнул сидящему у компьютера начальнику радиостанции Феликсу и принял вахту у Федора, третьего помощника капитана.

Сделав над собой усилие, он унял нервную дрожь в пальцах и гуляющим почерком вывел в судовом журнале: «Тихий океан, Берингово море. Двенадцать часов ноль минут. Вахту принял второй помощник капитана Реутов. Следуем по назначению в порт Устьевое. Курс 25 градусов, скорость 11 узлов».

После этого он подошел к лобовому иллюминатору и невидяще уставился в пустынную морскую даль.

— Что-то интересное увидел? — послышался насмешливый голос Феликса.

Феликс был похож на молодого викинга — высокий рост, рыжие волосы, голубые глаза, широкие скулы, веснушки на щеках, волевой подбородок, не хватало только рогатого шлема и кольчуги. Но в отличие от викингов был он не задиристого, а очень спокойного и тихого нрава, и если где и проявлялись его кровожадные наклонности, то только в компьютерных стрельках.

Резко дернув мышкой, начальник радиостанции клацнул кнопкой. Из колонок раздался гортанный вскрик и противное бульканье.

От этих звуков Вадима передернуло. Перед глазами сразу возникла полупрозрачная голова, судорожно глотающая воздух.

— Феликс, ты в орков веришь?

Начальник радиации замер, предчувствуя подвох.

— Ты это серьезно?

— Вот что бы ты сделал, если бы увидел прямо перед собой орка?

— Прикальываешься?

— Чисто теоретически.

— Я б его грохнул, пока он меня не сожрал, — самоуверенно заявил Феликс.

— А остальные?

— Что остальные?

— Ты им рассказал бы?

— Нет, конечно. Все равно не поверят. Я сам бы ему пожарным топором башку снес.

— А вдруг это не орк?

Феликс уставился на Вадима.

— Ты же только что сказал, что орк?

— Может, показалось?

Повернувшись к экрану, Феликс сделал неуловимо быстрое движение рукой. В колонках снова булькнуло.

— Смотри, как просто! Был орк — и нету. Все четко и понятно. За это я и люблю компьютерные игры. Никаких сомнений. И вообще я пошел обедать. Пока!

Проводив Феликса взглядом, Вадим вздохнул.

Да, жизнь — это тебе не виртуальное мочилово. Нельзя вот так за просто схватить на камбузе самый большой нож и пырнуть им существо, обитающее в пассажирской каюте, а потом получить за это бонус...

— Извините, можно я войду?

Вадим обернулся и вздрогнул: в дверях стоял «коммерс», по документам проходящий как Виктор Родионович Протасов, пятидесяти трех лет от роду, а на самом деле непонятно кто, то ли земной монстр, то ли пришелец с другой планеты.

«Кто же вы, Виктор Родионович?»

Впившись взглядом в его лицо, Вадим попытался найти хоть что-то, доказывающее подделку, но оно ничем не отличалось от обычного.

Серые покрасневшие глаза, скорбно опущенные уголки губ, легкая щетина на подбородке, бледная неровная кожа, никаких даже намеков на то, что это просто чехол.

Во всяком случае, эмоции это лицо передавало очень достоверно. На данный момент оно выражало крайнюю озабоченность.

— Вы что-то хотели?

— Да, уточнить маршрут.

— В Устьевое дойдем через четверо суток.

— Устьевое мне уже не нужно, — поморщился Виктор Родионович.

— А что же вам нужно? — не понял Вадим.

— Вот тут у меня на бумажке координаты, вы не могли бы посмотреть, где это?

Вадим взял помятый листок с цифрами и пробежал по нему взглядом.

— Вы очень странный человек, Виктор Родионович.

— С чего это вы решили?

— С того, что впервые вижу, чтобы снабжение везли на середину Тихого океана. Ведь оно нужно для рыбозаводов, правильно? А все рыбозаводы расположены на берегу. Или это для промыслового судна? Может, объясните?

— Вы все узнаете в свое время, — холодно ответил «коммерс». — Так что с координатами?

— Только по распоряжению капитана. Уж извините.

— В таком случае не могли бы вы его позвать?

Вид у капитана был помятый и заспанный. Позевывая, он уселся в пустующее кресло рулевого:

— Я вас внимательно слушаю!

— Как вы смотрите на то, чтобы нам отклониться от курса и выйти вот в эти координаты?

Раскосые глаза Алексеича удивленно округлились.

— Но зачем? Там ждет какое-то судно?

— Нет, нужно просто лечь в дрейф.

— И в чем же тогда смысл? — недоверчиво спросил капитан.

— Я вам хорошо заплачу.

— Сколько?

— Давайте мы решим этот вопрос в другом месте.

Капитан задумался. Он сидел в своем кресле, глядя в обледенелый иллюминатор на далекий берег, и молчал.

— Ну так что?

— Ладно. Вадим, проложи туда курс и поворачивай. А мы с вами, Виктор Родионович, давайте пройдем в мою каюту и продолжим наш разговор.

Вадим подошел к автоматическому рулевому и перевел его на новый курс. Судно послушно накренилось и повернуло вправо. Заснеженный берег остался за кормой, и теперь размеренно переваливавшееся с борта на борт судно полным ходом следовало в открытое море.

До конца вахты оставалось еще два часа. Вадим щелкнул выключателем пластикового китайского чайника и сыпанул в синюю пластиковую кружку с надписью «2 пом. к-на» ложечку растворимого кофе.

Все же было непонятно, догадался этот «коммерс», что Вадим видел его настоящую харю, или нет?

«Держится он, по крайней мере, очень уверенно. Ничего пакостного для экипажа не предпринимает. Значит, ему позарез нужно добраться до точки, и тогда, возможно, что-то станет понятнее. И вообще, ну мутант он, допустим, или пришелец, и что из этого? Тихий, безобидный, просто захотелось устроить себе морской круиз. Бабки есть, имеет право. Глядишь, под конец рейса еще и подружимся. Кофе вместе пить будем».

— И куда это мы поехали?

На крыле мостика, покачиваясь в такт судну, стоял начальник радиостанции.

— Загадочные маневры, да? — Вадим ухмыльнулся. — Идем в район, где много соленой воды. Видимо, здесь ее недостаточно. Оказывается, нам надо вот в эту точку.

— Кто же это придумал?

— Угадай.

— Пассажир?

- Держи конфетку.
- Лучше пиво, — мечтательно произнес Феликс. — Слушай, а ты не про него спрашивал? Ну, насчет орка?
- Может быть, — Вадим пожал плечами.
- На мостик поднялся деловитый, как обычно, Овик.
- О чем базар, мужики?
- О том, что вокруг стало слишком много загадок, — туманно пояснил Феликс.
- Например?
- Куда мы повернули? Зачем? Кто этот «коммерс»? Что в контейнерах? У тебя есть версии?
- А зачем мне версии? Я и так знаю, что там, — сказал боцман.
- Откуда?
- Замки ночью проверил, на всякий случай. Повозиться пришлось, но вы меня знаете. И во всех этих контейнерах...
- Ну что там, не тяни, Овик! — не выдержал Феликс.
- Так вот, во всех контейнерах какие-то емкости. Пустые.
- Что за емкости?
- Пластиковые вроде. По форме цилиндрические, высотой в рост человека.
- Я уже ни черта не понимаю, — признался Вадим.
- Зато я понимаю, — вразумляюще сказал боцман. — Это ж ясно как божий день!
- Ну, просвети нас, убогих.
- Мы выходим в точку и ложимся в дрейф, к нам швартуется китайская шхуна и заливает каждую емкость спиртом. После этого мы идем в поселок и этот тип продает спиртыгу местным с десятикратным наваром. Вот и весь расклад!
- А не проще ли было грузить обычные бутылки в ящиках? Ими можно весь контейнер забить под завязку, — возразил Вадим.
- Шлангом-то легче, чем ящики таскать. Но если это будет спирт, десяток-другой литров я отолью, к бабке не ходи. От большого немножко — не грабеж, а дележка!

Горящие на стальных мачтах мощные прожекторы превратили лежащее в дрейфе судно в маленький островок света. Пролетающие над ним чайки на мгновение мелькали белыми вспышками и снова гасли в темноте ночи. Северо-восточный ветер был зябким и сырым, он поднимал полуметровую волну, пляшущую вокруг судна.

Экипаж разбился на группы. Возле кормового входа в машинное отделение курили механики, чуть поодаль стояли два палубных матроса. Все они пристально вглядывались в окружающую тьму, скупо перебрасываясь словами.

С камбуза, держа в руках переполненное ведро с помоями, вышел повар Макс. Подойдя к борту, он опрокинул ведро в море, за его содержимым тотчас спикировали надрывно орущие чайки. Поставив пустое ведро рядом с собой, Макс запахнул куртку поплотнее и, облокотившись о планширь, тоже принялся что-то высматривать вдали.

— А где кэп? — спросил Вадим у стоявших с ним рядом Овика и Феликса.

— На мостике. И старпом там же, — объяснил всезнающий начальник радиостанции.

— А хмырь этот даже не вышел из каюты.

— Железные нервы у человека, — заметил боцман. — Такое затеять и сидеть у себя как ни в чем не бывало.

— Что-то не видать китайской шхуны, — сказал Феликс.

В этот момент ночное небо осветилось и приобрело красноватый оттенок. Вадим запрокинул голову и увидел багровые всполохи, закрывшие собой созвездие Большой Медведицы. Они походили на огромные куски ткани, медленно развевающиеся на ветру.

«Багровые паруса безумия», — подумал Вадим и сказал:

— Не знаю, как у вас, а у меня такое ощущение, что я схожу с ума.

Всполохи становились все ярче, даже слепящие прожекторы на мачтах померкли, а чайки, парящие над волнами, казались окровавленными призраками.

Лиловая вспышка, словно молния, сверкнувшая прямо над «Морским Ветром», заставила всех зажмуриться. Вадим сжался, подсознательно ожидая жуткого грохота, но, кроме плеска волн и стога чаек, так ничего и не услышал.

Открыв полуослепшие глаза, он с минуту видел перед собой только плотную черноту и ярко-синий зигзаг, ее перечеркнувший. Потом плывущий зигзаг стал тускнеть, а чернота, наоборот, наполняться светом. Появились очертания приземистой надстройки, громада контейнеров и силуэты стоящих возле них людей.

— Вниманию членов экипажа! — раздался властный голос капитана из динамиков трансляции. — Вахтенному механику спуститься в машинное отделение и запустить главный двигатель. Судно следует обратно в Командорск. Повторяю, судно следует в Командорск!

Все трое переглянулись.

— Вот тебе и канистра спирта! — вздохнул боцман.

Отправляясь на ночную вахту, Вадим вдруг вспомнил, что на мостике закончился сахар, и зашел в столовую команды. Обычно в это время она была пуста, но на этот раз там сидел очень задумчивый боцман и жевал здоровенный бутерброд с соленой неркой, запивая его чаем.

— О, боцман! Чего спать не идешь?

Кинув быстрый взгляд на Вадима, тот зачем-то огляделся вокруг.

— Я сейчас кое-что покажу, после этого и у тебя желание спать пропадет!

— Что-то мне уже страшно, может, не надо?

Боцман запихал остатки бутерброда в рот и со стуком впечатал зеленую эмалированную кружку в прожженную сигаретами клеенку обеденного стола.

— Пошли!

Они спустились по лязгающему железом трапу, боцман повозился немного со связкой ключей и открыл хорошо смазанную дверь в подшки-

перскую. На «Морском Ветре» подшкиперская была богатая. Большое помещение со множеством широких полок и вместительных рундуков, заваленное судовым имуществом. Здесь хранились стальные тросы, банки с краской и грунтовкой, такелажный инструмент, аварийное имущество, гидротермокостюмы, пачки брезентовых рукавиц, скобы, гвозди, электроды и еще много чего. Проветривалась подшкиперская лишь изредка, и в ней всегда стоял острый запах растворителя и новых резиновых изделий.

Боцман подошел к высокому рундуку и потянул на себя стальную дверцу.

— Вот, полюбуйся!

Вадим подошел поближе и увидел в глубине лежащий комом старый, испачканный в краске ватник.

— Ты что, решил мне в полночь выставку старой ветоши организовать?

— А ты под ветошь загляни.

Под ватником оказалась пыльная трехлитровая банка, заполненная чем-то темно-красным под самое горлышко и плотно закрытая голубой полиэтиленовой крышкой.

— Все емкости в контейнерах теперь залиты этой дрянью! — пояснил боцман.

— И что это?

— Откуда я знаю, дорогой? Главное, как оно там оказалось? На всякий случай набирал в резиновых перчатках, потом их за борт выбросил. А сейчас думаю, зачем я туда вообще полез?

— По привычке, — сказал Вадим. — Разве ты мог упустить такой случай?

— Слушай, хочу наехать на «коммерса» и развести его на пару штук баксов! А быковать начнет, покажу это «варенье»!

— Подожди пока с этим. Надо поговорить с кэпом. По-моему, пора. Банку я ему сам отнесу.

— Короче, — сказал Алексеич, затушив сигарету в полной окурков бронзовой пепельнице в виде штурвала, — ты утверждаешь, что наш коммерсант вовсе не коммерсант, а инопланетянин и в пустых контейнерах каким-то образом появился вот этот кисель?

— Я уже задолбался тебе это объяснять, — сказал Вадим устало. — И надо уже что-то делать, мы везем эту дрянь прямиком в Командорск. А вдруг это биологическое оружие? Или споры какой-нибудь дряни?

— И эти споры захватят всю планету?

— Тебе это кажется смешным?

— Да какой тут, к дьяволу, смех. В общем, так! Моя задача как капитана — дать экипажу возможность заработать хотя бы немного денег. С какого перепугу я должен переживать за все человечество, которому на нас абсолютно наплевать? А фрахтователь платит хорошие деньги, и я не собираюсь отказываться от них. Это первое. И второе, я не верю в твои рассказы про инопланетян, это просто бред сивой кобылы!

— Вот банка перед тобой стоит! Не веришь, в контейнеры загляни, сразу убедишься, что не бред!

— Кто вообще вам дал право туда лезть? Ты их принимал без проверки содержимого? Без проверки! Ну и нехрен совать в них свой длинный нос! Это понятно тебе?

— Нет, не понятно. Мы должны...

— Ничего мы не должны! Если по-хорошему не понимаешь, будет по-плохому. Это твой последний рейс на моем судне. Как только пришвартуемся, собирай манатки, и чтоб я тебя больше не видел! Банку оставь здесь. Свободен.

В ходовой рубке было темно и сонно, лишь светился зеленым экран локатора и едва заметно белел монитор плоттера. Увидев Вадима, вахтенный Федор с минуту помолчал и лишь после этого обиженно поинтересовался:

— А чего это мы на вахту опаздываем?

— Скажи спасибо, что вообще пришел, — пробурчал Вадим. — Мог бы сидеть в своей каюте до самого Командорска.

— Не понял. А вахту кто бы стоял? Пушкин?

— Да хоть Лермонтов. Ладно, проехали. Не бери в голову.

— Ты чего злой такой? Короче, сдаю курс — двести сорок три градуса. Скорость одиннадцать узлов.

— Как там погода впереди?

— Южнее циклон нарисовался, давление падает.

— Кэпу говорил?

— Зачем? Должны проскочить, он нас только краем заденет.

— Ну, бывай.

— Спокойной вахты!

Сняв с проволочного крючка на переборке карту погоды, Вадим несколько минут смотрел на нее, что-то прикидывая, потом решительно подошел к авторулевому и повернул судно на юг. Теперь они шли прямо в центр циклона.

«Бред сивой кобылы, говорите? А вот мы возьмем и проверим, бред это или не бред!»

В два часа ночи судно начало тяжело зарываться носом во встречную волну. Скорость резко упала, и теперь «Морской Ветер» медленно, но неотвратимо полз навстречу приближающемуся шторму.

Вадим вышел на крыло мостика. Тревожно багровел в темноте левый бортовой огонь. В верхушках мачт угрожающе свистел ветер.

Судно вдруг содрогнулось от удара и, задрожав, сильно накренилось. Со штурманского стола с резким стуком, будто бы сломалась сухая ветка, упала ручка и покатилась по палубе.

Зазвонил телефон. Вадим снял трубку.

— Что там? — беспокойно спросил капитан. — Серьезный циклон?

— Давно такого не было. А главное, обширный. Обойти стороной не получится.

— Ладно, ход сбавь, меньше по морде бить будет.

К концу вахты уже ревуший ветер усилился до тридцати метров в секунду. Штормовать носом на волну стало невозможно — огромные валы

обрушивались сразу с нескольких сторон, бросая судно, как поплавок, вверх и вниз. Оно кренилось все сильнее, где-то трещало, где-то колотило железом о железо, а на камбузе стеклянные банки с консервами выломали дверцы шкафов, и палуба там была покрыта толстым слоем кабачковой икры.

Хлопнула дверь, и на мостике появился Виктор Родионович. Выражение его лица в темноте разглядеть было невозможно, но по тому, как он медленно брел вдоль переборки, цепляясь за все, что попадется по руку, было понятно, что такую болтанку он переносит очень плохо.

— Как контейнеры?

— Пока на месте.

— Что значит «пока»?

— Может сорвать в любой момент. Не хотите объяснить, что там?

— Не твое дело!

— Уже мое. Скажите, как в совершенно пустых емкостях могла появиться какая-то розовая жижа?

«Коммерс» замер.

— Так это ты туда залез? А я подумал на капитана. Выходит, зря...

Вадим дернулся было к судовому телефону, но существо выхватило что-то из кармана и выставило перед собой.

— Не надо. Ты ему уже не поможешь.

Вадим отскочил назад, встал за металлической тумбой авторулевого, заслонившись ей, как броней, и заорал:

— Ну, давай! Давай, раздолбай еще и управление! Тогда ты точно отправишься кормить рыб, вместе со своими контейнерами! А глубина здесь пять километров!

В этот момент содрогнувшееся судно завалилось на правый борт так, что они оба, не удержавшись на ногах, улетели в угол.

Воспользовавшись случаем, Вадим попытался вырвать оружие из руки пришельца, но сразу понял, что с таким же успехом можно бороться с гидравлическим манипулятором мощностью в несколько тонн. К тому же в темноте, судя по всему, существо видело ничуть не хуже, чем днем.

Сбоку возник размытый силуэт, кто-то наклонился над ними, слышался глухой звук удара, и Вадим почувствовал, что противник обмяк. Выбравшись из-под неподвижного тела, он увидел взъерошенного Феликса с углекислотным огнетушителем в руках, который тот держал, словно дубину.

— Вставай. Я его вырубил!

Вадим с трудом распрямился, ухватил существо за ворот и потащил к дверям. Несмотря на жестокий удар по затылку стальной болванкой, оно еще дышало. Расползшаяся на голове кожа обнажила гладкий череп.

— Может, скажешь, кто это такой?

— Думаю, пришелец.

— Больше все-таки похож на орка.

— Сомневаешься? Сейчас точно выясним!

Подобрав с палубы странную изогнутую штуку, совсем не похожую на оружие, Вадим приставил ее ко лбу пришельца.

Распластанное на палубе существо протяжно застонало и открыло глаза.

— Что в контейнерах? — рявкнул Вадим. — Говори, тварь!
— Источники излучения...
— Для чего?
— Для регрессивной мутации... Вы снова превратитесь в безмозглых животных... Нам нужна ваша планета...

С кормы донесся звонкий треск лопающейся проволоки креплений.

— Контейнеры срывает! — крикнул Феликс.

Забыв про существо, Вадим отбежал на крыло мостика и увидел, как три дальних контейнера, беспорядочно подскакивая, словно детские кубики, поползли навстречу ревущему океану. Палуба, полностью скрытая водой, была похожа на вышедшую из берегов горную реку, уносящую свою добычу куда-то в темноту.

Контейнеры, даже не замедлив ход, снесли кормовые леера, перепалили через кромку борта и рухнули в море.

Внезапно ожившее существо вскочило и, оттолкнув Феликса, вылетело из рубки. С отчаянным ревом оно скатилось вниз по трапу и оказалось на палубе. Волны тут же сбили его с ног, подхватили и смыли бы за борт, но оно успело ухватиться за не оборванный еще проволочный крепеж.

Очередная волна накренила судно, оставшиеся контейнеры опрокинулись и, громясь друг на друга, начали вываливаться за борт. Оказавшийся у них на пути пришелец погиб мгновенно, раздавленный, словно креветка каблуком сапога. Мокрое исковерканное тело, высвеченное мощными прожекторами, всего на секунду задержалось на палубе, и тут же его унесла следующая волна, с грохотом обрушившаяся на конвульсивно вздрогнувший «Морской Ветер».

— Интересно, что бы он сделал с этими контейнерами, если бы мы их довели до Командорска? — спросил Феликс.

Вадим пожал плечами.

— Отправил бы тихой скоростью в Европу, Америку и Азию, потом выгрузил в крупных городах или рядом с научными центрами. Народ бы тупел, а ученые с умным видом объясняли, что это издержки прогресса и новых технологий. Меня волнует совсем другое — он был здесь один или их много?

— Где — здесь? — опасливо оглянувшись, спросил начальник радиостанции. — У нас на судне?

— Здесь, на планете Земля.

— Тебе не все равно?

— Не знаю. — Вадим вспомнил свечение и ощущение надвигающегося багрового безумия. — Скорее всего, нет. Регрессивная мутация... Дело явно гнилое. Если отупеем, как в море работать? А без моря лично для меня не жизнь.

— Предлагаешь найти всех этих пришельцев и отвоевать свое право на море? — Феликс недоверчиво усмехнулся.

— А почему нет? — Вадим оценивающе подбросил на ладони инопланетную оружейную загогулину и прицелился в черневшую прямо по курсу штормовую мглу. — Порвем в клочья все эти багровые паруса!

Валерий ЛОБАНОВ

ЭЛЕКТРИЧКА НА МОЖАЙСК

Вспомнилось...

Век прошел, и ты давно прошла.
Неужели вправду это было —
жгло, томило, мучило, знобило...
Мрак ночной — и ты, белым-бела.

Дома огороды городила,
матери отчаянно врала,
выходила, песню заводила
и цветы запретные рвала,

сигареты тонкие курила
и читала мысли между строк
и бессвязно что-то говорила
про Серегу, что мотает срок...

И горела свечкой надо мною,
и меня совсем не берегла,
под июльской полною луною
голою и смелою была.

Все, что мы хотели, то и было,
и туманы плыли над рекой.
А любила ль? Может, и любила...
Все, что надо, было под рукой.

* * *

Обрывается времени ветка...
Ты летишь, словно дождь или снег.
Вот двадцатого века отметка,
вот уже девятнадцатый век.

Вот град Китеж всплывает из тины,
перезвоны стоят на Руси,
драгоценные светят картины,
вот Рахманинов,
вот Дебюсси...

* * *

Под вечерними лучами,
хоть ты смейся, хоть ты плачь,
я поеду с москвичами,
обладателями дач.

Всюду старость в лучшей форме.
Стисни зубы и мужайсь,
поджидая на платформе
электричку на Можайск.

Зажигай за спичкой спичку,
выпущенный по УДО,
ожидая электричку
с «Ожиданием Годо».

Все мы рушимся под Богом.
Хорошо в конце пути
на клочке земли убогом
в домик маленький войти

без поклажи лет и горя,
грея ноги у огня,
вспоминая вздохи моря
в золотом сияньи дня.

* * *

Пишется несколько строк...
Быстро. Окончены споры.
Слишком уж маленький срок
мне остается на сборы.

День, что уходит шурша,
солнце, что утром разбудит,
радостно вспомнит душа.
И никогда не забудет.

Пояснения к фотографии

Не при хане же Батые,
а при Путине уже
говорить слова простые
позволительно душе.

Как мы жаждали удачи,
как мы ждали новостей,
как в Петелине на даче
принимали мы гостей...

Хорошо гулять на воле!
Так во веки бы веков —
сын, живой ещё, две Оли,
друг мой Толя Кобенков,

дочка их, источник света,
плечи чьи обожжены...
Два дитя и два поэта,
два поэта, две жены.

Мы, конечно, всё забыли —
что мы пили за вино,
что мы жарили-варили,
что за речи говорили,
что за небо было, но,

необуто, не одето,
лето шло с цветком в руке,
погромыхивало где-то
от России вдалеке.

Перед рассветом

Душа ничего не забудет,
ни ласк, ни летящих камней.
Все было, все есть и все будет
у нас до скончания дней.

И птичья услышится мова,
и музыка близкой зимы,
когда в половине седьмого
деревья выходят из тьмы.

Чудеса

Кто умирал,
кто воскресал,
кто делал номер...
Вчера в фейсбуке написал —
сегодня помер.

Живая жизнь ушла в леса,
и нет дворянства.
Смотри, какие чудеса
кругом творятся!

* * *

Нет и не было свободы.
Лишь болотные огни
баламутили народы...
О последствиях — ни-ни!

И какой еще свободы,
кроме «Боже, сохрани!»,
ждать в оставшиеся годы
и в оставшиеся дни?

* * *

Жизнь — свечение и таинство
да тягучий мед из сот.
Только музыка останется,
только песенка спасет.

Жажда оплодотворения!
Время рвется на куски.
Из всего стихотворения
ты запомнишь две строки.

Вот тогда к румяной умнице,
к той, которая прочтет,
и пойдешь ты вдоль по улице,
где метелица метет...

Валерий КОПНИНОВ

ПЛОМБИР И БРЮССЕЛЬСКАЯ КАПУСТА

Р а с с к а з

Жара медленно, но верно пошла на убыль, давая передышку накаленному за день городу. В урочный час пунктуальное солнце покатилося к горизонту, позволяя деревьям и зданиям протянуть прохладную тень прохожим.

Четверг завершал свою будничную поступь, намереваясь в скором времени передать еженедельное дежурство пятнице. А пятница, понимая, насколько она всем желанна и всеми любима — оттого, что ее явление предшествует двум выходным дням, — потихоньку разминала ножки, готовясь к астрономически выверенному пути длиной в двадцать четыре часа.

Марина возвращалась с работы наиболее привычным маршрутом: на двух автобусах с пересадкой на проспекте Строителей. Привычным, но не единственным — про запас у Марины имелся другой маршрут, менее удобный и более долгий: на газельке, трамвае и снова на газельке, с двумя довольно суматошными пересадками на улицах Попова и Северо-Западной. И нельзя сказать, что Марина крайне редко пользовалась вторым, неудобным маршрутом. Что подходило на остановку первым — автобус или газелька — на том и ехала.

Но в этот раз Марина сознательно маршрутку пропустила и дождалась автобуса, чтобы добраться до дома коротким путем. Она чувствовала, да что там чувствовала — она была уверена, что в сегодняшний вечер случится нечто важное, а вот хорошее или плохое — поди пойми. И двойственность эта мягко сдавливала дыхание под горлом, вселяла в нее неясное смятение и... подгоняла домой.

Но автобус, как назло, передвигался по пути следования вызывающе медленно, время от времени переходил с «мелкой рыси» на «жеребячий галоп», подчиняясь неспешному ритму по-вечернему загруженных улиц.

При такой скорости ветерок, что лениво забирался в автобус через раскрытые люки и форточки, обреченно разносил по салону липкую духоту, а не желанную свежесть.

И пассажиры автобуса, будучи невольными заложниками часа пик, стойко терпели выпавшие на их долю неудобства.

Вместе со всеми терпела и Марина и, чтобы как-то отвлечься от очень уж медленно меняющегося вида за окном, тщательно изучала алые маки, «произраставшие» на ее помятом в автобусной толкучке платье.

В конце концов, не выдержав нерасторопности автобуса и не дождавшись самую малость, она вышла раньше — на остановке «Аграрный университет». И поспешила вниз по пешеходной дорожке Красноармейского проспекта.

Под уклон шагалось легко. Но по мере приближения к дому то самое смятение, что мучило Марину, усилилось, вплоть до легкой дрожи в коленях.

Светофор замигал, поторапливая пешеходов, Марина ускорила и в спешке, огибая широкоплечую медлительную даму, сшиблась плечом с парнем, несущимся на трамвай.

«А куда это мы бежим?! — отчитала себя Марина. — Ах, ах, ах!.. Эмоции взяли верх! *Все стало вокруг голубым и зеленым...* Не нужно спешить... С этой спешкой и продукты к ужину купить — из головы вон!.. Гупо! В наказание — переходим на самый медленный шаг!»

Неторопливая принудительно-добровольная прогулка за продуктами в «Магнит», небольшая очередь в кассу, путь к дому вкруговую через светофор и подъем по лестнице на пятый этаж, минуя лифт, прибавили к ее продвижению до порога собственной квартиры не много — минут двадцать.

Некоторое время Марина прислушивалась к тишине, зыбко висящей в размягченном воздухе подъезда, убеждаясь в отсутствии случайных свидетелей. Затем достала из пакета вязаный кардиган, накинула его на себя и, отворив входную дверь, шагнула в коридор квартиры, встреченная вырвавшимся на площадку матовым облачком холодного воздуха.

— Андрей, это я! — крикнула Марина в недра квартиры, вместе со словами выдыхая клубы пара. — Я дома!

Ответа от мужа не последовало. Впрочем, он давно не отзывался ни на приход Марины, ни на ее приветствия. И Марина каждый день оповещала мужа о своем возвращении с работы скорее по привычке. Словно исполняла придуманный некогда, отживший свое, но никем не отмененный ритуал.

— Андре-е-ей! — еще раз на всякий случай окликнула мужа Марина.

Ответа не последовало — тишину квартиры нарушал лишь сбивчивый шелест капель.

С потолка в коридоре сеялся мелкий дождик, очень мелкий, почти невидимый — даже не дождик, а морось.

Марина щелкнула выключателем. Теплый свет лампы наполнил дождевую мелочь блеском. С быстро нагретого плафона свалилась пара коротких сосулек. Марина заглянула в комнаты, в спальню — Андрея не было дома.

Вздохнув, Марина выключила свет и, перешагивая через лужицы, направилась на кухню.

На кухне холод чувствовался сильнее, чем в коридоре.

Смахнув ладонью со стола накопившийся за день иней, Марина опустила поклажу на столешницу.

«А в коридоре все еще дождь! — с невольной улыбкой отметила Марина, переобулась в “домашние” валенки с обрезанными голенищами и на резиновом ходу, переложила смартфон из сумочки в карман кардигана, повязала на голову кожаную бандану и снова разулыбалась, вслушиваясь в шелест капель в коридоре. — Третий день дождь!»

Стены кухни щетинились давним куржаком — точно в промерзшем погребе, что не успел до холодов изжить из себя остатки тепла и влаги. С потолка свисали мутные сосульки.

Холодильник, пару лет назад выключенный из сети, использовался просто как полка для продуктов. Он вызывающе зиял раскрытой дверцей и, принимая в себя холод извне, хоть как-то оправдывал свое предназначение.

Марина выложила на верхнюю полку холодильника пятисотграммовую упаковку мороженого «Пломбир классический» и пакетик с замороженной брюссельской капустой — ужин для Андрея и для себя. Ему — мороженое, а себе — брюссельскую капусту, которую она не готовила, а лишь слегка разогревала в микроволновке.

Марина и Андрей жили вместе уже тринадцать лет.

Случалось в их жизни всякое... А впрочем — ничего исключительного, все как у людей. И холод поселился в их доме не сразу. Лед, иней, сосульки — тоже появились не в один день. А вот когда? И Марина, и Андрей вряд ли смогли бы сказать точно. Нет, момент появления первого инея им запомнился, но что касается прочего...

Да и не в тот день все началось, не с того инея! Все произошло постепенно, с плавным нарастанием и поначалу незаметно для них обоих.

Дальше — больше. И вот уже бог знает сколько времени тянулась такая «замороженная» жизнь, незаметно вошедшая в привычку...

Но нынешний четверг... От него Марина ожидала серьезных перемен. И дождь в коридоре, что не прекращался третий день, подтверждал ее ожидания.

Управившись с продуктами, Марина уходит с кухни не спешила, словно именно здесь надеялась обнаружить то неожиданное, ради чего она и торопилась, и одновременно оттягивала нынешнее возвращение домой. Она повернулась к кухонному окну и... замерла, удивленная посланием от Андрея, слишком длинным для сложившейся у них переписки.

На стекле хорошо читалась надпись: «Ма, купи мне завтра эскимо! Пожалуйста!»

Марина замерла, затаилась настолько, что вновь услышала моросящий в коридоре дождик, затем подошла к окну и лежащим на подоконнике гвоздем процарапала в тонкой корочке льда ответное послание: «Хорошо, Ай! Договорились!»

Они познакомились будучи еще абитуриентами при поступлении в педагогический университет, где Марина и Андрей с обязательным для такого дела волнением и в то же время с неизменным успехом сдавали экзамены в одном потоке. В тот год у них все складывалось очень удачно.

Марина только-только окончила школу в Бийске и, выпорхнув из-под пресса нежной родительской любви, доставшейся ей как единственному ребенку, окунулась с головой в новую самостоятельную жизнь: веселую, пьянящую и обещающую исключительное счастье впереди. Такая жизнь на вкус показалась Марине необычайно сладкой, и она старалась откусывать от нее крупными кусками и отхлебывать большими глотками.

Андрей поступал со второго захода. В первый раз ему — деревенскому пареньку после слабенькой сельской школы — баллов не хватило. Отслужив в армии, он вернулся к своим прежним планам и к гражданской жизни в целом, от которой, как оказалось, немножечко отвык. Но при этом Андрей нисколько не жалел о потраченных таким вот образом двух годах из своей биографии и даже рад был умению относиться к происходящему со здоровой долей серьезности, приобретенной за время службы. Впрочем, как он ни серьезничал, «воздух свободы» моментально опьянил его и вскружил голову.

Сблизились Марина и Андрей довольно быстро. Их курс в сентябре, как и положено, отправили на сельхозработы. В село Пустынь Косихинского района. Днем девчонки трудились в поле, парни на зернотоку, а вечерами все собирались вместе, ставили большой самовар и пили чай с натыранными в сельпо пряниками. И в завершение устраивали под магнитофон танцы-шманцы, да такие развеселые и «энергозатратные», словно позади не маячил полноценный трудовой день.

Иногда жилище студентов навещали доброхоты — местные бабульки с поллитровками самогона, «запечатанными» газетной бумагой, свернутой на манер кляпа. Но на самогон почти никто не зарился. Веселились и без спиртного.

Андрей хорошо пел, да и гитара в его руках не выглядела предметом бесполезным. А Марина любила и, что немаловажно, умела танцевать. Лицом и статью оба удались — разве могла не случиться между ними симпатия?

Сначала они просто уединялись по вечерам, ходили к речке Лосихе и гуляли вдоль берега, взявшись за руки. Устав, валились в подвернувшийся стог сена, еще хранивший в себе летний дух разнотравья, и разглядывали низко опущенные звезды. Такие доступные, что можно было достать рукой, если забраться на вершину даже не самой высокой березы.

И конечно же, целовались. Молодо, неистово, пока губы не становились алыми и горячими от прилива взбудораженной крови. И так — до рассвета, не обращая внимания на стремительно остывающие сентябрьские ночи.

А однажды Марина и Андрей, возвращаясь с реки, наткнулись на окраине села на горячую еще баню, которая раньше ни разу не попадалась

им на пути, хотя дорожки местные они истоптали вдоль и поперек. Вроде до того — и не было ее вовсе. Но над этим необъяснимым «явлением бани народу» Марина и Андрей задумываться не стали, приняли как добрый знак и возможность для утоления бродившего в них, а теперь бесповоротно созревшего желания.

Дверь оказалась незапертой, и они, взявшись за руки, шагнули в черный квадрат предбанника.

Опасаясь зажечь свет, чтобы не привлечь неведомых хозяев, Марина и Андрей первую «брачную ночь» свою провели впотьмах. Но молодые, жаждущие любви тела — хороши и на ощупь. Согретые снаружи жаром, исходящим от раскаленной речной гальки из каменки, и природными силами «инь» и «ян» изнутри, они истекали нежностью, как мартовские сосульки талой водой. Капелька страха, тревожившая Марину перед первой близостью с мужчиной, изошла вместе с капельками пролитой крови, не принесшими ей особого страдания. Единственное, что смущало Марину, — это ощущение нечистоты тела, и в стыдливом волнении она осознала, что темнота в таком деле на руку.

— Андрей! — попросила она. — Набери воды в таз... Пожалуйста...

Андрей пошарил на полке и наткнулся на деревянную шайку. Пошарил еще...

— Ковшик нужен! — прошептал Андрей, тоже заметно волнуясь. — Воды зачерпнуть!

Марина повела рукой наугад, и ей прямо в ладошку легла деревянная ручка от ковшика.

— Держи! — Марина протянула руку в темноту и угодила ковшиком точнехонько в лоб невидимому Андрею.

— Ай, блин! — воскликнул Андрей. — Ты мне ковшиком... по башке!

И, не выдержав, засмеялся. Марина прыснула следом...

А потом, намешав в тазу теплой воды, Андрей точно так же, как в увиденном недавно кино, мыл Марине ноги и целовал колени, которые она от смущения крепко сжимала.

— Нежная моя! — шептал Андрей. — Королева...

Весь последующий день Андрей и Марина, накануне не спавшие ни минуты, клевали носом, а вечером, когда они вместе с шумной оравой однокурсников вернулись с работы, в разгар всеобщего приготовления к традиционному чаепитию Андрей подошел к Марине и тихо спросил:

— Пойдем сегодня в баню? Как вчера...

Марина ничего не ответила, лишь слегка покраснела и хлопнула в знак согласия своими длинными, точно крылья бабочки, ресницами.

Но ни в наступившую ночь, ни в следующую бани они не нашли. Как будто привиделась им она. Андрей даже поинтересовался у бабулек (к тому времени изучивших студенческий спрос и переквалифицировавшихся из бутлегеров в торговки пирожками и медом), где, мол, баня, что неподалеку от реки стояла? Бабульки напрягали извилины, пытаясь воссоздать сгинувшую деревенскую достопримечательность, но ничего путного

им на ум не приходило. Только одна древняя старушенция, именуемая за глаза Баба Яга, припомнила, что «стояла эдакая баня возля Лосихи, да почитай годов семнадцать как сгорела».

От такой путаницы Андрею иногда начинало казаться, что он придумал ту баню и ночь близости с Мариной тоже. Но, ловя ее говорящие взгляды, понимал — все было! И сразу вспоминались ему стыдливо сведенные колени Марины. И теплой волной каталась в душе Андрея им же сказанная фраза: «Нежная моя! Королева...»

Долго ли, коротко, а веселые деньки (и романтические ночи) в сельской местности, благодатной для студенческой любви, пролетели. И жизнь покатила своим чередом.

Три года Марина и Андрей, что называется, «встречались», но оттого, что у них не имелось своего угла — Марина снимала квартиру вместе с двумя однокурсницами, а Андрей имел койку в общежитии, — встречи эти случались достаточно редко и желание быть вместе не вмещалось в доступные им отрезки времени. Им не хватало отпущенных случаев моментов, чтобы в полной мере намиловаться, наласкаться и насытиться волнительными возможностями, заложенными в мужской и женской плоти.

И на четвертом курсе Марина и Андрей поженились. По всему получалось, что жить им порознь — не по-людски. К тому же родители Марины, переживая, что дочь «скитается по чужим углам», справили ей трехкомнатную квартиру в центре Барнаула — на проспекте Красноармейском. Открывая тем самым перспективы для совместной жизни с Андреем. Потому как против выбора Марины они не возражали.

А вот родители Андрея наоборот — не одобряли его теплых отношений с Мариной. С одной короткой встречи — первого знакомства — вынесли приговор. Марина не виделась им второй половинкой Андрею.

— Мы же добра тебе желаем, Андрюшенька! — в один голос убеждали родители.

Но Андрей, первый раз в жизни, уперся (и надо сказать, ощущение собственной значимости ему понравилось).

— Я уже взрослый! — отрезал сын и ушел, хлопнув дверью, не обращая внимания на слезы матери и неприкрытую растерянность отца.

Ушел и с тех пор в родном селе появлялся только два раза — когда хоронил родителей.

Первой умерла мать — от рака, съевшего ее за несколько месяцев, а через полгода ушел за ней и сильно затосковавший отец. Тихо, во сне...

Благословить брак Андрея стало некому, но и возражать — тоже.

На свадьбу небогатое студенческое сообщество, составлявшее фундамент, на коем держалась расхристанная постройка веселого и бесшабашного застолья, преподнесло молодым подарок «с намеком» — парочку волнистых попугайчиков в клетке. Имена у птиц тоже были со значением. Степенный самец, важно чистивший перышки и забавно прячущий голову под крыло, наречен был Андре, а говорливая энергичная самочка — Мэри.

— Андре и Мэри! — кричали подвыпившие гости. — Желаем вам всегда иметь сытные зернышки, сладкую водичку и вывести побольше горластых птенчиков! Да снизойдут на вас все вышеперечисленные прелести, положенные для птичек, пойманных в клетку!

И всем было весело. Всем, кроме Мариной мамы, которая почему-то этой шутки не приняла и, сердито отодвинув стул, из-за стола вышла...

Жизнь в браке оказалась не такой, как ее представляла Марина, взлелеянная, будто принцесса, души в ней не чаявшими родителями. Оказалось, что любимый мужчина храпит по ночам, стягивает во сне одеяло на себя, курит на кухне вонючие сигареты. Бывает, что он уходит с друзьями на футбол и возвращается домой с пивным перегаром на всю квартиру. Ему нужно готовить каждый день... А еще — ему нужно стирать носки и трусы, что для Марины было делом не просто непривычным, а в большей степени неприятным. Кроме того, на Марину тяжкой ношей легли обязанности по коммунальным платежам, в которых разобраться вот так сразу не представлялось возможным.

Но больше, чем все остальное, Марину удручала неожиданная для нее нечуткость со стороны Андрея. Весь — в себе! Постоянно в мыслях, в заботах. Не подойдет, не поцелует. Не поинтересуется, как прошел ее день.

И в постели тоже, по мнению Марины, Андрей скатился к получению удовольствия от заветной близости только для себя. После «свершившегося факта» он отодвигался на край их большущей кровати и вскорее засыпал. А Марина еще долго лежала, уставившись в потолок глазами, полными слез, не имея возможности заснуть из-за волнения ноющего от неудовлетворенного желания тела. Такое случалось не всегда, Андрей по-прежнему «бывал хорош» (выражение Марины) — и нежен, и страстен, но... Но Марине хотелось, чтобы он «бывал хорош» с ней всегда.

Андрея тоже не устраивало многое. Он не мог теперь распоряжаться своим временем по собственному усмотрению. Он вынужден был есть то, что приготовила Марина, и еда в столовой по сравнению с Мариной стряпней представлялась ему деликатесом. Ему приходилось ежедневно выслушивать глупейшие Маринины истории про ее подруг и сослуживиц.

И любая попытка сделать ей замечание или внушение вызывала у Марины обиду. А невысказанное, в свою очередь, не давало покоя Андрею! Трусы и носки он мог, в конце концов, постирать и сам — армия приучила, а вот порядок в доме и обед на плите — это в его жизни (за исключением той же армии и трех лет обитания в общежитии) всегда исходило от мамы, и он твердо уверовал в то, что исключительно женщина отвечает за уборку и готовку.

А еще Марина оказалась невероятно неряшлива. По всей квартире (пожалуй, кроме кухни) валялись ее лифчики, трусики, колготки... В коридоре шеренгами стояла Маринина обувь — почти вся одновременно, на любые возможные превратности погоды. Небольшая любительница глажки, она свои отутюженные блузки и брючки, чтобы не мялись,

раскладывала и развешивала в любых доступных местах — на стульях, креслах, диване. В шкафу Марина заняла практически все вешалки под свою одежду, и стоило Андрею, уходя на работу, снять с плечиков какую-нибудь куртку, плечики эти тут же занимались Мариной, будто Андрея и его вещей не существовало вовсе.

Раздражение у молодых супругов росло как снежный ком. С ролью хозяйки и жены Марина не справлялась. Андрей, занятый своими делами, не помогал ей. Между ними все чаще стали возникать ссоры. Сначала — мелкие, сдержанные и почти всегда случавшиеся по серьезному поводу. Затем — более эмоциональные, с криком, топаньем ногами, битьем посуды, видимо для того, чтобы просто выплеснуть накопившееся взаимное недовольство.

Семейная жизнь не очень-то клеилась, и Марина считала виноватым во всем Андрея. Не трудясь, она искала причины несчастий в нем, убеждая себя, что он оказался подлым обманщиком, никогда ее не любившим, а женившимся на ней... Ради приданого! Да, да! У нее квартира в центре, а он — босяк из деревни! Ведь не делал же он предложения, пока Марина не стала хозяйкой «трешки»? Смотрел, прикидывал... Ах, вот оно что — он все это время выбирал... Добился желаемого и... И тогда в голову Марины приходила совсем уж крамольная мысль, что Андрей имел пассию на стороне, а может, и не одну.

Андрей, обнаружив, что из хозяйственных дел Марина умеет только тщательно наложить макияж и подобрать сумочку под цвет платья, просто обалдел. Ему как-то не приходило в голову спросить Марину в их добрачный романтический период: «А способна ли ты, милая, сварить борщ?» Он считал, что женщины рождаются на свет, умея все это делать. Нет, конечно, Марина училась, старалась, но самыми съедобными блюдами в ее приготовлении оставались яичница и покупные пельмени...

Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт...

Впрочем, всю эту унылую банальность супружеских будней, по большому счету годную разве что для второсортных любовных романов, можно было бы записать в разряд поправимой ерунды. Но одно дело — романы, а другое — собственная жизнь, где от немой тарелки руются вселенные.

А еще вдруг выяснилось, что у Марины и Андрея — разные интересы. Вернее сказать — разное отношение к интересам друг друга. Андрей оставлял Марине довольно много личного пространства, но Марину это не устраивало. Она свое личное пространство отводила исключительно для Андрея, ревнуя его ко всему, не касающемуся семьи. К друзьям, рыбалке, футболу... И к алкоголю, пронизывающему вышеназванные интересы Андрея красной нитью. Нет, запоем он, конечно, не пил, но Марине и умеренное употребление казалось чрезмерным.

— Андрюша, запомни, — твердила Марина Андрею тоном, не терпящим возражений, — у тебя теперь семья! Все, что ты делаешь, должно быть ориентировано на семью!

— Мне что, — недоумевал Андрей, — тебя на футбол с собою брать?

— А почему бы и нет?

Андрей в таких случаях только разводил руками и поступал все равно по-своему. А Марина, постепенно приходя к выводу, что устные беседы на супруга совсем не действуют, начала применять тактику крайних мер, заимствованных из опыта своих родителей. В семье Марины царствовал матриархат, и мама Марины, дама властная и решительная, формулировала роль женщины в семье следующим образом: «От женщины зависит все — и мужчина в том числе. Женщина — бог, мужчина — глина... Какой бы мужчина ни достался тебе, бери его и лепи по своему образу и подобию!»

И Марина попыталась слепить Андрея заново, а когда «созидательный процесс» зашел в тупик, обратилась за советом к маме.

— Отлучи его от тела! — посоветовала ей многоопытная мать. — Помается две-три недели — шелковым станет!

Но Андрей не сдавался. Хуже того — он после целого ряда безуспешных попыток исполнения супружеского долга, натывавшихся на будто бы отлитое из оружейной стали твердое Маринино «нет!», сам перестал проявлять инициативу, считая, что не должен выпрашивать положенное, точно милостыню.

— Меняй кнут на пряник! — подсказала Марине мама. — Будь с ним как огонь — растает!

Этому совету матери Марина следовала с радостью, потому что ее молодое тело неистово жаждало радости трепетного и сладостного слияния с телом мужа. Принимала за чудо, за счастье, за бесценный дар ее женскому естеству то состояние, когда учащенный пульс, повинувшись законам природы (и законам супружества), обеднял общее кровообращение организма и концентрировал горячие токи крови там, где рождалось наибольшее наслаждение.

И еще потому, что в отсутствие горячих ночей супружеская постель остывала и становилась неудобной.

Но даже ночи близости не согревали их, как прежде.

Постепенно все эти Маринины «кнуты» и «пряники» что-то ощути-мо сгубили в их нежных отношениях. Лишая желаний плоти главного — любовной основы, Андрей почувствовал это первым, поймав себя на том, что, несмотря на сладкие минуты обладания, физическое упоение, дарованное ему Мариной, он всего лишь однажды, и то мимолетно, вспомнил заветную фразу из навеки памятной банной ночи: «Нежная моя! Королева...» Фраза вспомнилась, но вслух не произнеслась.

Правда, случившаяся (после очередного периода «пряничных» ночей) беременность Марины на какое-то время задвинула на второй план накопившиеся обиды, досадное разочарование друг в друге. И даже примирила их обоих с той неуклюжей моделью семьи, которую они создали совместными усилиями.

Предвкушение материнства успокоило Марину. И Андрей принял известие о будущем ребенке с надлежащей серьезностью. Часто приходил домой с цветами, был внимателен и даже покурить удалялся в подъезд к мусоропроводу.

Так продолжалось около месяца, а потом все вернулось на круги своя. Под белеными сводами их квартиры вновь зазвучали прежние речи.

— Для тебя друзья важнее, чем я!

— Важнее, не важнее... Друзья — это друзья!

— Ты ведешь себя как мальчишка! А я... Мне иногда и словом перемолвиться не с кем, кроме как с Андре и Мэри!

— Ты бы их лучше кормить не забывала!.. Заведи подруг! Того и гляди с ума сойдешь и меня дураком сделаешь...

— При чем здесь... Ты обещал прийти в шесть, а приперся в двадцать пять минут седьмого!

— Да я автобус прождал! Там авария какая-то была...

— Мне нет до этого дела. Раз обещал — значит, выполняй!

— Ты сама-то себя слышишь?

— Сказал в шесть, значит, в шесть! Мужик ты или нет?

— А при чем здесь мужик — не мужик?

— Притом!

— Да... пропади оно все пропадом!..

И дальше — каким-то невероятным матом, вынутым из недр душевной преисподней, где лежала всякая человеческая дрянь.

Букеты от Андрея в доме появляться перестали, а сам Андрей все чаще приходил затемно и под хмельком.

А однажды, в очередной перепалке, взвинченная Марина крикнула Андрею фразу, больно его уколотившую: «Ну, а если так — зачем ты женился? Говорили твои родители, что мы не пара! Что ж ты не послушался?» Андрей подскочил к Марине, замахал руками так, словно собирался вбить Марину в пол, как гвоздь, по самую шляпку, но ударить не посмел, выскочил из квартиры и в эту ночь дома не появился.

Нет, он не пустился «во все тяжкие», чтобы вытеснить из себя обиду. Допоздна побродив по хорошо знакомым ему окрестным улочкам, будто бы нарезавшим низкорослый частный сектор на разновеликие куски пирога, Андрей вернулся к дому. Но войти в квартиру не решился и просидел до утра на площадке между девятым этажом и выходом на технический чердак.

Конечно, подъезд не самое удобное место для ночлега, но Андрея больше всего тяготили неудобства внутренние, бередящие душу. В памяти всплывали растерянные родители, с тоской наблюдающие, как он собирал вещи перед уходом. Их беспомощная фраза: «Мы же добра тебе желаем, Андрюшенька!..»

А что, если бы он тогда действительно попытался их понять?

«Интересно, — размышлял Андрей, — были бы живы родители, как бы сейчас они отнеслись к моим бедам? Отец? Не знаю... Наверное, сказал бы: «Помни, сынок, у тебя есть родительский дом. Будет тяжело —

возвращайся”. А мама? “Терпи, сынок... Жениться нужно один раз!” Вот что сказала бы мама. Ну, дела-а... А что бы я сам в подобном деле своему сыну посоветовал?.. Что?..»

Вопросы, вопросы, вопросы...

Второй такой ночи на бетонных ступеньках Андрей себе не пожелал, на следующий вечер, выпив для храбрости, домой все-таки явился и, обрadowанный тем, что не был встречен вопросами, на которые у него не имелось ответов, перед Мариной даже извинился. И Марина, почувствовав некое свое превосходство, — как бы «извинила».

Но внутри у нее все равно что-то оборвалось, и рождение ребенка уже не казалось Марине радостным событием, скорее наоборот — несло в себе новые, дополнительные хлопоты. И мысли о существующей у Андрея любвице вновь поселились в ее воображении.

А в один не очень прекрасный для Марины вечер Андрей в очередной раз пришел домой поздно и прилично выпивший.

— Маринка, прости! Я это... Все будет в порядке... — заплетаясь языком пробормотал Андрей и не раздеваясь завалился спать.

Рассерженная Марина, не успевшая высказать мужу свои обиды, еще долго бродила из угла в угол и немного погодя, окончательно вымотавшись, устроилась рядом с Андреем, досматривающим к тому времени десятый сон. Андрей лежал на спине и звучно храпел, источая пивной дурман. И Марина вдруг почувствовала себя совершенно одинокой и никому не нужной в этом несправедливом мире.

«Вот случись сейчас со мной сердечный приступ, — представляла она, — этот даже не проснется... Я умру, а он будет храпеть и вонять...»

Утром, проводив Андрея, она позвонила на работу и, уведомив руководство, что приболела, отправилась в платную клинику на аборт.

— Можешь не беспокоиться! — вечером того же дня сообщила она Андрею, как только тот переступил порог. — И продолжать свои гуляния... У нас не будет ребенка!

— Что? — подойдя к Марине ближе, почти вплотную, переспросил Андрей, видимо надеясь, что ему послышались эти страшные слова.

— То! — не выдержав, закричала Марина, и слезы брызнули у нее из глаз. — Я сделала аборт! Мы ведь тебе не нужны!

Выкрикнув это страшное признание, Марина испуганно замолчала и даже прикрыла ладонью рот, словно пытаясь остановить слова, что уже принялись безжалостно менять мир вокруг них.

Некоторое время повисшую тишину разрывали лишь беспокойные крики Андре и Мэри. Андрей попытался что-то сказать, но лишь беззвучно хрипел.

Наконец ему удалось произнести:

— С-с-с... Сука ты! Как же ты могла?

Сжав кулаки до хруста, Андрей, словно нечто гадкое, обошел испуганно прижавшуюся к стене Марину и выскочил из квартиры, изо всех сил хлопнув дверью.

И в тот день входная дверь впервые покрылась изнутри инеем, который после так и не растаял.

Постепенно от двери иней начал распространяться на стены коридора, затем пополз в кухню и по комнатам. Охлаждение отношений между Мариной и Андреем нарастало, и квартира медленно, но верно превращалась в трехкомнатный холодильник.

Поначалу то Андрей, то Марина соскребали лед с пола и потолка, а иней сметали веником. И пока в квартире находился один из них, стены и пол оставались чистыми. Но стоило появиться второму члену семьи — и буквально в течение нескольких часов, после обмена взглядами, фразами, просто после их напряженного молчания, намерзал лед и нарастал иней.

Весной, когда топить стали экономнее, у них разморозились батареи, и Андрей, выбросив потрескавшиеся чугуняки, установил на трубах заглушки.

Они, может, и замерзли бы совсем, но дом грел. Естественного тепла соседских квартир справа и слева, сверху и снизу хватало, чтобы их квартира не превратилась в ледник.

Они не хотели, да и не были в состоянии ничего изменить и понемногу привыкли. Теплые вещи — для быта, пуховые спальные мешки — для сна и придуманная для таких условий система домашнего питания. Марина и Андрей дома не завтракали — по дороге на работу перехватывали какой-нибудь фастфуд, обедали в кафешках и только ужинали дома.

Андрей — мороженым: классическим пломбиром, ванильным или с шоколадной крошкой.

Марина предпочитала разным несерьезным сладостям брюссельскую капусту, слегка разогревая ее в микроволновке. На ужин ей хватало десяти-двенадцати маленьких сочных кочанчиков. Иногда она добавляла для разнообразия другие заморозки — стручки зеленой фасоли или кукурузу.

Разговаривать между собой они со временем перестали, потому что обязательно в итоге ругались...

— Зачем ты убрал плед с птичьей клетки? Хочешь заморозить Мэри и Андре?

— Да потому, что под твоим пледом они света белого не видят! И должны же они дышать!

— Не делай, пожалуйста, вид, что тебя беспокоит судьба наших попугайчиков!

— А я не делаю! Меня действительно...

— Врун! Эгоист бессовестный!

— Чья бы корова мычала!..

И так далее... В конце концов они начали переписываться коротенькими записками, такими коротенькими, что даже на именах стали экономить: Андрей называл Марину — Ма, а Марина Андрея — Ай. Вместо бумаги использовалось заиндевевшее окно кухни. «Ручкой» им служил здоровенный гвоздь-«двухсотка», что хранил Андрей на память о стройотряде.

И в какой-то момент стало непонятно — они влияют на холод в квартире или холод влияет на них. Но похоже, что Марину и Андрея это уже вряд ли интересовало.

Почему Марина не уходила жить туда, где тепло, где надежда не умирает, где мечты сбываются? Наверное, она боялась обмануться еще раз...

А впрочем, Марина пыталась. Конечно, первое, что пришло ей в голову, — выгнать Андрея из своей квартиры. Но потом Марина решила, что Андрею станет больнее, если она уйдет к родителям — в дом, где когда-то жилось хорошо и покойно.

Но там места Марине уже не нашлось. Тот дом, который она помнила с детства, рассыпался, как красивый, но весьма непрочный картонный домик. Отец Марины вышел из-под контроля супруги и проявил характер. Но все, на что его хватило, укладывалось в несусветную глупость, портившую жизнь и ему в том числе. Он начал сильно пить, и мама Марины, постепенно исчерпавшая все методы волевого внушения, отбросила свои амбиции неформального лидера и который год таскала мужа по наркологам, мануальщикам и другим специалистам, с дипломами и без, обещающим помочь в излечении.

Идти Марине оказалось некуда...

Почему Андрей не искал новых дорог или уюта домашнего очага там, где стремятся и добиваются, почему не пытался жить по законам, диктуемым горячим током крови?

Возможно, он боялся сделать несчастным кого-нибудь еще.

Хотя Андрей искал. И в этом поиске у него случились две женщины, что называется, «на стороне». Он даже строил планы... Но... У одной из них на правах члена семьи жила отвратительная тонконогая собачка, и женщина та с равной нежностью целовала и собачку в мокрый носик, и Андрея в губы. А он — брезговал. Другая — оказалась просто любвеобильной сучкой, да еще со своеобразным чувством юмора. У нее в коридоре висело зеркало, а над зеркалом — ветвистые лосиные рога. И Андрей, узнав по случаю о том, что он не единственный соискатель женских прелестей своей подруги, понял, почему его каждый раз так раздражает собственное отражение в зеркале с рогами над головой. Слабым утешением служило то, что и остальные «ходоки» выглядели точно так же.

Идти Андрею оказалось не к кому...

Случались и потепления между ними. И тогда по линолеуму в коридоре растекались лужи, а при более сильных, почти весенних оттепелях с потолка в зале проливался такой дождь, что приходилось расставлять чуть не по всему полу тазики, кастрюльки и даже суповые тарелки.

Но проходил день, другой, неделя... И лужицы на полу начинали похрустывать свежей ледяной коркой, а потолок покрывался некрасивыми буграми изморози.

Все устоялось...

И вполне возможно, что эта история завершилась бы вялым многоточием, если бы не смерть попугайчиков.

Однажды, вернувшись с работы, Марина обнаружила трупки птиц, лежащие на дне клетки. Мэри и Андре замерзли. Плед, сохранявший тепло в клетке, видимо от тяжести намерзших ледышек, соскользнул на пол. Марина вытащила щупленькие тельца из клетки и разрыдалась, то ли от жалости к птицам, то ли от жалости к себе и Андрею.

Попугайчики, до этого момента ни разу не покидавшие клетки, выскользнули из Марининых рук и с глухим стуком упали на обледеневший пол. А сверху на них посыпались крупинки замерзающих на лету Марининых слез.

Андрей подospel немного позже и, обнаружив плачущую хрустальными слезами Марину, не сразу понял, что случилось, и только увидев трупки Мэри и Андре, сам остолбенел, точно примерз к полу. Немного погодя, отдышавшись и сбросив оцепенение, Андрей подошел к Марине, поймал несколько ее слезинок и сунул холодные крупинки себе под язык, словно сердечник спасительный нитроглицерин. Растаявшие во рту Андрея слезинки Марины были, как и положено, солонь на вкус. Андрей погладил Марину по голове и с некоторым усилием выдавил из себя фразу:

— С-с-нежная моя! Королева...

Несколько минут они стояли без движения, затем Андрей тихонечко отстранился от Марины, вопросительно взметнувшей вверх свои длинные, точно крылья бабочки, ресницы, забрал мертвых попугайчиков и похоронил их в дворовой клумбе, привалив сверху гранитным камнем, чтобы не разрыли кошки.

И вот после трагической гибели попугайчиков уже три дня в квартире Марины и Андрея моросил дождь... Вторник, среду и четверг!..

И этот особенный четверг — очередной кусочек совместного проживания Марины и Андрея, что томил Марину, подгонял домой и сулил нечто, — уже понемногу, исчерпав себя, отходил в прошлое.

Вернулся Андрей. Оказалось, он ходил в аптеку купить градусник, чтобы измерить температуру. А потом просто грелся на солнышке, пока то не померкло совсем.

Андрей действительно выглядел простуженным и все равно на ужин, как было заведено, съел половинку брикета пломбира.

Марина поужинала десятком кочанчиков брюссельской капусты, подержав их в микроволновке ровно одну минуту.

Вот и все. Вернее, почти все.

Уходя спать, Андрей задержался на пороге кухни, протянул руку в коридор и простоял так несколько секунд, ловя в раскрытую ладонь мелкие капли дождя.

Марине даже показалось, что Андрей хочет что-то сказать ей, но он так и ушел, не обернувшись.

Немного погодя и Марина отправилась спать. Она тихонько легла на свою сторону их просторной супружеской кровати. Андрей, невидимый в темноте и далекий — рукой не достать, — беспокойно и сбивчиво дышал во сне.

«Точно больной ребенок», — подумала Марина, захотела встать и поправить на Андрее одеяло, и даже проделала это мысленно, но правду подойти к мужу не решилась.

Где-то за стеной пробили невидимые часы. Наступило время для сна.

Чуть помедлив, стрелки продолжили размеренный бег по кругу. Часы механически делали обычное свое дело — орудуя маленькой гильотинкой, безвозвратно отрубали по секунсточке от жизни Марины и Андрея.

«Тик-так, тик-так, тик-так...» — летели в пропасть мгновения.

Все было так, как обычно...

Все было как обычно? Так? Так, да не так!

«Тик-так, тик-так...»

Время для сна...

«Крик-кряк...» — заскрипели петли и створки, запоздавшая кукушка высунулась и принялась возвещать полночь.

«Один, два, три... — Марина машинально отсчитывала вслед за кукушкой, — четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...»

Кукушка не унималась.

— Вставай! — кто-то тронул Марину за плечо, и она, открыв глаза, увидела у изголовья бабульку из Пустыни по прозвищу Баба Яга. — Ступай за мной!

— Куда идти-то, бабушка? Ночь ведь на дворе, — послушно вставая, отозвалась Марина. — Далекое нам?

— А туда и пойдём, в Пустынь! — прошамкала Баба Яга. — Помнишь баньку-то вашу?

Неожиданно боль камнем затяжелела у Марины в животе, и она вместо ответа только коротко кивнула.

— Ничего-ничего, сейчас отпустит! — запричитала понятливая Баба Яга. — И давай-ка, молодка, поторопимся! Времени у нас в обрез.

Марина, не задумываясь, подчинилась — она почувствовала, что именно этого ожидала сегодня ее душа. Боль в животе отпустила, и они вышли из подъезда, сразу за дверью ступив на тропинку, что вилась вдоль берега Лосихи.

— Скорее, молодка, не то не поспеем! — бубнила семенящая первой Баба Яга. — Баньку я истопила жарко-жарко! Сейчас попарю тебя, сердечко отогрею... А потом отмою дочиста, добела. Отмоешься — дитятку сможешь понести. И муж твой отгадет...

«Крик-кряк, крик-кряк...» — раздался совсем рядом деревянный скрежет, эхом прокатившись по реке.

— Поторопись, молодка! — прибавила шагу Баба Яга. — Не опоздать бы!

«Крик-кряк, крик-кряк...»

А следом за скрипом взлетел крик Андрея:

— На-аша ба-аня!

— Бежим! — выдохнула Марина и рванулась вперед.

Да только ноги вдруг отказались слушаться, и каждый шаг давался теперь Марине с великим трудом. А когда она все-таки добралась до бани, то увидела, что ее по бревнышкам раскатывают деревенские мужики — голые по пояс, жилистые и с бородами, растущими чуть не от самых глаз.

«Крик-кряк, крик-кряк...» — скрипели доски разбираемой бани. Той самой бани на берегу речки Лосихи, где давным-давно Марина и Андрей провели свою первую счастливую ночь...

Марина открыла глаза. И с удивлением обнаружила, что, несмотря на явную прохладу в спальне, она лежит, откинув в сторону пуховое одеяло, но не мерзнет, а наоборот — чувствует жар, пульсирующий внутри.

«Крик-кряк!..» — скрипнуло в сознании остатками сна, и Марина окончательно проснулась.

Андрея в спальне уже не было — он вставал и уходил на работу раньше.

«На-аша ба-аня! — прозвучала вдруг в голове у Марины совершенно четко произнесенная фраза. Фраза, сказанная голосом Андрея. — На-аша ба-аня!..»

И что-то в голосе Андрея было необычным, неуловимым — тревога, нежность, сожаление... А может быть, все одновременно?

Марина сунула ноги в обрезанные валенки, накинула кардиган и поспешила на кухню, шлепая в коридоре по лужам, где, как и в предыдущие три дня, продолжал моросить мелкий дождик. Поспешила, повинувшись внутреннему чувству и не задаваясь вопросом — почему ей нужно первым делом отправиться именно туда?

«На-аша ба-аня! — крутилось лентой в голове. — На-аша ба-аня!..»

Первое, что бросилось Марине в глаза, — размашистое послание Андрея на заиндевевшем оконном стекле. Непонятное, точно шифровка или странный пароль: «8-30».

Внизу, в уголке окна, прямо под посланием был пририсован домик — без окон, без дверей, с идущим из трубы дымом. И маленький автобус с округлой крышей и двумя колесиками...

«На-аша ба-аня!» — вновь настойчиво промелькнула фраза, и Марина, опережая почти оформленную догадку, начала набирать в поисковике смартфона расписание пригородных рейсов городского автовокзала.

Автобус Барнаул — Косиха отходил в восемь тридцать.

Минут через двадцать Марина, собранная и накрашенная, стояла возле остановочного павильона «Кинотеатр "Первомайский"».

Добраться в офис, где трудилась Марина, можно было на двух автобусах с пересадкой на проспекте Строителей или на газельке, трамвае и снова на газельке, с двумя довольно суматошными пересадками на улицах Северо-Западной и Попова. Что подходило на остановку первым: автобус или маршрутка — на том она и ехала...

Пятничное солнце, выбираясь на простор, проглядывало меж плотно поставленных девятиэтажек и умело, играючи, точно карты в пасьянсе, раскладывало в сквере тени от яблонь и тополей.

Автобус и маршрутка появились почти одновременно, распахнули двери и, вобрав в себя пассажиров, замерли, ожидая — в пользу кого из них Марина сделает свой выбор.

«Тах, тах, тах...» — тарахтели двигатели.

«Тик-так, тик-так...» — отстукивало время.

«Крик-крак, крик-крак! — отозвалось в висках у Марины далекое эхо, перекрываемое срывающимся голосом Андрея. — На-аша ба-аня! На-аша ба...»

Пассажиры автобуса и маршрутки безучастно ждали, равно как и водители, выполнявшие свою привычную работу.

И это давало Марине секундочки на размышление.

Пассажиры, разумеется, не знали, что мысли Марины летали далеко от этой остановки, и от улицы, и даже от города. Ей виделся забавный домик — та самая памятная банька, нарисованная Андреем на заиндевевшем окне кухни, с поднимающимся из трубы дымком. И рядом цифры — «8-30»...

«Восемь тридцать!.. — все еще не доверяя самой себе, подумала Марина. — Автобус до Косихи... А там — до Пустыни рукой подать!»

Ослепительное солнце, готовое заново прокалить пробудившийся город, поднялось над домами. Марина невольно зажмурилась и осталась со звуками наедине.

«Тик-так, тик-так...» — беспокойно тикали Мариныны часы. Это торопливо стучало каблучками время, забежав за восемь часов уже на целых десять минут.

«Тах, тах, тах...» — снисходительно хмыкали двигатели.

«Тик-тах, тик-тах...»

«Если прямо сейчас поймать машину — успеваю на автовокзал!» — решила Марина.

Обходя автобус и маршрутку, оставляя невозмутимых водителей, кондукторов и пассажиров наедине с наступающей на город очередной пятницей, она шагнула на дорогу и вскинула руку, останавливая летящее вверх по проспекту такси с черными шашечками на играющих солнцем лакированных желтых боках...

Александр ФРАНЦЕВ

НИЧЕЙНОЕ МЕСТО

* * *

вы меня не поняли наверно
это все в небесном нарсуде
с моих слов записано неверно
вилами по облачной воде
потому что в путаной и длинной
бестолковой жизни день за днем
явка продолжается с повинной
и стоит за дверью управдом
и бежит галимая по трубам
знающая грамоте вода
перекройте вентиль говорю вам
вы меня не поняли тогда

* * *

Пропита насквозь и прокурена в долг,
который вовек не отдать,
квартира твоя, вот и нам вышел срок
вещички свои собирать.

Все думалось: как-нибудь после, потом,
а вышло, что прямо сейчас.
Покуда скрипел ненадежным пером,
весь мир обошелся без нас.

Ведь мы засыпали не в этой стране
и нынче не знаем, как быть.
Постой, паровоз, этот поезд в огне,
мне нечего больше любить.

Ничейное место пошло по рукам,
нас вскоре попросят совсем.
И мы соберем беспорядочный хлам
и выйдем отсюда ни с чем.

Лишь русскую речь, словно узел с бельем,
увяжем с грехом пополам,
пустую державу сдавая внаем
идушим вослед племенам.

* * *

Стертой джинсой, деревянным рублем,
мелкой фарцой — чем придется...
Все пригождается задним числом
и в черном теле берется.

Сбавай на память чего-нибудь нам,
что ли, пройдишь по бульвару.
В грязном подъезде по кругу «Агдам» —
помнишь? — и Цой под гитару.

Спросишь вослед: да куда они все?
И не дождешься ответа.
Сносу бы той не случилось джинсе,
кабы не музыка эта,

дура-цыганка да Курский вокзал —
линия жизни ни к черту.
Общий вагон, где с концами пропал,
пряча разбитую морду.

Допито все и допето давно.
Впрок накопилась усталость.
Будто немое врубают кино,
слов ни на что не осталось.

* * *

Сколько ни платишь за капремонт —
рухнет все, да и чем держалось? —
не разберешь ни черта; жилфонд
с прошлого века еще на ржавых
скобах каких-то, гнилых гвоздях;
пол провалился, а там — последних

жителей выселят; да и так
все перемерли, наверно, — нет их,

будто и не жили тут, зазря
место обжившие; им, похоже,
и оставлять его, уходя,
некому было, — теперь чего же
этот вчерашний тревожить прах,
правды взыскуя в прокуратуре? —
ноги уж сбили на тех путях,
ведь не поможет никто, в натуре.

Вот и прикидываешь в уме,
слыша ночами, когда не спится,
как, оседая, трещат во тьме
прежней империи половицы;
думаешь: нам ли цепляться за
голые стены, и что поправить
можно еще в ней? — да нет, нельзя;
но и такая, как есть, одна ведь.

Где бы, казалось, и лечь костями,
как не на родине? — да едва ли.
Не доведется уже; дверьми
хлопнешь, а там — поминай как звали.
Хоть и не помнит никто давно.
Вот и узнаешь теперь: равно ли,
где истлевать, и какой в окно
двор будет виден, в Коряжме, что ли...

* * *

Было дело — помню, с утра пешком
в магазин собрался за портвешком,
а вернулся — будто и жизнь прошла:
ни души вокруг, говорил сосед,
все куда-то вышли из-за стола,
погасили на кухне свет.

А где был вообще — «Беломор» стрелял,
то ли крайним в очереди стоял —
так уже без разницы всем.
Лишь из крана та же течет вода.
Заверни попробуй его — ну да.
И куда теперь с «Беломором» тем,
и с собою самим — куда?

ПЯТИЛЕТИЕ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Торжественное заседание, посвященное пятилетию журнала «Сибирские огни», 21 марта 1927 г. в Новосибирске. Стенограмма. Публикуется по: «Сибирские огни», 1927, № 2, стр. 174—206. Орфография и пунктуация частично сохранены.

<В. Зазубрин.> Из предгорьев Алтая, из Барнаула пришла к нам Анна Караваева. Она сначала рассказала, пожалуй, неважно, о том, какую революцию сделала революция во «флигеле». Потом писательница перешла к темам более серьезным и значительным. Она интересно и свежо заговорила о рабочих сибирских старых заводах. Страдает Караваева тем недостатком, что старается часто причесать и подогнать под все пункты устава и программы ВКП(б) такие вещи, которые никак туда не влазят. Но ее вещи, безусловно, как говорят критики, «социально весомы и значительны». Караваева умеет взять нужную тему, умеет умно и остро поставить вопрос. В этом отношении особенно удачны ее нашумевшие «Берега». Но эта писательница ушла от нашего костра в центр, и пусть там о ней говорят. Мы же отмечаем только ту работу, которую она проделала здесь.

Если одни писатели приходили к костру, другие приезжали, то Итин прилетел. Прилетел не из тайги, а из голубой страны Гонгури. Недавно мы прочли в газетах, что за границей организуют перепись неба. Недавно же кончилась у нас перепись населения. Есть, как видно, люди, работающие по переписи неба и по переписи земли. Итин принадлежит к числу первых. Обе эти переписи, безусловно, полезны и нужны. Ученый, изучая небо, служит земле. Итин, странствуя по своей Гонгури, все время думает о земле, о ее переустройстве. Но беда его в том, что он только думает о земле, о людях, а видит их не всегда. Итину люди нужны для того, чтобы их устами сказать о своих идеях в области математики, философии, естествознания. Оттого люди Итина часто ходячие формулы, схемы. Итин абстрагирует, обескровливает самые кровавые, земляные вещи. Для него, например, матершина — общеизвестная формула, а молоко, простое коровье молоко — белая жидкость. Итин любит преувеличивать. Отсюда: «огромные скитания, чудовищные моря, гигантские ливни, невероятные

чудеса, непредставимый свет». Но как прописная буква не становится заглавной, когда ее напишут хоть в сажень, так и моря и ливни Итина не делаются чудовищными и гигантскими от одной только авторской ремарки. Наоборот, эти постоянные ремарки («невероятные», «непредставимые») только раздражают, мешают видеть вещи, не освещают их, а затемняют. К слову о «непредставимом свете» — Итин ухитрился ввести его, как ремарку, в свою пьесу «Власть». В какое положение, спрашивается, ставит он постановщика, если требует, чтобы на сцене был «непредставимый свет»? Постановщик вправе спросить автора: к чему такой особенный свет в кабинете самых обыкновенных буржуазных министров? Простые, всем известные вещи теряют свою «представимость», убедительность, когда их сопровождают такими эпитетами. Такое «отстранение» типично для Итина, оно кладет на его повести отпечаток «нереальности».

Итин читается трудно, так как, наряду с блестящими страницами и строками, часто конструкция его фразы тяжела, напоминает переводную, язык засорен иностранными словами, научными терминами. Иногда целые вещи писателя кажутся переводами с иностранного («Власть»). У Итина нет ни одного рассказа, где бы не фигурировали иностранцы, англичане, немцы. Итин любит иностранные слова, имена. Он играет ими, как способный ученик, хорошо изучивший чужой язык, как ребенок цветными камешками. Его влечет их звучность. Поэтому писатель русскую девушку Зою переименовывает в Заидэ. Поэтому у него «Людвигсгафен», «Варнемюндэ», или просто формулы — Ю = В, R S D D.

Итин — человек очень культурный. Но его культурность, его знания владеют им, а не он ими. Писатель, попадая даже в самые глухие и самобытные уголки Сибири, не в силах отделаться от власти и обаяния чужих слов и чужих образов, от всего того, что узнал он в университете и в бесчисленном количестве книг, им прочитанных. «...Кругозор был странной смесью многих красочных стилей — заоблачные мечты Чурляниса и облака с “Небесного боя” Рериха, нежные дали Нестерова и Левитана и грубоватые контрасты с “Вечных льдов”». «...Ночь юга шагала, словно марсиане Уэльса»... «Морозы, перед которыми градусы Фаренгейта из сказок Лондона — оттепель». Попадают образы, заимствованные и неоговоренные: «луна, как бубен шамана» и так далее. Примеров можно привести много.

Итин живет больше отраженным светом, светом искусства, а не действительностью. В его рассказах о туземцах, о крестьянах обязательно мелькнут образы и имена не только таких писателей, как Уэльс, но и наших современников — Л. Рейснер, А. Караваевой и др. Свою повесть «Открытие Риэля» он начал главой, которая называется «Машина времени».

Один из героев Итина говорит: «Я закрываю глаза, чтобы лучше видеть». Нам кажется, что эти слова мог бы повторить и Итин. Он часто пишет с закрытыми глазами и оттого видит в Сибири Ганг и «ананасы под березой». Образ, созданный на местном материале, писателя не удовлетворяет. Ему нужен образ из района тропиков, полюса или экватора. Все местное, свое, кажется ему недостаточно ярким и реальным. Поэтому: «...прибоем южного моря шумела Катунь». Итин не чувствует даже

под руками упругой теплоты груди любимой женщины. Нет, не чувствует. А если бы чувствовал, то как мог он сравнить ее (грудь любимой) с ...бездной Тихого океана! (!) Ученый П. Драверт становится поэтом, когда говорит:

Ты забудешь бананы Цейлона,
Ананасы долин Сингапура,
Что мальтийские нам апельсины,
Виноград тихоструйного Дона,
Золотые лимоны Мессины,
Или вишни садов Альбиона.
Только здесь на просторах Сибири,
Наклонившейся к тундрам великим,
Зреют лучшие ягоды в мире,
Ароматом проникнуты диким.

Итин становится ученым, когда начинает ронять фразы о «дымчатой субстанции мира», о том, что «кажущееся для нас понятнее действительных соотношений»; когда, наконец, вместо того, чтобы сказать, что американцы пьянствовали в Омске, он говорит, что они пили под 55° северной широты. Могут сказать, что это мелочи, но, по-моему, это те мелочи, которые определяют всю абстрактность образов Итина. Писатель забывает, что он живет в Сибири, забывает, что он пишет не популярные ученые трактаты, а повести, поэмы.

«Разве Башкирия не звучит так же, как Мадагаскар?» — можем мы спросить Итина его же словами. Итин уже ответил на этот вопрос с полной утвердительностью. В своем «Пути шамана» он доказал, что «Башкирия» или «Ойротия» звучит не только так же, как «Мадагаскар», но и сильнее. Путь шамана — блестящие страницы. Здесь у писателя выпала вата из ушей, которой он заткнул их во время полета над Алтаем, и писатель вдруг услышал живые голоса земли. Итин нашел путь шамана, несомненно, он найдет и свой путь. Выйти в дорогу ему есть с чем. Хотя Итин сейчас и «снят» с жалованья, нигде не служит, но человек он богатый. У него «богатая» выдумка, крепкая форма, местами скульптурная рельефность изображения. Ему только нужно соскоблить со своих чемоданов наклейки и надписи, сделанные в заграничных отелях.

Необходимо сказать еще о «реакционности» Итина. Некоторые склонны считать «Открытие Риэля» реакционной вещью. Это, конечно, не верно. Беда Итина в том, что он трудно расшифровывается, что часто вообще нуждается в расшифровке. Каждый поэтому толкует его вещи по-своему, иногда приписывает Итину то, что ему и не снилось. Так и в данном случае. «Открытие Риэля» написано в 1916 году и было направлено против милитаризма. Повесть эту тогда принял в «Летопись» М. Горький. Теперь Итин подчистил «Риэля», но основная установка антимилитаристская осталась. Я сомневаюсь, что антимилитаристские тенденции в наше время стали уже реакционными. Всех, обвиняющих Итина в реакционности, я позволю себе отослать к его «Урамбо». В этой повести он, как хирург ножом, вскрывает всю фальшь, всю подлость буржуазного мира (директор-вегетарианец, благословляющий войну, поп и др.).

Итин человек рассудочный. Он пришел к революции, и он, несомненно, с ней, он наш товарищ, так как он хорошо знает, что путь Октября — единственно верный путь. Итин еще плутает, ищет на литературных дорогах, но он не колеблется в выборе между революцией и «реакцией».

«На вкус и цвет товарищей нет» — кому нравятся бананы или ананасы под березой, кому огурцы. Рассказы Антона Сорокина нам кажутся вот такими понятными, простыми и «выразительными» огурцами. Я извиняюсь за некоторую легкость стиля по отношению к такому законченному мастеру, как Антон Семенович. Но я уже оговорился, что буду разговаривать в ведомственных тонах. (Смех.) Сорокина в дореволюционное время травили, замалчивали, но он не сдавался. Если о нем молчали другие, то он кричал о себе сам. Писатель, подобно Уитмену, писал о себе статьи, письма и рассылал их по редакциям. Уитмен на свои деньги поставил себе памятник, наш писатель ограничился только огромной вывеской и печатанием собственных денег, денег «короля шестой державы — Антона Сорокина». Все это писатель делал для того, чтобы пробить жесткость сибирского обывателя — читателя. Он искал читателя всеми доступными ему способами. За это мы на него сетовать не будем. Теперь Сорокин не кричит о себе, не прибегает к шумной рекламе. Теперь он в этом не нуждается — он желанный сотрудник «Сибирских огней» и ряда сибирских газет, его регулярно и охотно печатают. Сорокин много пишет о туземцах и об аэропланах. Он, как и Итин, опускает аэроплан в темный быт туземца. Но Сорокин не смещает Сибирь по-итински к экватору, он берет и показывает свою страну во всей ее первозданной чистоте и силе. Итин Сибирь подает очень тщательно, кажется, что он ее не описывает, а препарирует. Итин многое подает именно в законсервированном, заспиртованном виде. Все у него классифицировано, на всем этикетки со ссылками на ученых или писателей, ранее работавших в этой области. Сорокин же пишет о Сибири не мудрствуя лукаво, и его образ реален и пахуч, как красный кровяной кусок сырой, парной баранины. Сорокин хорошо показал киргиза, для которого аэроплан — птица, несущая яйца, рождающие гром. Читатель вместе с сорокинским киргизом опасается немного, что как бы эта «птица» действительно не стала вить гнездо в степи из юрт бедных кочевников.

Писатель показал нам туземца при царе, при белых и при советской власти. Он рассказал нам о драме кочевника-скотовода, которого заставляли рыть окопы: «Андрюшке, ты сдурел, что ли? Не буду рыть землю. Степь-матери больно, степь кормит. Зачем буду землю портить? Не буду».

Жаль, что мастер Антон Сорокин до сей поры мало известен читателю, жаль, что его рассказы разбросаны по разным газетам и журналам. Собрать и издать их необходимо.

С далекого Амура пришел партизан и интеллигент до мозга костей Рувим Фраерман. В его рассказах слышно, как воеет подо льдом Амур, ревет на голых сопках ледяной ветер, хрустят нарты и тяжело дышат запалившиеся в упряжке собаки. Фраерман держит на руках перед читателем сияющий и черный, как ночь, мех соболя, гладит пушистую спину лисы-

огневки. Писатель прекрасно чувствует Сибирь, тайгу. Впрочем, лучше предоставить слово ему самому: «Гляжу вперед, гляжу назад — все тайга зубчатая, будто густым, зеленым, стоячим туманом весь свет застилает и идет от нее прель гнилая, как от старого гриба, на солнце паром вьется и дымом стоит. И нет человека кругом». «Знаю я хорошо, что тайга, как море, страху в сердце не любит, и дорог суматохе не показывает, чужих не уважает». «Страшна тайга и днем, а ночью еще страшней. Завернет тебя всего темь непроглядная, как в солдатское черное сукно. Пальца своего не увидишь. Посмотришь вверх, звезды вот-вот на тайгу упадут, до того близки и большие, полыхающие, словно костры хвойные в небе горят. Да все без толку, от них не светлей. Ветер трепыхается — слушаешь — не зверь ли идет. Тени от костра шамают, как бешеные, и кажется, что будто на земле нет ничего: ни городов, ни Сахалина, ни села Рыковского, ни людей... весь мир — тайга».

Так говорит о тайге Фраерман устами сахалинца, таежника, насильника и завоевателя Кузнецова.

Фраерман щедро раскладывает перед читателем богатства своей страны. Вот «светлое, как солнечный блик, плотное и сильное, как волна, тело горбуши», вот «вялая и робкая, зябко отливающая чешучайтой сталью селедка»... «как мокрые сучья елей, навага»...

Писатель показывает маленькое счастье рыбаков, «зацепивших» большое руно селедки и тревогу и арест скрывавшихся «На мысу» большевиков.

Если у Кравкова туземец просто охотник, у Антона Сорокина участник гражданской войны, но не отдающий себе достаточно ясного отчета, почему он у красных или у белых, то фраермановский Васька Гиляк знает, зачем он пришел в отряд к партизанам. Если Кравков белыми нитками пришивает к своим вещам современность, то у Фраермана она органически сплетена со всем телом его повести. Его Васька Гиляк вырастает в восстание, в революцию законно. Читатель чувствует, что писатель не лжет, что все это так и было, что революция действительно захватила туземца, взбудрила и подняла. Туземец Фраермана действует, участвуя в работе отряда. Он непохож на «экзотических» декоративных «выдвиженцев» из тайги, агитирующих на съездах советов, с помощью объектива фотоаппарата, только своей физиономией. Тайга, туземец и революция у Фраермана неразрывны. Хороши у него и партизаны. Кажется, что этот писатель способен создать большое, широкое, революционное и насквозь сибирское полотно.

«Географически» несколько дополнил Фраермана П. Далецкий. Он рассказал о «Зеленом Клине» Приморья, о Владивостоке. Из его повести мы узнали, что «бухта в июне — самое мягкое масло». Он нам показал трудолюбивых китайцев и праздную, жестокую толпу портового города. Далецкий неплохо перемешал партизанские восстания с несложной жизнью деревни, с песнями девушек и парней, прыгающих через костер. Местами писателю удалось заставить читателя почувствовать холод трагических глубин гражданской войны. Нельзя забыть случай в бане. Белые налетели на деревню. Идет повальный обыск. Несколько партизанских

семей, боясь расправы, спрятались в заброшенной бане. Обыскивающие подходят к убежищу прячущихся. На руках у женщины закричал ребенок, «захлебнулся рукой». Но вырвался.

— Уай... а... аай...

— Маринка, — зашипели, — Маринка, или выметайся... или... слышь...

— Уай... аай...

— Маринка, застервишь!

Ребенок стих, точно подавился.

Обыск прошел благополучно. Никого не нашли. Утром, когда ушли белые, из бани вышли прятавшиеся. Женщина вынесла мертвого, его задушенного, ребенка...

К сожалению, Далецкий слишком многословен и медлителен. Медлительность, с какой разворачивается действие, отталкивает читателя и губит героев писателя — к концу повести они засахариваются, как персидское варенье.

Из Канска приехал Федор Тихменев. Он хорошо рассказал о добром, но ограниченном крестьянине «Миленочке» и о мещанине, который в революцию был «Сам по себе».

В 1924 году около костра раздалось солидное покашливание. Все оглянулись и увидели худощавого, маленького человека. Человек этот сказал: «Петька шевелит мозгами». Все узнали в нем Ис. Гольдберга. Гольдберг подошел ближе и умело рассказал о том, что в Сибири есть «Путь, не отмеченный на карте». Все согласились, что таких путей много и что один из них Гольдберг, действительно, отметил.

Мимоходом бродяга К. Паустовский обронил свой тропический цветок «Минетозу», рассказал о чернокожих рабах, изнывающих от жары, лихорадки и эксплуатации.

«Иностранец» А. Шугаев эволюционировал от тем «российских» к «сибирским». Он показал нам «Золотую голову» одного из подпольщиков-большевиков, показал втершегося в партию прохвоста, Василия Ивановича.

Девятнадцатилетняя Евгения Анучина заставила нас посмотреть на черные дни голода и разрухи наивными светлыми глазами детей. Анучина показала нам и детей с лицами, затемненными преступлением. Она пишет тщательно, тонко, как вышивает. Но на ее вещах нет и тени слащавости. Она смотрит на мир мужественно и просто.

Жаль, что замолчал А. Абрамов, сумевший увидеть в черноте «Воскресника» по уборке трупов едва уловимые отсветы нового.

Любопытно выступил П. Стрижков. Его миниатюры напоминают рассказы Джека Лондона. Золото, туземка, светловолосый человек. Смерть от пули в глухих горах и кровь на золотоносном песке, как крупная, дикая малина.

Герои Стрижкова просты, мужественны и по-хорошему упрямы. Писатель на редкость лаконичен, выразителен и сюжетен. Но пока еще Стрижков намыл небольшой мешочек (цикл) золота своих миниатюр. Он еще только начинает.

Яблоками, привезенными с Волги, искусно играет М. Никитин. В его рассказах видно, как яблоко растет, слышно, как оно падает в траву. Никитин много времени и сил отдает форме. Он куёт форму для того, чтобы с ней подойти к Сибири. Сейчас он пишет о фруктовых садах, о помещиках, о крестьянах. Его герои собираются в Сибирь за землей, за ними, надо полагать, приедет и писатель.

А. Коптелов интересен больше сам, чем его вещи. Кержак, начетчик, он пришел к революции и стал ее журналистом и писателем. Партизаны в своих воззваниях фамилию «Колчак» писали с маленькой буквы, вероятно, желая тем унижить диктатора. Коптелов часто положительных героев своих пишет с большой буквы, а отрицательных с маленькой. От этого проигрывают и те и другие, и автор и читатель. Но Коптелов — писатель начинающий. У него все впереди. Поэтому сейчас о нем говорить еще рано.

Н. Дубняк сродни Коптелову по ненависти к деревне. Но Коптелов не утрачивает светлой перспективы, Дубняк же весь черен. От его рассказов веет жутью деревенской дикости и косности. Страницы, где описывается насильственный аборт и избиение крестьянина, заподозренного в краже, нельзя читать без содрогания. Дубняк работает в крестьянской газете. Каждый день через его руки проходят сотни селькоровских писем. Кажется, что писатель отбирает самые мрачные из них, и из них, из этих подлинных кусков жизни, монтирует свои рассказы. Писателю надо выучиться не только монтировать, но и обобщать, переваривать сырье материала. Недоваренность его вещей заметна, непроработанные куски материала на зубах, как каша с песком.

Были у костра и такие писатели, как Е. Минин, которые успели пока обмолвиться только одной фразой-афоризмом, что возможен «Дождь без ветра».

Последним в «Сибирские огни» ворвался, прибежал с криком А. Каргополов. Он начал с повестей о крестьянстве. Он принес в редакцию две повести, такие же растрепанные, как и он сам.

Но за этой растрепанностью чувствовалась какая-то сила. Казалось, что слова распирают Каргополова, как зерно — туго набитый мешок.

Ведь редактировать — значит предвидеть, значит помогать, способствовать или, по меньшей мере, не мешать росту той молодой зеленой поросли, которая поднимается вокруг журнала. Поэтому надо печатать вещи и не совсем зрелые, но печатать надо обязательно, если к тому же пишущий обнадеживает. Печатать — значит облить творческие корни писателя живой водой общения с читателем. Бесспорно, в этом деле нужен такт и мера. (А то можно залить, захвалить насмерть.) Но где и в каком деле эти качества не нужны?

Вот какими соображениями руководились мы, когда печатали три зеленые вещи Каргополова («Земной тряс», «Повесть полей» и «Под голубым потолком»). Каргополов пришел в революцию с большой любовью к земле, к пашне и с острой ненавистью к городу. Каргополов — крестьянин, не может не любить землю, в которую «что ни кинь — растет», на которой «травы ноне не перекошишь. Выдурела трава выше головы. Так куда ни кинь глаз — там и коси». Землю, как мать, у него обнима-

ет и крестьянин Фома Толкач, и интеллигентка Маруся: «Фома Толкач десять раз обегал полосу, десять раз останавливался на углах полосы, и когда перед самым утром замирают и птицы и человек — замер Фома Толкач, обняв набухшие росой стебли ржи, и не дышал, не говорил, не жил...» «Курганы над озерами и воздух, как пена зелени, и оттого грудь на курганах шире, шире и от трав покойная радость. Руки заломив над головой, стояла Маруся не в силе сдвинуться с места. Как хорошо, закрыв глаза, выть солнцу; как хорошо, заткнув уши, аукать озеру и, упав на землю, как хорошо обнимать травы... Землю Каргополов одухотворяет. Она живое существо, она слышит и понимает человека. Поэтому если ты «обидел» ее, то: «Вставай, подлец, на колени: целуй эту землю. Говори, негодяй: целую тебя родную, трудовую, — и Фома встал на колени и поцеловал полосу и когда поцеловал, то зануло у всех в костях и сердца всех качнулись в страшной муке...»

Каргополов берет деревню, разворошенную белыми, красными, войной, разверсткой, конфискациями, деревню, «спящую на топорах». Он молод, поэтому откровенен. Узнать, на чьей стороне его симпатии — не трудно. Не трудно заметить, где и сам он в повести скрывается. Без ошибки можно утверждать, что наш автор в «Земном трясе» и в «Повести полей» носит одновременно несколько фамилий (как вообще всякий писатель), но наиболее любимые у него — Филин, Анбуш и его двойник Екимка — Бог Носковой Веры.

Филин — мужик-пастух делается командиром, вождем партизанского отряда. У Филина силы много, в боях с белыми она у него окрепла, разыгралась и понесла его... на город. Но деревня за Филином дальше своей околицы не пошла, и Филин погиб от своей силы, как сноп пшеницы, «обессилел от силы».

Над деревней проходят грозы и бури революции. Все оторвавшиеся от земли гибнут (Филин, Федор Петрович), оставшиеся на ней, сохранившие с ней кровные связи благодетствуют: «Коровы мои яграют, я хлеб им, вино пью... По солнцу, по ковыльному, шел Анбуш Иван, — шел, играл и пел...»

Каргополов, как Анбуш, видел в деревне красных и белых и наших продагентов. Он знает, что значат для крестьянина такие слова, как «разверстка и конфискация». В город писатель пришел с крестьянской озлобленностью на него (на город). В его вещах не редки страницы, насыщенные этой злобой, страницы, стянутые узостью крестьянского кругозора. В городе Каргополов научился многому, научился говорить «разные городские слова» и очень этому последнему обстоятельству обрадовался. Словами он захлебывается, словами играет, кокетничает. В «Земном трясе» партизан, а в «Повести полей» финагент бьет ворон без всякой нужды, бьет потому, что умеют это делать без промаха. Каргополов поступает по примеру этих своих героев — он засыпает читателя словами потому только, что он их знает. Он забывает подумать об интересах читателя... (может быть, ему все это давно известно?). Читатель часто тонет в водянистых потоках его страниц, но иногда словесная вода писателя крепнет до густоты известкового раствора, делается горькой и едкой.

Отрывок из романа «Под голубым потолком» написан именно так. Пусть отрывок в целом недостаточно художественно убедителен, но отдельные его места больно и верно бьют в цель.

А. К. Воронский, прочитав одну из повестей Каргополова, говорил ему: «Не пойму, что это у вас такое — реализм, не реализм... не пойму»...

Можно ответить Воронскому — в повестях Каргополова советская действительность. На самом деле, что может быть причудливее, невероятнее нашей действительности? Идешь по улице, видишь колонны пионеров, комсомольцев, войдешь в какое-нибудь учреждение и руками разведешь — какой век, какая власть? Совработники тут сидят или гоголевские Акакии Акакиевичи? Вот уж верно, товарищ Воронский, — не понять...

Каргополов на верной дороге. Он не сделался советским бюрократором, он сохранил зоркость глаза человека из полей. Теперь ему нужно только преодолеть свою техническую малограмотность и изжить крестьянскую узость в подходе к городу, в оценке роли города в революции и т. п. Ему нужно всю испепеляющую силу мужичьей ненависти перенести лишь на тех работников города, желудки и мозги которых загнили от жирной пищи, провоняли от постоянного пребывания на теплых местах и местечках.

Сейчас же в вещах Каргополова — писателя-коммуниста — кажется странным огульное шельмование города и явное сочувствие деревне. Сейчас в его городских вещах лучшие страницы пока посвящены крестьянам. Крестьян он дает хорошо и сочувствует им не только на «суше, но и на море». Я позволю себе привести отрывок из одной вещи писателя, которая в черновом виде была в редакции год тому назад и над которой он сейчас работает. Извиняюсь за его «длинность», но по нему можно судить о Каргополове, в нем Каргополов со всеми своими симпатиями и антипатиями:

«Ходоки из деревни были в земотделе, где кто-то в черной тужурке по столам разостлал “географию”, водил пальцем и все бунчал под нос:

— Не разыщем мы ваших владений. Не разыщем мы ваших земель. Последние карты были усланы в центр, а теперь и не разыщем мы ваших владений.

Рыжеволосый мужик, с бородой в сноп и на правом ухе с серьгой, толковал:

— Пашни наши под боком. Снят там столб-то и яму зарыли, и наши пашни отняли. Ищи, говорят, грань. А был старик у нас и он знал грань. Но он-то оглох, и как ни кричи — не докричишь, где грань проходила. Вот мы тут и решили.

Тужурка попела, попела, побунчала над картами и в шкаф их, и ходокам:

— Не разыщем мы ваших владений.

Ходоки из коридора в коридор, из учреждения в учреждение, и на углу одной улицы, у фотографии, по нужде своей остановились и оплескали витрину с портретами, и в особенности самый большой портрет, на котором сидел человек с расчесом волос на голове и с мягонькой бородкой. Фотограф чуть ума не лишился, а мужики стыдливо отвертывали головы. Фотограф нырнул около витрины и таинственно:

— Нестриженные хари. А кто тут снят? Кто сидит тут?

Мужики подули, подули так вперед себя и боком прошли в губком, а там в кабинет к Роликову, и истинно убедились, что на карточке в витрине тот самый и есть. И рыжий мужик боком сел на стульчик и толково изложил насчет столба, и грани и старика, умолчав, конечно, о портрете.

Роликов закрыл все двери, придвинул стулья к столу и так простенько, с закидыванием повел речь, и мужики расступились и кое-что выболтали. Роликов успокоил их насчет грани, столба и даже сказал — хорошо б старику тому сделать операцию, ведь медицина излечивает и не таких, и что он сам когда-то обучался этому искусству. Роликов позвонил на квартиру, потом с запиской послал курьера к себе на квартиру и упросил мужиков пойти к нему на чай. Мужики дагнули дух свой, согласились. И когда шли мимо фотографии, отвернули головы и говорили о вышине пожарной каланчи. Роликов взглянул на витрину и видел, что его портрет оплескан, и подумал: не собаки ли это и, наверно, это потому, что витрина низка. Мужики, когда прошли фотографию, озирались, и им вслед фотограф рычал и качал кулаки.

В гостиной Роликова — ни кресел, ни шкафов — простые венские стулья и голый стол. Курносый мужик — веки глаз пухлы — веньгучей породы, пил чай и одним глазом в потолок, другим под стол.

Товарищ Роликов вводил ходоков в курс международных событий: читал им газетную информацию и на географической карте, повешенной на стене, карандашиком отмечал: “Здесь вот социальная революция рвет узы. Здесь вот классовый антагонизм в зените. Здесь вот тронулся лед. А здесь — конъюнктура рынка колеблется”.

Ходоки слушали, прикусывая сахар, и тот, что с серьгой, мотал волосами, жевал бороду и силился что-то понять, когда понимал, то подмаргивал и поддакивал; веньгучий смотрел на карту и на товарища Роликова и онемел в улыбке какого-то курносого высокомерия; тот, что большевиком прозывался, слушал, слушал, вскочил со стула и к карте, и пальцем пощелкивая по ней:

— Когда я в учебной команде состоял, — замучили, проклятые, с этими картами. Какие, говорят, там кочки, кусты, леса. А то и земли спрашивали. Это все им покажи. А коснись нашего брата-мужика — не разыщем мы ваших владений...

Товарищ Роликов отпрыгнул от карты и к бывшему большевику почтительно:

— Дорогой товарищ, вы меня не дослушали. Ах, ведь нельзя же так...

Мужик с серьгой поднялся, раскланялся, разбросил руки, борода во грудь:

— За хлеб, за соль, за сахар, — и взяв кружку, повертывал ее перед глазами. — А вот в деревне посудыны не так. Дрянь. Вито, воровано, крадено. Только...

Товарищ Роликов толковал ходокам:

— Это вот ваза. А это стакан. А это вот кружка. А портреты на них — это вот Калинин. А это вот Троцкий. А это вот Зиновьев.

Мужики качали головами и не могли разобраться — Калинин походил на Троцкого и на Зиновьева, Троцкий походил на Калинина и на кого-то еще, а Зиновьев походил и на Троцкого, и на Калинина, и чуть-чуть на себя.

Роликов до ворот провожал мужиков, и красная борода с глазами, секущими колени, просила о грани, о столбе, о яме и о старике. Роликов видел чей-то необъятный размах рук и говорил о медицине и о курсе в международных событиях».

Каргополов — писатель начинающий, неустоявшийся, но, бесспорно, талантливый. Его смелое, может быть, даже дерзкое выступление надо приветствовать. Сегодня здесь много говорилось о необходимости отражать современность. Мне кажется, что Каргополов один из первых откликнется на выраженные здесь пожелания и даст современность, смело разрезанную, густо присыпанную солью сатиры.

Перехожу к заключительной части своего доклада. Я, конечно, сделал, товарищи, очень беглые характеристики своих собратьев по перу. Я не мог сделать подробного разбора всех наших авторов, т. к. их у нас 25 человек.

Мне хочется поставить два вопроса: есть ли Сибирь в нашей литературе, и есть ли в нашей литературе то, что я называю бусинкой эпохи? (В каждой эпохе есть своя бусинка.) Нашел ли наш писатель эту бусинку — ее всепроникающую коллективность? Сибирь в нашей литературе, товарищи, есть, хотя иногда с елочными украшениями, иногда в зашпированном виде. «Бусинка» же еще не найдена. Сибирский писатель еще ни разу не ставил в основу угла своих работ революцию, диктатуру пролетариата, как условие уничтожения всякой власти человека над человеком, всякой эксплуатации человека человеком. Вопросы колоссальных геологических смещений в классовых пластах человечества — наш писатель в полном объеме еще не поставил. Для него, по-видимому, важнее или, может быть, ему более по плечу были личные драмы, а революция — движение масс — для него была только фоном, на котором разворачивались эти личные драмы. Были попытки отойти от личного, перейти к этим колоссальным геологическим смещениям, но эти попытки были более или менее неудачны. Следовательно, пролетарской нашу литературу за эти пять лет назвать нельзя. Она крестьянская и попутническая. Сибирский писатель не показал основных черт пролетарской революции. Сибирский писатель, может быть, и не понял еще, не успел, не сумел понять, осмыслить пролетарскую революцию, все ее величие, всю ее мощь. Сибирский писатель иногда путает революцию пролетарскую с революцией буржуазной, иногда отдает предпочтение последней, или дням военного коммунизма, в которых он видит элементы некоторой романтики, особенного подъема. Кое-кто из наших писателей при НЭПе вышел даже из партии. Это, конечно, очень показательно. Наш писатель, видимо, не понял, что буржуазные революции, как, например, революции 18 века, быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события озарены как бы бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но они быстротечны,

скоро достигают своего высшего пункта, и продолжительное настроение похмелья охватывает общество прежде, чем оно успевает трезво усвоить себе результаты периода бури и натиска.

Напротив, пролетарские революции, каковы революции 19 века, непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, по-видимому, уже совершено, с беспощадной суровостью осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника как будто бы только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключаящие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: «Hic Rhodus, hic calta!» (К. Маркс — 18-е Брюмера).

День сегодняшний — день мелководный, день мелких расчетов. Но ошибется тот, кто скажет, что это мелководье иссыхания, заноса песком. Нет, это мелководье временного отлива. Но так думают немногие сибирские писатели. Большая часть склонна преувеличивать обмельчание дня, склонна принимать его за обмельчание революции.

Сибирский писатель не должен, не может отказываться от постановки проблем пролетарской революции. Могут возразить, что у нас нет рабочих, без которых нельзя говорить о пролетарской революции. Это неверно — рабочие здесь были и есть. Правда, они в ролях красных командиров, в ролях комиссаров, но, повторяю, они есть.

Вопросы мировой революции мы можем в своих вещах ставить уже и сейчас и в Сибири во весь рост. Для этого нам нужно только вспомнить, что наши ближайшие соседи — Китай и Индия. Проблема раскрепощения колониальных народов Востока есть проблема мировой пролетарской революции. Восток и мы, Китай, Индия, Тибет, Монголия, Советская Сибирь, СССР — вот где широчайшие возможности для творчества сибирского писателя.

Сибирский писатель, к сожалению, не отметил роль коммуниста в революции и роль коммунистической партии. В литературу нашу коммунист не попал.

Как-то Владимир Ильич Ленин говорил Горькому после того, как прослушал сонату Бетховена: «Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, детской, думаю: вот какие чудеса могут делать люди». И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело: «Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят — и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм — должность адски трудная».

Вот такого коммуниста — многогранного, живого, с его «адски трудной должностью», у нас еще в литературе, товарищи, нет. Все попытки в этой области пока только первые эскизы, схемы. Они, конечно, законны

и нужны, но того, что хотелось бы видеть, пока что нет. Может быть, не истекли еще сроки, но мы констатируем то, что есть.

Я не навязываю темы писателям. Я говорю о том, что у нас сделано еще очень немного, а на всем сделанном — печать коллективной равно-сти. У нас есть хор. Этот хор составил за пять лет. Отдельных голосов в этом хоре почти не слышно. Ни один еще писатель за эти пять лет не наложил печати своего яркого дарования на нашу литературу, не создал своего стиля. У нас есть отдельные яркие фигуры, но погоды они не сделали, к тому же они слишком быстро ушли в центр.

Костер «Сибирских огней» поддерживался все это время дружными усилиями всех, работавших в нем. Часто в него попадали сырые сучья, сухих щепок было мало. Иногда писатели просто грели у костра руки, иногда дыму было больше, чем огню. Но важно, что есть огонь и если не испортится погода и не пойдет дождь, который, как известно, всегда идет сверху и по обстоятельствам независящим, то мы в конце концов будем иметь костер более яркий, станем бросать в него щепки от тех бревен, из которых мы начали уже строить дом своей литературы.

Пора нам от «кострового» периода перейти к «домовому». Пора нам прекратить печатание торопливых отрывков, листков из блокнотов, которыми мы спешили рассказать о себе, потому что мы вырвались из страшного пекла, потому что жизнь каждого из нас похожа на кинороман. Нужно писать просто и мудро. Мы должны писать с предельной простотой, ясностью и лаконичностью. Один из китайских критиков говорил, что если ты не можешь сказать то, что хочешь, в двенадцати словах, то лучше не говори об этом вовсе.

Но это не значит, что мы должны ограничиться постройкой маленьких деревянных домиков-рассказов. Мы имеем право на постройку многоэтажных (Индия, Китай, Монголия, Сибирь) каменных небоскребов-романов. Хотя коммунальный банк туго отпускает средства на постройку кирпичных зданий, обращая тем самым наш город в сплошной костер, но наше жилтоварищество — Сибирский союз писателей — сможет обойтись и без ссуд коммунального банка. Он будет строить свои небоскребы романов, и строить их достойными и страны и эпохи.

Пятилетие «Сибирских огней», товарищи, это радостная и теплая тяжесть в руках. Грань этого пятилетия я чувствую под ногами, как стальной трос. Я чувствую, товарищи, что мы все стоим на нем сейчас прочно и тянемся к шкале культурных завоеваний десятого Октября, тянемся, чтобы на этой огромной шкале сделать скромную, маленькую, но свою зазубринку. (*Шумные, продолжительные аплодисменты.*)

Председатель. Товарищи, прежде чем дать слово следующему докладчику, разрешите огласить телеграмму, которую мне сейчас передали. Эта телеграмма только что получена редакцией «Советской Сибири» (*читает*): «Шанхай взят восстановителями»... (*Бурные аплодисменты.*)

Еще разрешите задержать ваше внимание на одну минуту. Зазубрин рассказал нам здесь о всех тех, которые останавливались, которые сидели у костра и проходили мимо этого костра, рассказал о всем, что вы слышали. Но он забыл, проходя и останавливаясь сам около этого костра, рас-

сказать вам о себе. Зазубрин большими шагами подошел к костру, вынул несколько головешек и рассказал о некоторых вещах, очень слабо связанных с Сибирью, но, несомненно, имеющих большое значение в нашей современной жизни, и рассказал неплохо. Жест у Зазубрина широкий, сам он человек большой, и если он задел костер, и если от этого костра попали в кое-кого горящие головни и угли, то это не плохо.

Следующим докладчиком должен быть тов. Итин. Он должен был говорить о поэтах, выступавших за истекшее пятилетие в «Сибирских огнях».

Но наш Сибирский союз писателей организует в конце этой недели вечер, посвященный сибирской поэзии, и мы решили перенести этот доклад на тот вечер, где вы его и заслушаете. Сейчас можно предложить слово для доклада тов. Басову.

Тов. Басов. Сейчас, товарищи, конечно, не приходится говорить о докладе в силу позднего времени. Придется ограничиться очень беглыми замечаниями по поводу отдельных вопросов, которые возникают в связи с пятилетним юбилеем журнала «Сибирские огни».

Мне пришлось присутствовать при зарождении ряда журналов как в последнее, предреволюционное время, так и после Октября, пришлось мне присутствовать и при зарождении «Сибирских огней». Нужно сказать, что целый ряд сибирских журналов на наших глазах достаточно быстро провалился, и ничего серьезного из этих журналов не вышло. Естественно, что и при создании журнала «Сибирские огни» вопрос о том, придется или не придется нам отмечать какой бы то ни было юбилей, а тем более пятилетний, не поднимался и не возникал. Мы не пытались заглядывать дальше четырех-пяти месяцев. Можно сказать, что каждая книжка журнала первых лет издания являлась для нас в то время юбилеем, какой-то юбилейной датой. Вышел номер журнала — надо было подвести итоги, наметить план на дальнейшее, еще раз просмотреть программу и так далее, т. е. заняться всем тем, чем обычно принято заниматься в связи с юбилейными датами. Не надо упускать из виду, что ведь дело-то происходило в 1922 году. Возникновение журнала в 1922 году было чрезвычайно большим и смелым дерзанием. Ведь если дело происходило бы в 1923 и 1924 годах, когда у нас по всему Союзу журналы бурно росли и часто гибли, — был бы другой разговор. Но «Сибирские огни» возникли раньше. Речь идет о 1922 годе, да еще в Сибири, которая делала переход, скачок от чрезвычайной разрухи к первоначальному правопорядку. Тогда мы только что налаживали регулярный выпуск газет и печатали до предельной нагрузки типографий продовольственные карточки. И газету и карточки мы зачастую печатали на самой скверной оберточной или афишной бумаге, печатали на оборотной стороне играль-ных карт и обертки для конфет. И в то же время создавали, печатали и создали толстый журнал — это ли не дерзание и смелость? Конечно, был большой простор для скептицизма.

Те документы, которые оглашал т. Зазубрин в качестве прожектов, совсем не случайны — они являются отражением эпохи, этих прожектов было, как всем известно, чрезвычайно много. Это очень хорошо отобра-

жено у Сейфуллиной в ее рассказе «Александр Македонский». Там речь идет о самом рядовом учителе, который был назначен заведывающим отделом народного образования и через которого все эти прожекты проходили. Между прочим, был задуман проект постройки Дворца Труда, очень величавого и крупного здания. Так вот, этот проект не мог быть осуществлен по той простой причине, что, когда нужно было вычертить план, во всем городе не нашлось чертежной туши. Как видите, есть все же разница, у нас тушь нашлась и нашлись силы не только для вычерчивания чертежа проекта, но и для осуществления этого проекта.

Мы думали тогда и об объединении писательских сил, о том самом, что осуществилось год тому назад в форме Сибирского союза писателей. Только тогда мы ставили другие сроки и говорили это иначе. При переходе на второй год издания редакция говорила об этом так: «Если в 1922 году, смеем думать, редакции удалось, хотя бы частично, объединить писательские силы Сибири, то в 1923 году это объединение, надеемся, закрепить более полно, подготавливая, таким образом, создание одного из окраинных революционно-культурных бастионов первой в мире республики трудящихся».

Вы видите, что самый стиль этого заявления соответствует тем годам.

Объединение, о котором тогда говорилось, осуществилось несколько позже, и наши писательские силы пришли под другим названием, в более потертой одежде, с иными, более простыми словами. Этот революционно-культурный бастион мы имеем под более скромным названием Сибирского союза писателей, который отмечает сегодня пятилетие сибирского журнала. И за время, когда были найдены более простые слова, писательскими силами была проделана довольно большая будничная работа. Писатели пришли к нам с горами чернового материала, с большим жизненным опытом, который им остается только претворить в художественные ценности!

Я две минуты займу, как это обычно полагается в выступлениях, статистическими данными. (*Голос с места: Не обязательно.*) Это нужно для некоторых выводов, да к тому же здесь уже говорилось относительно удельного веса тех или иных отделов журнала.

Вот по части художественного слова. Художественное слово сделало скачок от 33 до 45 процентов размеров журнала. Художественное слово идет на повышение. Вторым отделом по величине является отдел «Былое», занимающий 20 процентов, причем были годы, когда этот процент доходил до 27, т. е. один Вениамин Давидович Вегман занимал целую четверть журнала! Критика и библиография составляет в среднем 17 процентов, но тоже доходила до одной трети журнала. Политико-экономический отдел занимает в среднем всего лишь 10 процентов. В 1922 году он доходил до 24 процентов, а сейчас спустился до шести.

Статьи по вопросам современности. Они появились лишь с 1924 года, и сейчас удельный вес их достигает уже 17 процентов, т. е. современность сейчас на втором месте после художественного слова. Отдел «Былое» занял уже третье место.

Какой отсюда можно сделать основной вывод? Пестрота в соотношении этих отделов, перемещения внутри журнала доказывают, что журнал еще не установился, и первичный период организационной работы еще не прошел. Поэтому стоит поговорить и о типе журнала.

В этом отношении мы должны опять вспомнить период основания журнала. Он создан через два месяца после «Красной нови», создан по типу этого журнала. Очевидно, ощущалась нужда именно в таком типе. Но, как известно, всякая программа должна применяться к местным условиям, так и мы применили план «Красной нови» к сибирским условиям — удачно или нет — разговор другой. А дальше речь идет о том, что журнал должен шагать в ногу с жизнью, иначе тип его не будет отвечать запросам.

У нас было много разговоров о типе журнала и выявились две точки зрения. Одна из них заключалась в том, что в Сибири нет еще широкой прослойки читателей, что рабочие и крестьяне журнала не читают, что нужно тип журнала снизить до уровня массового читателя и сделать его школой для начинающих писателей и читателей. Вторая позиция была такова: журнал должен идти вперед, заставлять подтягиваться читателя, снижение его типа может привести к гибели, т. к. мы рискуем потерять тот слой читателя, который уже имеется.

Мы должны сейчас признаться, что споры эти в данное время заглохли. Работники редакции и околоредакционный актив в конечном счете остановились на втором варианте. Мы думаем, что в Сибири имеет право на существование именно такой тип журнала.

Но журнал не должен застывать в каких-то определенных формах... Внутренняя работа редакции не должна застывать. Журнал должен отражать бытие жизни. И тут наше положение затрудняется тем, что опыта краевого журнала, по существу дела, мы не имеем. Но основной крен в работе журнала — это все же отклик на современность. Тов. Сырцов пытался убедить нас в том, чтобы мы отделу современности побольше отвели жилой площади. Убеждать нас в этом не следует. В каждой книге журнала отделу современности дано больше, чем полагается. Весь вопрос в том, в какой форме эту современность давать. Мы одно время давали место статьям типа внутреннего обозрения, то, что было раньше в толстых журналах, но убедились, что это уже не отвечает современности. Ведь теперь мы дошли до того, что внутренние обозрения и всякие проч. обозрения даются только в газетах, да и то охватывают срок около недели. Нам выступать с 2-х месячной тяжелой артиллерией нельзя. И на помощь нам пришел очерк.

Это, так сказать, уже полевая легкая артиллерия. Она свободно маневрирует и может врезаться в разные отделы. Она и подвижнее, и, вместе с тем, многограннее.

Возьмем, к примеру, очерк Кравкова о «Тельбесе». Кравков, наряду с научным подходом к вопросу, дает в очерке художественное отображение современности и яркие зарисовки былого. Разный читатель получает из очерка то, что ему нужно.

Орлова в своих очерках о Крайнем Севере дает живую художественную этнографию и пересыпает это незамысловатыми приключениями, простыми, как та северная жизнь, которую она описывает.

Титов идет еще дальше — он дает и отрывки из научной работы, и фольклор, и экономические данные, причем дает это как художник.

Этот метод смешения всех стилей и различных плоскостей, несомненно, со временем изживет себя, как изжили себя многие другие виды журнальной работы. Вероятно, статьи Титова будут более заострены, он не станет пытаться охватить все, но будет давать талантливые научные статьи, в которых найдет отражение его широкая эрудиция, и сумеет заострить внимание на более узком круге вопросов.

Кравков и Зазубрин, как художники, претворят свое сырье, которое они дают временами в очерках, в художественных произведениях. Орлова, как педагогичка, возможно, даст нам детскую и юношескую художественную литературу. А пока что мы будем искать и стилиа и форм, созвучных эпохе и теме. Видимо, такого рода очерки, какие даем мы сейчас, созвучны современности и они являются той публицистикой, нужда в которой у нас есть. Нам нужны и боевая публицистика и боевая критика, нужны острые политические постановки, нужны статьи о нашем бытии и о нашем сознании.

Кто даст нам публицистику? Мы прежде всего адресуемся к нашим непосредственным практическим работникам, но они в работе советских и общественных аппаратов соприкасаются с журналистикой мало. Ведь всех нас уродует работа, делая нам прививки самого различного свойства — балансовую прививку, прививку партшколы. И публицистика получается не такая, какая нам нужна. Многих хороших публицистов работа погубила, и они работают сейчас в другой области, и хорошо работают. Но их навыки журналиста, к сожалению, проявляются только в писании циркуляров. Едва ли и режим экономии заставит их отказаться от циркуляров, т. к. какая-то норма циркуляров все же будет существовать.

Мы возлагаем большие надежды на молодых художников слова. В области критики и публицистики мы также должны держать курс на молодежь. Опыт Коммунистической Академии показал нам, что молодые ученые умеют очень остро и интересно ставить современные проблемы. У нас Коммунистической Академии еще нет, но с общим ростом образовательной работы публицисты и критики у нас будут.

Былого я касаться не буду, хотя мне и очень хотелось бы поговорить о прошлом. Очень многие темы у нас не затрагивались или затрагивались вскользь и темы очень важные и интересные. Но я думаю, что о былом сегодня мы говорить не будем, во время юбилея надо говорить о будущем. Коснусь только вопросов критики и библиографии. У нас, в «Сибирских огнях», критики почти нет, она занимает крайне небольшой процент. Нет у нас сейчас и критиков. Не совсем сибирским критиком является только Семен Родов. Правда, Сибирь уже оказала и на него хорошее влияние: он осибирячился и пишет книгу о сибирской литературе. Я надеюсь, что выражу общее мнение, если скажу, что мы ничего не будем иметь против того, чтобы Семен Родов остался в Сибири подольше, до конца дней своих, и принес нам посильную пользу.

Критические статьи нам нужны. Через них нужно руководить работой, воспитывать, готовить массу к правильному восприятию художественных ценностей и развивать художественные вкусы. И здесь нам

нельзя держать курс только на «сибирику» — необходимо давать более широкие постановки вопросов критики.

Два слова о библиографии. Наши задачи в этой области сводятся к тому, чтобы дать оценку всего того, что выходит в Сибири и дается о Сибири. Здесь трудно привести цифры, но я думаю, все же, что все, что вышедшее из печати у нас в Сибири, в «Сибирских огнях» отражено. За пять лет по книжкам журнала можно представить полную картину культурного роста Сибири и представить себе вопросы, которые в Сибири выдвигались.

Я говорил здесь об отдельных моментах отдельными штрихами, а теперь попытаюсь сделать выводы. Первый из них — это тот, что за грудой будничной работы мы все упускаем большое значение журнала. Сегодня здесь все было собрано, сгущено, конспектировано, но в нашей очередной будничной работе мы опять будем воевать зачастую с мелочами, с отдельными отрицательными сторонами быта. Так вот, необходимо не упускать всего того, что здесь говорилось, чтобы не потерять перспективу, не забывать в будничной работе значения журнала в будни.

Второй вывод — насчет тех векселей и обещаний, которые ряд товарищей здесь дали. Они чрезвычайно важны, и я мог бы пожалеть о том, что эти обещания не были нам даны пять лет тому назад. Ведь тогда, возможно, было бы неизмеримо легче работать. Но все же я думаю, что не нужно жалеть о том, что «Сибирские огни» сами встали на ноги и не особенно рассчитывали на помощь. Я не хочу сказать, что нам совершенно не помогали. Нас поддерживали и нам много помогали, но не говорили нам об этом заранее, или помогали тогда, когда мы уж очень нуждались. Это хорошо, ибо доказывает, что журнал здоров, что имел в себе какие-то силы, которые помогли ему пройти длинную пятилетнюю дорогу.

И последнее, третье замечание, товарищи. Вот эта пятилетняя работа около журнала всех нас (так же, как и десятилетняя, я сейчас говорю только по отношению к журналу) учит известной дальнорукости, вырабатывает способность не только видеть, но и предвидеть. Моя дальнорукость направляется по тому руслу, которое меня невольно интересует больше всего.

Я вижу в недалеком будущем всех здесь присутствующих, всех посетивших нас в этот скромный юбилейный праздник, в праздник сибирской литературы и сибирской публицистики — не только читателями нашего журнала, но по меньшей мере годовыми подписчиками! (*Аплодисменты.*)

Председатель. Товарищи, мы должны были выслушать еще концертное приветствие Рабиса (союз работников искусств. — *Ред.*), но буря не позволяет прибыть сюда музыкантам, поэтому концерт будет перенесен на вечер поэтов. А сейчас разрешите, товарищи, наше заседание, посвященное празднованию пятилетия «Сибирских огней», закрыть.

Сергей ПАПКОВ

ЧЕКИСТ ПАСТАНОГОВ НА КРУТЫХ ГОРКАХ СТАЛИНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Современная историография содержит множество исследований, раскрывающих историю сталинизма через описание личных биографий деятелей советских спецслужб. Наиболее крупные работы посвящены руководителям ОГПУ-НКВД-МГБ — Ягоде, Ежову, Берии, Абакумову, Серову. Вместе с тем все больший интерес привлекают и менее крупные фигуры — региональные исполнители и деятели террора, в чьих руках находились многие нити сталинской политики и по воле которых также решались судьбы сотен тысяч советских граждан. Биографические очерки о работниках советских спецслужб публиковались либо как персональные жизнеописания чекистов, либо как фрагменты при изучении кадрового состава региональных управлений ОГПУ-НКВД. Ценный материал о чекистских кадрах содержится также в ряде солидных современных справочников.

Публикуемая статья посвящена биографии Константина Константиновича Пастаногова — одного из активнейших деятелей террора 1930-х годов в Сибири, жизнь и карьера которого стали олицетворением истории многих сталинских карателей, вознесенных на вершины исполнительной власти, а затем сброшенных в пучину ГУЛАГа как «нарушители соцзакононости». В подлинном смысле это типичная история работника советских спецслужб эпохи сталинизма, ставшего государственным серийным убийцей наряду с сотнями других подобных персонажей в рядах НКВД. Крутые перемены в карьере этих людей, их быстрый служебный взлет, особые полномочия и высокие награды были столь же закономерны, как и последующее изгнание из властной системы, часто кончавшееся мучительной смертью в тюремных стенах. Подобные «сталинские горки» пришлось испытать многим сотрудникам ОГПУ-НКВД. Но таким, как Пастаногов, повезло больше других: в условиях начавшейся войны в 1941 г. они были признаны властью полезными исполнителями, получили амнистию, были вновь пристроены на службу и в конце концов смогли относительно благополучно закончить свой жизненный путь.

Константин Пастаногов родился в 1907 г. в Красноярске в семье конторского служащего железнодорожной станции. С 1916 г. он учился в начальной школе, но успел окончить только три класса, так как после смерти матери в 1919 г. ему пришлось оставить учебу, чтобы помогать отцу содержать семью. Вскоре отец также заболел и покинул службу. Осенью 1920-го семья переехала на жительство в село Спасское (ныне — с. Венгерово Новосибирской области), где в это время прожи-

вали братья отца, почтовые служащие Михаил и Сергей Пастаноговы, у которых семья получила временный приют и поддержку.

В течение года отец Константина вступил в партию коммунистов и благодаря этому получил должность секретаря волисполкома, а Константин смог вновь пойти в школу. Но с наступлением осенних холодов образование его опять прервалось из-за того, что не было теплой одежды. Пришлось начать самостоятельную трудовую жизнь. В 1921 г. пятнадцатилетний юноша стал работать переписчиком в волисполкоме соседнего села Усть-Тартас. Однако работать пришлось недолго. В начале 1921 г. отца Константина по решению уездного комитета РКП(б) отозвали из Спасского и назначили заместителем управляющего совхоза № 12, в трех километрах от г. Каинска (ныне Куйбышев). Сюда же переехали и остальные члены семьи. Через несколько месяцев совхоз прекратил существование, и Пастаногова-старшего перевели на новую должность — члена правления сельхозкооператива в Спасском.

В 1923 г. Константин вступил в комсомол, а с 1926-го началась его чекистская карьера: он был принят на оперативную работу «специального назначения» в качестве сексота (секретного сотрудника, резидента) информационного отдела в Барабинском окротделе ОГПУ, где ему предстояло пройти определенный испытательный срок для более серьезных дел. При этом официально он являлся членом, а затем председателем райкома профсоюза совторгслужащих и одновременно обучался на заочных курсах киномехаников. Спустя три года Пастаногов был принят на должность оперативного сотрудника (делопроизводителя, затем помощника уполномоченного) ОГПУ и стал активно продвигаться по службе. Теперь он — кадровый советский чекист и кандидат в члены коммунистической партии (с 1928 г.), готовый к исполнению самых ответственных поручений. «Общение с партийным чекистским коллективом было моей и общеобразовательной и политической школой, — писал он в одной из автобиографий. — В непрерывной борьбе со всякими врагами народа формировалось и закреплялось во мне политическое сознание коммуниста»¹.

«Непрерывная борьба с врагами» началась с периода коллективизации: двадцатитрехлетний Пастаногов впервые получает самостоятельный участок чекистской «работы». В феврале 1930-го, на пике кампании по «ликвидации кулаков», его назначают на должность оперуполномоченного ОГПУ по Волчихинскому району на Алтае. С этого периода его жизненные циклы сосредоточились вокруг того, что выражалось понятиями «вскрывал», «ликвидировал», «разоблачал» и «громил». «На месте нового назначения (Волчихино), — сообщал Пастаногов, — я ликвидировал ряд мною же вскрытых контрреволюционных кулацких формирований, направлявших свою вражью работу против организовавшихся в районе колхозов. В марте 1931 года я был направлен на работу в качестве районного уполномоченного ОГПУ по Юдинскому (ныне Чистоозерному) району. Работая в течение года в этом районе, я успешно вскрывал и ликвидировал ряд серьезных контрреволюционных формирований»².

Кроме основных обязанностей «вскрывать» и «ликвидировать», работа в окружном отделе ОГПУ включала одну деликатную функцию. Каждый оперработник обязан был участвовать в «конечной процедуре» ликвидации «кулаков» — приведении смертных приговоров в исполнение. Как свидетельствовал в 1939 г. один из сотрудников НКВД, Горшенин, работавший с Пастаноговым в Барабинском окротделе, «в наряды по применению ВМН (высшей меры наказания. — С. П.) посылались все без исключения, я как секретарь, лицо не опера-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 87.

² Там же.

Майор МВД К. К. Пастаногов (слева) с женой и сыном. 1954 г.

тивное, или мой делопроизводитель Нечаев, также участвовали в этих операциях. Мне даже быв[шим] начальником окротдела Плаховым поручалось иногда оставаться на яме и быть старшим среди оперативных работников окротдела ОГПУ, дабы не допускать безобразий (не было бы у ямы пьяных сотрудников и т. д.)»³. Требование соучастия являлось своего рода чекистской нормой, важной частью служебного долга и карьерного продвижения. Оно прочно связывало чекистский аппарат, формируя круговую поруку и замкнутую криминальную группировку в виде «сплоченных коллективов» на территории действия ячеек ОГПУ⁴. Таким способом режим создавал надежный инструмент для достижения целей по искоренению многочисленных противников.

Весной 1932 г. наступает новая фаза в карьере Пастаногова — его переводят в Омск, где вновь назначают на должность оперуполномоченного. Этот эпизод своей службы он характеризует кратко: «За время работы в Омске я также лично вскрыл и ликвидировал ряд кулацко-бандитских формирований. Успешно боролся со злостными держателями золота, выкопал из земли и передал в фонд государства несколько десятков тысяч золотых рублей. За успешную борьбу с врагами революции в Омске бывшим П[олномочным] П[редставителем] ОГПУ по Запсибкраю (Н. Н. Алексеевым. — С. П.) я был награжден в декабре 1932 г. боевым пистолетом»⁵.

В то время как борьба с врагами и ее специфические законы уверенно вели Пастаногова по служебной лестнице, наполняя жизнь новыми впечатлениями и привилегиями, для остальных его родственников они повернулись обратной стороной. Еще в 1924 г. из партии был исключен отец Пастаногова. В период рабо-

³ Там же. Л. 44 об.

⁴ Развернутое описание этой стороны деятельности ОГПУ-НКВД приводится в работе: Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920—1930-х годах. — М.: Возвращение, 2007.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 88.

ты в потребкооперации он допустил растрату средств, и его осудили на три года. Но основные потери в кругу родных произошли в период коллективизации. В 1930 г. оба брата отца из села Спасского были репрессированы. Их объявили кулаками, а также установили, что в прошлом они служили урядниками в полиции. Михаил Павлович Пастаногов подвергся конфискации имущества и был выслан в Нарымский край, а Сергей Павлович по решению тройки ОГПУ расстрелян «за контрреволюционную деятельность». Пострадала и сестра Пастаногова, работавшая кассиром в сберкассе. В 1933 г. ее обвинили в хищении государственных средств и осудили на десять лет концлагерей по закону от 7 августа 1932 г. об «охране социалистической собственности». Отсидев несколько лет, она была досрочно освобождена и жила в Красноярском крае.

Тем не менее столь компрометирующие факты личной биографии молодого чекиста не смогли испортить ему продвижение по службе. В августе 1933-го его перевели на работу уполномоченным в региональное управление в Новосибирске, в СПО (секретно-политический отдел) ПП ОГПУ Запсибкрая. Здесь открывались совершенно иные возможности и иные масштабы борьбы с врагами: объектами систематического подавления становились теперь не только сельские «кулаки», но и крупные вредительские и террористические «организации» городских и промышленных центров с тысячами участников, а также «диверсионные группы» троцкистов, эсеров и других антибольшевистских элементов, церковно-монархические и националистические «формирования».

В 1939 г., когда чекистские «успехи» Пастаногова внезапно превратились в «служебные преступления» и замаячил призрак тюрьмы, он стал писать пространные письма-покаяния по инстанциям, напоминая о своих заслугах перед партией и НКВД в надежде получить поддержку и избежать «необоснованных обвинений». В одном из них он сообщал: «В 1933—1935 годах я работал уполномоченным, лично ликвидировал и участвовал в ликвидации многих важных формирований». Затем он перечислил «наиболее значительные из этих дел», представив, по сути, список крупнейших операций, проведенных четвертым (секретно-политическим) отделом управления НКВД Запсибкрая. Это были дела:

1. Диверсионной группы на золотопромышленном руднике «Коммунар» ныне Хакасской области; участники группы готовили взрыв новой, подготовленной к сдаче в эксплуатацию электростанции. Бывшие собственники, осужденные за контрреволюционную деятельность кулаки — таков был социальный состав этой группы. Группа была вскрыта и ликвидирована лично мной в конце 1933 г.
2. В 1935 г. ликвидировал к-р организацию, созданную в Нарыме колонией ссыльных анархистов, стремившихся восстановить анархистскую организацию в СССР, пытавшихся завязать связи с закордонными анархистскими кругами.
3. Активно участвовал в ликвидации и проведении следствия по делу вскрытой в 1934 г. в гор. Омске к-р организации т. н. «рабочей оппозиции».
4. В 1935 г. лично вскрыл и ликвидировал в Горно-Шорском районе к-р националистическую организацию, участники которой намеревались установить связи с ойротскими националистами, ставили своей задачей объединение Шории с Ойротией и провозглашение самостоятельного государства, независимого от СССР.
5. В 1935 г. ликвидировал контрреволюционную группу, готовившую отравление слушателей Новосибирского института усовершенствования врачей.
6. В 1936 г. принимал активное участие в разгроме контрреволюционного троцкистского террористического центра, созданного в Сибири ссыльным троцкистом Мураловым, лично разоблачил в следствии члена Центра Сумец-

кого, допрашивал члена Центра Богуславского⁶, разоблачил прибывшего из Москвы в распоряжение Сибирского троцкистского Центра террориста Бермана, пытавшегося еще в Москве по заданию троцкистов совершить террористический акт над тов. Сталиным.

7. В том же, 1936 году, вскрыл и лично ликвидировал в Новосибирске созданную активным кадровым троцкистом Ходорозе⁷ террористическую группу, намеревавшуюся совершить террористический акт над тов. Сталиным и с этой целью пославшей в Москву вооруженного террориста Шлыкова, который, согласно полученных мной материалов, был разыскан, обезврежен и уничтожен.

8. В конце 1936 г. принимал активное непосредственное участие в проведении следствия по делу террористическо-диверсионной троцкистской организации в Кемерово, организовавшей взрыв газа на шахте «Центральная». Лично изобличил в контрреволюционной деятельности участника группы троцкиста Шубина. Дело этой группы общеизвестно под названием «Кемеровского процесса», происходившего в 1936 г. в Новосибирске⁸.

В череде драматических событий по разоблачению врагов Пастаногов обретал необходимый опыт, получал такую чекистскую закалку, которая помогала ему преодолеть всякие сомнения и стать тем, кем он стал, — циничным и безжалостным исполнителем самых грязных политических заказов. Особенно важную роль в формировании его «гибкой» партийно-чекистской морали сыграла борьба с «право-троцкистским подпольем», разоблачение вчерашних большевистских авторитетов. Сам Пастаногов объяснял это следующим образом (в одном из покаянных писем секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г. А. Боркову в августе 1939-го):

За весь период моей работы в органах ОГПУ-НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, никогда ни на йоту не сомневался в ее правоте! Я не сделал политических ошибок в тот период (начала 1930-х годов. — С. П.), во-первых, потому, что тогда мне оказывали ежедневную практическую помощь секретари районных комитетов партии (я тогда работал в деревне), а во-вторых, потому, что и враг-то был отличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден! <...>

Но борьба с троцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачьем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники право-троцкистской организации имели, как правило, партийный билет в кармане, внешне ничем не отличались от честных коммунистов, а будучи арестованными, клялись в том, что всю свою жизнь только и делали, что боролись за генеральную линию партии, а затем... рассказывали о том, как ими готовился взрыв на шахте «Центральная» в Кемерово... как ими готовилось отторжение от СССР Сибири...⁹

⁶ Муралов Н. И. — советский военачальник, быв. командующий Московским военным округом. В 1928 г. сослан в Сибирь за участие в оппозиции. С 1933 г. — начальник сельхозотдела треста «Кузбассуголь». В апреле 1936 г. арестован, подвергнут пыткам, в феврале 1937 г. расстрелян. *Сумецкий М. И.* — советский работник, член ВКП(б) с 1917 г., трижды исключался из партии. На 1936 г. — нач. Лестреста в Новосибирске. Расстрелян в апреле 1937 г. *Богуславский М. С.* — советский гос. деятель, в 1924—1927 гг. — председатель Малого Совнаркома РСФСР. Исключен из ВКП(б) и выслан в Сибирь за участие в троцкистской оппозиции. В 1928—1932 гг. — зам. пред. Сиб. (Зап.-Сиб.) крайплана. В 1932—1936 гг. — начальник строительства и первый директор завода горного оборудования (Новосибирский авиазавод). В августе 1936-го арестован, в феврале 1937-го расстрелян.

⁷ Ходорозе И. Н. — 1896 г. р., член ВКП(б) в 1919—1927 гг. На 1937 г. — товаровед-заготовитель ОРСа треста «Сибстройпуть». Арестован в сентябре 1935 г., расстрелян в апреле 1937 г.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 89—90. Жертвами перечисленных Пастаноговым чекистских операций оказались сотни граждан, расстрелянных или отправленных в лагеря ГУЛАГа. Все они были реабилитированы в 1950—1990-е гг. Подробное описание этих событий см. в книгах: Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. — М.: РОССПЭН, 2012; Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. — М.: Новый Хронограф, 2008; и др.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 165 об. — 166.

Итогом напряженной «борьбы с врагами народа» стало очередное служебное поощрение. В конце 1936 г. Пастаногова переводят на должность начальника отделения, а с 1937 г. — помощника начальника отдела УНКВД Запсибкрая. Это было высокое признание личных заслуг молодого чекиста. Ему всего тридцать, но он уже непосредственно причастен к выполнению важных секретных заданий высшего руководства страны, в ряду которых стояли ликвидация «троцкистского центра» и организация «Кемеровского процесса». 2 июля 1937 г. по решению правительства СССР Пастаногов был награжден орденом «Знак Почета».

В середине 1937 г. в сталинской политике произошел новый поворот. Для каждого чекиста начался отсчет особого периода службы, который не имел еще precedентов в советской карательной политике как по своему размаху, так и по характеру намечаемых жертв. Одна за другой развернулись серии массовых операций НКВД, известных теперь как Большой террор. Объектами разоблачений становились не только бывшие «кулаки», «вредители», «церковники» и другие «бывшие люди», но и сам партийно-управленческий аппарат. Вполне естественно, что старшему лейтенанту госбезопасности Пастаногову пришлось погрузиться в самую гущу этих событий и сыграть в них немаловажную роль. Его стаж и новая должность в региональном аппарате НКВД свидетельствовали о том, что молодой чекист обладал уже навыками опытного оперативника и сформировался как тип особого психического склада и особой морали. Он не только лично участвовал в массовых расстрелах, как другие сотрудники НКВД, но и профессионально освоил особые методы оперативно-следственной работы: подлоги, шантаж, провокации, фальсификацию материалов и изощренные пытки. Все это благодаря старшим «товарищам» и «наставникам», сопровождавшим его на каждом этапе карьеры. В Барабинском окротделе это были М. А. Плахов и М. С. Панкратьев, в Новосибирском УНКВД — начальники управления Н. Н. Алексеев, В. А. Карудский, В. М. Курский, С. Н. Миронов, Г. Ф. Горбач, А. И. Мальцев и начальники помельче — А. К. Залпетер, А. И. Успенский, Д. Д. Гречухин, И. А. Жабрев, С. П. Попов, А. С. Ровинский, А. А. Яралянц, Н. Х. Мелехин и другие.

В июне 1937-го в Западной Сибири началась первая фаза одной из самых масштабных акций НКВД этого периода — ликвидация организации РОВС («Русского общевойскового союза»). Политическое оформление акции целиком основывалось на мифах и фантазиях НКВД, так как никакого РОВСа в Сибири вовсе не существовало, но реальный замысел состоял в уничтожении целого слоя «бывших людей», рассеянных по сибирским просторам, — бывших офицеров царской и колчаковской армий, чиновников свергнутого режима, полицейских, священнослужителей, высланных «кулаков» и прочих «враждебных элементов». Основная часть этих категорий, лишенная гражданских прав, была расселена в начале 1930-х гг. в Нарымском округе Запсибкрая на положении ссыльных и рассматривалась как потенциальная угроза режиму.

В первых числах июля 1937 г. на изъятие «бывших» в Нарыме управление НКВД направило К. К. Пастаногова со специальной бригадой сотрудников. Операция предстояла грандиозная, поэтому в распоряжение новосибирского эmissара был передан весь состав Нарымского окружного отдела НКВД. Разделившись на несколько групп, чекисты разъехались по глубинным районам: проводили массовые аресты в селах и таежных поселках, готовили обвинительные материалы для судебной тройки. «Работали почти круглый день, спали по 3—4, самое большое по пять часов в сутки», — описывал ситуацию один из ее участников, Н. Черных. Пока местные оперативники разоблачали «врагов» на периферии, Паста-

ногов, оставаясь с коллегами в Нарыме, находил время для развлечений: посадив на катер машинисток и кое-кого из жен нарымских сотрудников, катался по реке, выезжал на автомобиле на загородные прогулки, устраивал гулянки, кончавшиеся иногда пьяными скандалами со стрельбой. Но помнил и о выполнении задания. Бывший сотрудник УНКВД Балицкий рассказывал об одном из эпизодов операции по РОВС:

В 1937 году Пастаногов, будучи в Нарыме с бригадой, под предлогом «РОВС» создали провокационные следственные дела как на организацию. Для этого Пастаногов собрал охотничьи ружья, изъятые у арестованных, приказал закопать их в лесу, после чего пригласили представителей из Окружкома и Окрисполкома, зафотографировали вскрытую яму с оружием, якобы приготовленным повстанческой организацией в Нарыме и оформили как повстанческое дело на всех арестованных¹⁰.

В описании самого Пастаногова эта же операция выглядит как героический поход:

В июле — августе 1937 г., будучи командирован в Нарым в качестве руководителя оперативной бригады, я организовал и руководил ликвидацией серьезной контрреволюционной организации, созданной в Нарыме офицерами старой и, главным образом, Белой армий. Эта организация возглавлялась быв[шими] генералами Эскиным, Михайловым, быв[шим] полковником Козловым, через генерала Колчаковской армии Пепеляева была связана с харбинскими белоэмигрантскими кругами и по заданию японской разведки готовила вооруженное восстание против советской власти.

Генерал Пепеляев был допрошен мною лично и уничтожен в 1938 г.¹¹

Экспедиция опербригады Пастаногова продолжалась до конца августа 1937-го и завершилась с огромным количеством жертв: внесудебным порядком (тройкой УНКВД Запсибкрая) были приговорены к расстрелу и различным срокам заключения в лагерях ГУЛАГа несколько тысяч арестованных ссыльных. Все приговоры вскоре были приведены в исполнение. Так маленькая группка вооруженных чекистов смогла без особого труда расправиться с многочисленной массой обреченных людей.

Нарымская операция получила высокую оценку руководителей. В сентябре Пастаногова продвинули на новую ступень, назначив начальником СПО — одного из главных отделов УНКВД (позднее переименован в оперативный) — в связи с тем, что прежний начальник, С. П. Попов, освободил место, возглавив управление НКВД в только что созданном Алтайском крае.

Перед Пастаноговым открылись еще большие горизонты: развернулась серия таких драматических событий, которые заставили даже некоторых чекистов поменять свои прежние представления о политике большевистской партии и «чекистском долге». «Лимиты» и «особые задания» сталинского руководства на аресты и расстрелы «врагов» вылились по всей стране в поток массовых погромов, захвативший также многих советских руководителей как «заговорщиков».

В письме-жалобе 1939 г. (уже после своего падения) Пастаногов перечислял ряд террористических акций, где его личное участие имело ключевое значение. Он опять писал о том, как «вскрывал», «громил» и «ликвидировал»:

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 91.

С сентября 1937 г. по 5 апреля 1939 г. (т. е. за время работы начальником оперативного отдела) под моим непосредственным руководством [отдел]:

- а) активно громил право-троцкистскую организацию в НСО, созданную врагами народа Эйхе и Грядинским,
- б) вскрыл и ликвидировал серьезную меньшевистскую организацию, возглавлявшуюся т. н. Новосибирским национальным меньшевистским комитетом,
- в) разгромил существовавшую в Новосибирске подпольную эсеровскую организацию,
- г) ликвидировал созданную германской разведкой фашистскую организацию среди реакционно настроенной части медицинской интеллигенции,
- д) разгромил церковно-монархическую организацию, располагавшую 3000 руб., предназначенных для проведения контрреволюционной работы и хранившейся в контрреволюционных целях запас колчаковских воззваний и контрреволюционных листовок,
- е) ликвидировал серьезную организацию т. н. «Трудовой Крестьянской партии», организовывавшую и проводившую большую вредительскую работу в сельском хозяйстве края¹².

Архивные документы сохранили для нас убедительные свидетельства о реальных масштабах операций, которые Пастаногов ставил себе в заслугу. Так, в секретном отчете управления НКВД по Новосибирской области (современные Томская, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край) об оперативной деятельности за 1937-й отмечалось, что в течение года количество изъятых «врагов» составило:

- «Право-троцкистская организация, руководители — Грядинский, Воронин, Миллер, Кудрявцев и др.» — 1 011 человек;
- «Эсеровская террористическая шпионско-диверсионная организация» — 617 человек;
- «Белогвардейско-монархическая организация РОВС» — 20 731 человек;
- «Церковно-монархическая повстанческая организация» — 1 562 человека;
- «Сибирский филиал диверсионно-вредительской повстанческой организации «Трудовая Крестьянская партия»» — 3 617 человек...¹³

Эти шокирующие цифры отражают лишь одну из сторон участия Пастаногова и его подельников в кампании террора. Более полную картину позволяют составить сведения о том, что происходило в застенках НКВД. Чтобы подготовить обвинительные материалы на огромное количество арестованных, заполнить различные справки и протоколы допросов, хотя бы по форме напоминающие какое-то следствие, громилы НКВД должны были трудиться не покладая рук. Гораздо проще было бы всех арестованных расстрелять или отправить в лагеря без всяких процедур, но сталинской верхушке важно было сохранять видимость законности, иначе произвол и насилие потеряли бы всякие рамки. Проблема, однако, состояла в том, чтобы заставить арестованных подписывать лживые обвинения и давать показания на других, прежде чем суд или тройка вынесут приговор. Тут нужны были специфические приемы и особое отношение к человеческой морали.

К 1937 г. Пастаногов уже не только твердо усвоил главные приемы ведения «следствия», но и уверенно учил подчиненных чекистскому «мастерству». К этому времени ему удалось достичь высокой эффективности в получении любых признаний арестованных: систематические пытки и истязания стали повседневной частью его «работы». О том, как решались задачи следствия в кабинетах Пастаногова и

¹² Там же. Л. 91—92.

¹³ Архив УФСБ по НСО. Доклад об итогах оперативной деятельности УНКВД по Новосибирской области за 1937 год. Приложение.

его подчиненных, сохранились живые свидетельства, полученные от одного из сотрудников краевого управления НКВД, Бориса Сойфера, отсидевшего в стенах новосибирской тюрьмы более двух лет вместе со многими бывшими партработниками и управленцами. В подробном письме наркому НКВД Л. П. Берии и секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Г. И. Боркову Сойфер писал:

Бывший секретарь Октябрьского райкома ВКП(б) г. Новосибирска Силантьев рассказал мне, что... его в камеру не поместили, а привели сразу в кабинет к Большакову (помощник Пастаногова. — С. П.) и в течение 33-х дней ему был устроен конвейерный «допрос». Его пытали, не выпускали из кабинета, есть давали один раз в день через 3—4—5 дней и не давали спать, заставляя все время сидеть на устроенной для пыток табуретке, и когда, сидя он измученный дремал, Большаков его избивал кулаками под бок. Пастаногов и Большаков продержали его 60 часов стоя на ногах, пока он не упал на пол, так как ноги у него опухли. <...> Он не согласился писать лжи... На 33-й день у него началось сильное кровотечение... В июне 1938 г. он умер. <...>

Арестованный зав. РайЗО Убинского района Шелегов рассказал мне в декабре 1938 года, что в 4 отделе под руководством Пастаногова и Дымнова его пытали, заставляли сидеть на табуретке с подложенными железками, которые резали тело, из ран текла кровь, пять дней держали на «конвейере», били, заставляли стоять...

Арестованный райпрокурор Мариинского района Гранин рассказал, что Пастаногов и Длужинский (заместитель Пастаногова. — С. П.) держали его семь дней на «конвейере» и на выстойке...¹⁴

Не менее трагичной оказалась судьба и самого Сойфера. Он попал под арест в феврале 1937 г. по фальшивому обвинению в причастности в прошлом к оппозиции и тут же был передан сотрудникам СПО, в руки Попова, Погодаева и Пастаногова. Его истязали путем обычного пыточного конвейера, пока он не утратил волю к сопротивлению. На одном из допросов Сойфер выбросился из окна четвертого этажа УНКВД на мостовую, чудом не погиб, но навсегда стал инвалидом. Когда его жена, студентка мединститута, стала звонить Пастаногову и требовать объяснить причины случившегося, а затем написала письмо Сталину и Вышинскому, она также была арестована и подвергнута пыткам. На свободу она смогла выйти лишь спустя четырнадцать месяцев.

Младший лейтенант ГБ
Б. И. Сойфер

Особые следственные «успехи» Пастаногова достигались и другим способом — путем использования провокаторов. Одним из наиболее полезных его агентов являлся бывший коммунист и участник оппозиции Е. С. Франконтель, арестованный в апреле 1936 г., а затем превращенный во внутрикамерного агента по «обработке» заключенных. Подписав с руководством УНКВД письменное согласие о сотрудничестве, этот агент проявил невероятный талант провокатора, сумев склонить к самооговору и вымышленным признаниям большое количество статусных узников новосибирской тюрьмы. В 1939 г., в период расследования «нарушений соцзакононости», Франконтелю пришлось также давать показания на своих нанимателей. Он сообщал:

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 147—179.

...Как я работал, какие методы употреблял, никто никогда не спрашивал, и я никому не говорил. Для Попова и для других моих начальников был важен результат, чтобы человек дал показания. И давали всегда мне самых упорных.

С Поповым я в основном работал по разоружению троцкистской организации и организации троцкистов в Зап. Сиб. ВО. Через меня прошли члены центра: сначала Яковлев, потом Падарин и Кузьмин Н. Н.¹⁵ <...> С Поповым я еще начал работать над правыми (Фомин¹⁶ и весь центр правых).

Второй период можно назвать Пастаноговским. От него я начал получать задания еще при Попове. С ним я работал над партизанской организацией. В частности, большую и очень трудную работу пришлось проделать с руководителем всей партизанской организации Сибири Шевелевым-Лубковым¹⁷ и другими партизанами. Когда Пастаногов остался руководителем отдела, основная работа шла преимущественно над центром право-троцкистов. Через меня прошли из этого центра Воронин, Колотиллов¹⁸ и др. Кроме них, целый ряд людей актива и рядовых членов. После этой работы началась большая работа над параллельным центром право-троцкистов. Через меня прошли Миллер, Шварц, Ляшенко¹⁹. За время работы с Пастаноговым я еще имел задание от него и Мальцева в отношении руководителя монархической организации генерала Пепеляева, что тоже было выполнено. Весь 1938 год прошел у меня над работой с членами право-троцкистской организации (член бюро крайкома, член президиума крайисполкома, секретари парторганизаций и т. п.). Особенная по темпам была работа в этом году над судебными работниками. Через меня прошли семь прокуроров, в том числе два заместителя Баркова²⁰ и председатель обл. суда Островский.

Кроме перечисленных «центров» надо еще упомянуть о работе над центром Трудовой Крестьянской партии (Лелеп, Марковский и др.). Через меня прошел также руководитель центра церковников — Кухман О. Ю.

1939 год начался с завершения работы над право-троцкистами и началом работы над религиозникам. Последнее задание от Пастаногова я получил 15 марта 1939 года в отношении баптиста Ананьина. Моя задача состояла в том, чтобы: 1) войти к нему в доверие и сделаться баптистом, 2) достать от него явки в баптистскую организацию на воле и 3) выявить, что вместе с ней представляет Ананьин как антисоветский человек. Все мною было выполнено²¹.

¹⁵ Яковлев М. Я. — военнотрудовой комиссар, начальник отдела агитации и пропаганды политуправления СибВО, батальонный комиссар. Арестован в апреле 1937 г. по обвинению в связях с троцкистами. Расстрелян в октябре 1937-го. Падарин Н. И. — советский военачальник, на 1937 г. — зам. начальника политуправления СибВО, дивизионный комиссар, арестован как «активный зиновьевец», расстрелян в октябре 1937 г. Кузьмин Н. Н. — советский военачальник, в 1930—1932 гг. — нач. политуправления СибВО. На 1937 г. — нач. водной конторы Омского управления Главсевморпути. В мае 1937-го арестован, в феврале 1939 г. расстрелян.

¹⁶ Фомин Е. В. — в 1932—1937 гг. — зав. Зап.-Сиб. краевым земельным управлением, в апреле 1937-го арестован, в октябре 1937 г. расстрелян.

¹⁷ Шевелев-Лубков В. П. — бывший командир партизанского отряда в период Гражданской войны, арестован в 1936-м как участник троцкистской оппозиции, в июле 1937 г. расстрелян.

¹⁸ Воронин Д. И. — 1-й зам. председателя Зап.-Сиб. крайисполкома. В июле 1937-го арестован, в августе 1938 г. расстрелян. Колотиллов А. И. — зав. сельхозотделом Зап.-Сиб. крайкома ВКП(б), в июле 1937 г. арестован, в октябре 1937-го расстрелян.

¹⁹ Миллер И. М. — в 1935—1937 гг. — 1-й секретарь Новосибирского горкома ВКП(б), в ноябре 1937 г. арестован, в июне 1938 г. расстрелян. Шварц С. А. — в 1937—1938 гг. — председатель Новосибирского облисполкома, расстрелян в июне 1938 г. Ляшенко И. И. — зав. отделом руководящих партийных органов Запсибкрайкома (Новосибирского обкома) ВКП(б), и. о. 1-го секретаря обкома ВКП(б), расстрелян в сентябре 1939 г.

²⁰ Барков И. И. — с февраля 1933-го по февраль 1938-го — прокурор Запсибкрая (Новосибирской области), арестован в марте 1938 г. как участник «правотроцкистского заговора». В результате пыток в 4-м отделе УНКВД покончил жизнь самоубийством 28 апреля 1938 г., выбросившись из окна четвертого этажа.

²¹ Архив УФСБ по НСО. Д. 8437. Л. 367—368.

Между тем с ноября 1938 г. события в стране и внутри самого НКВД стали принимать неожиданный оборот: кампания массовых операций резко сменилась периодом «восстановления законности». Вчерашние чекисты — «герои» и «орденоносцы» — стали один за другим превращаться в «нарушителей», «provokаторов» и «карьеристов». В конце 1938-го — начале 1939-го пали бывшие начальники управлений и главные покровители Пастаногова — Мальцев, Горбач и Попов. Смещены и расстреляны прежние руководители Новосибирского обкома ВКП(б). Вслед за этим стало ухудшаться положение и Пастаногова. Первым сигналом для него было так называемое «детское дело». Оно возникло в результате массового ареста в Ленинске-Кузнецком в феврале 1938 г. «враждебных элементов», одиннадцать из которых оказались несовершеннолетними в возрасте от двенадцати лет. По отработанной методике к детям, как и другим арестованным, применили пыточные приемы и оформили как участников «троцкистско-фашистской организации». Затем обвинительное заключение передали в управление НКВД (в нем уже фигурировали 160 человек), а Пастаногов и Мальцев утвердили его и направили военному прокурору. Только после этого о «деле» стало известно в Новосибирском обкоме ВКП(б). Началось расследование и выявление виновных. На заседании бюро обкома 13 декабря 1938 г. обоим начальникам был объявлен выговор «за халатность и проявленную политическую близорукость».

Но процесс «возвращения к законности» требовал дальнейших разоблачений. На Пастаногова и ряд других «нарушителей» стали поступать новые обвинительные материалы как со стороны жертв арестов, так и сослуживцев. Открылись шокирующие факты многочисленных чекистских преступлений, о которых, однако, старались говорить лишь при закрытых дверях. Пастаногову и другим «пособникам врагов народа, проникшим в органы НКВД», предстояло исполнить роль показательного примера «очищения рядов».

В феврале 1939-го на общем партсобрании сотрудников УГБ УНКВД Пастаногова исключили из списка делегатов на партконференцию Дзержинского района, приняв во внимание выговор по «детскому делу». А 4 марта по решению бюро обкома ВКП(б) четыре руководителя из УНКВД по НСО — К. К. Пастаногов, заместитель начальника УНКВД А. С. Ровинский, начальник 6-го отдела А. В. Баталин и начальник отдела кадров УНКВД Н. С. Кравчинский — были сняты с должностей и уволены из органов НКВД²².

До окончательного краха оставался последний шаг. 13 апреля вопрос о Пастаногове рассматривался на закрытом общем собрании коммунистов УГБ УНКВД «в порядке общей очереди». Собрание началось вечером и продолжалось всю ночь, и только в четыре часа утра перешли наконец к рассмотрению «дела» Пастаногова. После того как выступило несколько сотрудников с осуждением «нарушений», высказался и главный виновник. Он признал, что допустил ряд «ошибок» в работе и, в частности, «не принял мер к своевременному разоблачению врагов народа Горбача и Мальцева», «недостаточно глубоко и внимательно отнесся к отдельным следственным делам, в результате чего люди длительное время напрасно находились под арестом». В итоге было принято постановление: «Пастаногова К. К. как подхалима перед врагами народа Горбачом и Мальцевым и как карьериста, проводившего на практике вражеские дела в следственной работе, создававшего провокационные дела, из партии исключить и поставить перед командованием вопрос о привлечении Пастаногова к уголовной ответственности».

В кампанию разоблачения «незаконных методов» включился и Новосибирский обком ВКП(б), получивший в этот период поток отчаянных жалоб и заяв-

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 124-а. Л. 10.

лений коммунистов из тюремных застенков. Одна из таких жалоб, составленная на тридцати пяти листах, произвела, очевидно, особенно сильное впечатление. Это было письмо Бориса Сойфера о перенесенных им истязаниях, следственных подлогах в УНКВД и попытке самоубийства. О нем секретарь обкома Г. Борков посчитал необходимым лично доложить Сталину. В июне 1939 г. он писал (не соблюдая даже норм общения с вождем):

Направляю Вам заявление б[ывшего] сотрудника 2 отделения 4 отдела УГБ УНКВД по НСО Сойфер Б. И., прошу Вас, товарищ Сталин ознакомиться с этим документом, изобличающим подрывную работу врагов народа пробравшихся в органы НКВД и дать указание тов. Берия, во-первых, о привлечении к уголовной ответственности б[ывшего] зам. нач. УНКВД по НСО Ровинского А. С., работающего в настоящее время в системе Дальлага НКВД, и Пастаногова К. К., не так давно снятого с работы в органах НКВД и исключенного из партии. Ровинского и Пастаногова я просил бы немедленно арестовать...²³

Но арест откладывался, так как из Москвы указаний не поступало. Пастаногов тем временем перешел на положение рядового гражданина. Он устроился работать шофером в Автогужтресте и продолжал рассылать жалостные письма, усеянные вопросительными и восклицательными знаками, с одним известным мотивом: «За что?!» В одном из писем в райком ВКП(б) он писал:

Неужели я, прошедший всю свою сознательную жизнь в партийно-чекистском коллективе, в борьбе с контр-революцией, заслуживаю того, чтобы меня вышвырнуть из этого коллектива, выгнать из партии? Да лучше смерть!!! Я прошу райком справедливее подойти ко мне, подойти так, как партия и тов. Сталин учат подходить к живым людям, не приговаривать меня к политическому расстрелу, а дать возможность на любой работе, пусть она будет самой маленькой, пусть это будет руль грузовой автомашины, что угодно, и на деле доказать, что я был, есть и буду большевиком. Другого пути у меня нет!²⁴

Развязка наступила в конце 1939-го. 20 декабря Пастаногов был арестован и помещен в тюрьму № 1 при УНКВД. Следствие велось почти целый год. 18 ноября 1940 г. под председательством бригадюрнота Г. М. Кулика начался суд военного трибунала, перед которым предстала группа бывших работников НКВД. Пастаногову были предъявлены обвинения в незаконных арестах людей, в основном из числа партийно-советских кадров, работников суда и прокуратуры, в нарушении следственных процедур и в том, что «лично добивался вымышленных провокационных показаний». Суд продолжался почти пять дней. Вердикт гласил: Пастаногова приговорить к восьми годам ИТЛ, лишить звания старшего лейтенанта ГБ и ордена «Знак Почета».

Но в далекие лагерные края ехать не пришлось. Осужденного определили в Новосибирское отделение ГУЛАГа, назначив лагерным старостой. Такой исход дела ясно показывал, что система не только не оставляет своих, но и дает надежные гарантии: начальник УНКВД НСО Ф. М. Медведев вскоре распорядился запретить перевод Пастаногова в какое-либо другое место. Поэтому предстоящий тюремный срок уже не казался таким суровым, как для других заключенных.

Лагерная жизнь протекала в непринужденной обстановке. Как отмечало тюремное начальство, Пастаногов «принимал активное участие в общественной и культурно-воспитательной работе», а также руководил изданием стенной газеты, «заостряя внимание лагерного коллектива на борьбу за лучшие производственные показатели»²⁵.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 144.

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 139.

²⁵ Там же. Л. 185.

Спустя шесть месяцев началась война с Германией, позволившая бывшему чекисту закрыть свое мрачное прошлое и начать новую биографию. В июне 1941 г. Пастаногов написал заявление на имя наркома Л. Берии с просьбой об освобождении из заключения, чтобы включиться в борьбу с захватчиками. Через местное управление НКВД заявление было направлено в Москву, и НКВД возбудило ходатайство. Решение от имени Президиума Верховного Совета СССР пришло только в начале декабря: «Пастаногова К. К. из ИТЛ досрочно освободить и снять судимость». Органы НКВД вновь приняли отвергнутого в свои ряды как полноценного сотрудника.

Реабилитированного чекиста назначили оперативником в партизанский отряд Д. Н. Медведева для участия в специальных операциях в тылу противника. В задачи отряда входило выполнение очень опасных заданий — уничтожение оккупационной администрации, эсэсовских и армейских подразделений врага на территории Украины. Пастаногов участвовал в двух продолжительных боевых рейдах в 1942 г. Во время второй операции в ноябре он получил ранение в плечо разрывной пулей и после этого самолетом был переправлен в Москву. Учитывая просьбу раненого, командование направило его для лечения в Новосибирск, где проживала его семья. В сопроводительном письме в УНКВД по НСО начальник специальных операций НКВД СССР П. А. Судоплатов сообщал: «Тов. Пастаногов в тяжелых условиях фашистского тыла проявил себя смелым, настойчивым чекистом-разведчиком. Прошу оказать тов. Пастаногову содействие в организации лечения, а также оказать помощь в бытовых вопросах»²⁶. В декабре 1943-го демобилизованный разведчик был награжден орденом Красной Звезды.

В Новосибирске Пастаногов очутился в привычной атмосфере. В областном управлении НКВД продолжали работать некоторые из его прежних сослуживцев, готовые оказывать поддержку, здесь же ему предоставили лечение в санчасти и помогли с продуктами. В конце 1942 г. он обратился в обком ВКП(б) с заявлением о восстановлении в партии, подтвердив раскаяние за прошлое. «Ошибки, допущенные мной в 1937/38 г. я понял, — написал он. — Больше никогда не допущу ничего подобного». Ходатайство о пересмотре дела об исключении поддержала парторганизация УНКВД, и 1 февраля 1943 г. обком восстановил Пастаногова в рядах ВКП(б).

После окончательного выздоровления его, как и многих других списанных с оперативной работы, определили на службу в ГУЛАГ. Он стал помощником начальника управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛиК) Новосибирской области. С марта 1945 г. он — начальник отдела по делам военнопленных этого ведомства, а затем — начальник отдела «Смерш» УМВД НСО по обслуживанию личного состава милиции и пожарной охраны. Есть сведения, что на новом месте службы Пастаногов вновь «допускал незаконные аресты» и «применял неправильные методы» следствия, за что «неоднократно переводился на работу в другие области»²⁷.

Для описания послевоенного периода жизни и службы Пастаногова существует не так много доступных материалов, как о периоде 1930-х гг. Известно лишь, что в начале 1950-х он продолжал карьеру в подразделениях ГУЛАГа. К этому времени сеть лагерей и колоний в Сибири уже в несколько раз превышала масштабы эпохи тридцатых годов: сотни тысяч заключенных вместе с военнопленными возводили города, строили новые дороги, шахты и рудники, осваивали огромные лесные массивы края. Для таких, как Пастаногов, имелись широкие перспективы для использования специфических служебных навыков. Как старшего офицера, бывшего чекиста поставили на должность заместителя начальника спецотделения в управлении Спецлеса Севкузбасслага МВД СССР в Кемеровской области.

²⁶ Там же. Л. 188.

²⁷ https://karagodin.org/?attachment_id=28965

Однако вскоре карьера рухнула вновь. В феврале 1954 г., сообщает один из источников, по решению Анжеро-Судженского райкома КПСС Пастаногов был исключен из партии «как не оправдавший доверия». Причиной его повторного изгнания послужил внутриаппаратный конфликт: «написал в обком и политотдел лагеря несколько заявлений, в коих наряду с правильными замечаниями в адрес своего начальника Чижикова, называл его авантюристом и разложившимся человеком»²⁸. В марте 1954-го Пастаногова уволили из МВД. Перейдя на пенсию, он некоторое время жил в поселке Яя в Кемеровской области, а затем в городе Канске Красноярского края. Умер в начале 1960-х гг.

Жизнь и судьба К. К. Пастаногова — во многом типичный путь советского чекиста, заурядного представителя среднего управленческого слоя 1930—1950-х гг., воспитанного зверствами сталинской политики, для которого обслуживание диктатуры было основным смыслом и источником существования. Не освоив даже уровень восьмилетней школы, эти люди стали одной из главных опор государства: получили широкие карательные полномочия и были включены в систему безжалостного подавления реальных или мнимых противников. С такими исполнителями режим мог поступать как угодно: поручал им ликвидацию сотен и тысяч «врагов», после чего без колебаний расправлялся с самими «ликвидаторами» во имя «восстановления законности», а уцелевшим предоставлял новый шанс для продолжения службы. Во всяком случае, они всегда оставались на коротком поводке у режима, воспринимая это как «честное исполнение чекистского долга». Столь специфические взаимоотношения с властью были для них чем-то вроде «русской рулетки», где ставкой служили карьера и жизнь исполнителей преступных приказов, тогда как для самой власти это означало лишь очищение от «грязных пятен» и избавление от лишних свидетелей.

²⁸ Там же.

Народные мемуары

Яна ГЛЕМБОЦКАЯ

СВОИ

Формально короткие тексты Яны Глембоцкой укладываются в жанр мемуаров, но на самом деле эти концентрированные портреты-биографии не сильно отличаются от ее рассказов, в которых персонажами являются приятели и знакомые автора. Разница только в том, что тут Глембоцкая не прячет подлинных имен, герои даны в максимально возможной полноте жизни и судьбы. Максимально возможной — для автора, с ограниченным горизонтом своего видения и памяти, по определению субъективной и избирательной.

Лаконичность, отсутствие какого-либо украшения, трезвость и порой безжалостность авторского взгляда позволяют и нам увидеть въяве и этих женщин и мужчин, и фон, громко говоря, эпоху — а это большая часть исторического существования советской власти.

Яна Глембоцкая в каждом небольшом тексте умудряется совместить и биографии своих героев, и их лирические портреты, и исторический очерк, и свои детские воспоминания. Множественность оптик и точек зрения позволяет автору сжать потенциально безразмерное повествование до кристального состояния синопсиса, заключающего в себе самое главное, и при желании эти тексты можно развернуть если не в эпос, то в семейную сагу.

Наконец, эти тексты еще и автобиографичны, они много, впрямую или по касательной, говорят о самом авторе — ровно так же трезво и не слишком сентиментально, соединяя в двойной оптике пристрастный, невооруженный взгляд ребенка и подростка на жизнь с сегодняшним зрением, сквозь линзы возраста и опыта.

Сергей Самойленко

* * *

Дарья Прохоровна Парфенова, моя прабабушка, была удивительной, и удивительно, что у меня вообще была прабабушка — не всем так повезло. Моя была маленькой, сухонькой улыбчивой старушкой в белом платке, в темном переднике, в темном шерстяном платье. А как пела! Но разве песню расскажешь?

Дарья Прохоровна воспитала девятерых детей — пять девочек и четверых мальчиков — всех очень любила, и внуков любила, и правнуков.

Детей раскидало по всему Советскому Союзу, и прабабушка путешествовала от Казахстана до Украины, помогая своим дочкам и снохам нянчить малышей. Обязательно рождался какой-нибудь малыш, и баба Даша, как ее все называли, ехала тихой скоростью на поезде, чтобы снова быть нянькой. Нянькой она стано-

вилась не только для младенца, но и для его замученных родителей — кормила, убирала, стирала, крахмалила белье, гладила, дружила со всей округой, кормила пирогами всех соседских детей. Пироги она пекла тазами, тесто ставила в эмалированных ведрах.

Жила Дарья Прохоровна с мужем в Тисульском районе на юге Кузбасса, но мой прадед, Сергей Парфенов, скончался 15 апреля 1961 года — по семейному преданию, он уже не вставал несколько дней, умирал от рака легких и очень мучился. Когда Гагарин полетел в космос, деду решили сообщить об этом — уж не знаю, из каких соображений, чтобы порадовался, наверное. Говорят, по щеке его скатилась слеза и он сказал: «От чорт проклятай!» Это были последние слова.

Дед Сергей всю жизнь искал и находил золотые жилы, то есть в буквальном смысле — открывал золотоносные шахты и одну даже назвал «Комсомольская» в честь своих детей-комсомольцев, ушедших на фронт. Дарья Прохоровна была малограмотной женщиной, но очень культурной, с хорошей образной речью и большим чувством собственного достоинства. Говорят, за ней приударял барин один, да она ему отказала, уж больно Сережу своего любила. Но любимый тост ее до самой смерти был почему-то «За тайную любовь!» (это уже когда за столом оставались одни женщины).

Когда в 1948 году родился мой отец, баба Даша поехала на поезде, чтобы помочь своей дочке Лизе с малышом. Фамилию зятя она забыла, но знала, что он инженер и работает на железной дороге, начальником путей, как она поняла. Села баба Даша в поезд со своими пирогами в тазу, перевязанном чистой марлей, и стала выпрашивать у проводницы, не знают ли они такого Ивана, начальника путей, а то ее дочь за него замуж вышла и вот теперь сыночка родила, надо помочь. Ивана никто не знал. Баба Даша описала его: высокий, темноволосый, стройный, на Колчака похож (Колчака бабушка на открытках видела и в газетах). Весь поезд обошли, никто такого Ивана не знает.

— Вот, вспомнила! — говорит баба Даша. — Он недавно ружжо купил!

— Ружье? Охотничье?

— Ну да! Он и охотник, и рыбарь, и шишкарил, и петли на зайцев ставил, и сети вяжет. Таежный мужик, основательный, живишник!

— Ну, допустим, ружье у нас тут один купил. Оно столько денег стоит — полгода, считай, работать надо... Ян Александрович его зовут, Глембоцкий. Большой начальник! Еще до войны в Томске институт инженерный окончил, и на фронт не забрали, в тылу был нужен, сами знаете, эвакуация, мобилизация...

— Вот! Он и есть, Иван Александрович.

— Так что ж ты, бабушка, сказала, что он Иван, если он Ян?

— Дочка его Иваном зовет, так роднее. А Яном называет в строгости, когда он выпьет лишнего или еще как провинится. Но так-то он муж примерный, жалеет ее. Прижимистый и жадноватый, правда, упрямый еще — что есть, то есть. Но на то он и поляк... На Колчака похож больно, даже страшно!

Одним словом, нашла моя прабабушка Дарья мою бабушку, свою дочь, и сына ее, моего отца, Олега Ивановича Глембоцкого, на станции Дария Казахской ССР. У отца в паспорте место рождения так и записано было — станция Дария.

* * *

Моя любовь к бабушке Лизе — Елизавете Сергеевне Глембоцкой (Парфеновой) — делится на два отрезка: до смерти ее сына, моего отца, и после — до ухода из жизни самой бабушки Лизы. Первый был безмятежно счастливым, второй тоже счастливым, но горестно-печальным, так бывает.

Когда мой папа внезапно умер от обширного инсульта в возрасте пятидесяти четырех лет, мы похоронили его в мерзлую землю и приехали в столовую «Кузбас-энерго» на поминки. Нас с бабушкой посадили рядом, а один стул стоял на углу, и она сказала, что не сядет на угол, ей еще замуж выходить. Это была шутка, она шутила, она была внутренне спокойна, я не понимала, как такое возможно. Я пила тогда успокоительное, спасибо первой жене Игоря Мизгирева, Лене Скочиловой. Собственно, Лене я и позвонила, когда из больницы сообщили, что мой отец умер в реанимации. Мы с матерью были не способны принимать решения, организовывать похороны, Лена нас спасла. Но рассказать я хочу не об этом, а о своей бабушке Елизавете Сергеевне — с того дня, как отца не стало, она смотрела на меня с каким-то новым вниманием, она видела во мне его, ведь мы похожи.

Лиза Парфенова появилась на свет в 1926 году в один день с английской королевой Елизаветой II. Моего отца она родила в Казахстане в возрасте двадцати двух лет, во втором браке с Яном Александровичем Глембоцким, который обратил внимание на Лизу еще в Новосибирске, куда ее мобилизовали вместе со стариком-отцом, Сергеем Парфеновым, на военный завод.

Во время работы на том заводе однажды у них украли продовольственные карточки и Лиза продала свой платок, чтобы купить хлеба. Хлеб оказался внутри заплесневевшим, но его прокипятили и все равно съели. Было ясно, что смерть от голода совсем рядом, поэтому Парфеновы дезертировали домой, в Тисуль, где была картошка, кедровый орех, вяленая рыба, заготовленная с зимы, капуста с клюквой.

Прадеду моему Сергею уже было далеко за сорок, последние две дочки родились у них с прабабушкой Дарьей уже на пятом десятке, а всего детей родили одиннадцать человек, но двое близнецов умерли от какой-то детской инфекции.

Дед Сергей, как все его звали уже давно, с рождения первых внуков, был человек уважаемый, его не стали трогать, документы как-то «потеряли». А вот Елизавета в свои восемнадцать лет отправилась бы в лагерь за дезертирство. Но ее спас родной брат Николай, работавший в районе особистом, — приехал и привез ей лично им выписанную повестку на фронт, чтобы уже рано утром, не дожидаясь ареста, Лиза уехала в Поволжье в школу военных шоферов.

Бабушка научилась водить полуторку, оказалась способным механиком, ее оставили в школе как преподавателя для новобранцев, девочек-водителей. Но тут выяснилось, что Лизавета беременна, и ее вернули домой.

Беременность Лиза привезла из Тисуля, где в перерыве между голодом Новосибирска и срочной мобилизацией она успела полюбить немецкого парня по фамилии Раубе, военного разведчика, потерявшего ногу на фронте. Сыграли свадьбу, Лиза переехала в дом к свекрови, родила дочку, назвала Людмилой, потому что очень любила Пушкина, читала «Руслана и Людмилу» потом и мне маленькой.

Свекровь не простила Лизавете, что та зачала маленькую Людочку до свадьбы, во грехе, значит. А может, просто слишком веселая была невестка, да и не немка, а из чадонов. Лиза долго терпеть не стала, поскольку выросла в любящей, счастливой семье, — убежала к родителям. Спросила: примете ли, тятя, с дочкой? Дед Сергей был счастлив. О чем разговор? Девять детей выросли в этом доме, неужели внучка помешает?

Зажили дружно, с песнями, пирогами, рукоделием, большим хозяйством. Малышка стала быстро прибавлять в весе, Лизавета с мужем развелась, тем более он пить стал страшно...

И тут появился Ян Глембоцкий — в форме военного железнодорожника, красивый, часы дорогие, самогон на кедровых орешках привез, меду, сушеной клюквы!

Высватал Лизавету у отца-матери, хотя был он старше невесты на десять лет, с прежней женой развелся, был у него сын в первом браке — все рассказал честно. Ехать, говорит, я должен в Казахстан, нельзя мне ехать без жены, люблю вашу дочь еще с Новосибирска, отдайте за меня!

Лиза ни в какую! Не пойду за него! Он старый, да и не люб он мне! Тут старшая сестра Анна свернула жгутом вафельное полотенце и давай ее стегать:

— Быстро собралась и поехала! Ты что, не понимаешь, что всех ваших женихов поубивало? Вон составы с фронта возвращаются, там мужики за сорок, за пятьдесят, покалеченные. Молодежь вся в землю полегла еще в первый год войны! Не пойдет она! Я тебе сейчас не пойду! Инженер, образованный, обходительный, любит тебя, иди собирайся. Потом спасибо скажешь!

И поехала Лиза с маленькой дочкой — где поездом, где на санях. Пеленки на себе сушила, молоко в груди было, довели девочку здоровой, обосновались в доме при железнодорожной станции. Все как в Тисуле: печка, двор, хозяйство. Баня только плохая была, дымила. Ян нанял кого-то, баню подправили, избу побелили, печь переложили. Продукты дед принимал с составов, проходивших мимо тихой скоростью, — так получал довольствие по накладным: станция была слишком маленькая, чтобы на ней поезда останавливать. Мука, сахар, крупы, консервы... За мясом к казахам ездил, потом ружье купил, охотиться стал, на птицу в основном. Страшно тосковал по тайге, где вырос.

Лиза была очень терпелива и очень любила своих детей. Была у Яна и Лизы еще одна дочка, Танечка, она умерла маленькой от коклюша и пневмонии, которые случились одновременно. Но потом родили Тонечку, назвали в честь бабушки по отцу, Антонины Францевны. Почему-то Тоню в детстве все дразнили Антоном Пафнутьичем, но она не обижалась.

Потом Лизу и всех детей перевезли в Кемерово, старшая сестра Татьяна Сергеевна все организовала. Детям учиться надо, а какая там, на глухой станции в Казахстане, школа? Отец всю жизнь помнил, как прекрасна степь, когда зацветают тюльпаны. И небо над степью помнил.

В Кемерово бабушка Лиза немного работала в школе учителем домоводства. Она все умела — шить, готовить, штопать, вести дом. Девочки ее любили. Наверное, она учила еще доброте и терпению.

Когда я приезжала к бабушке, она меня кормила, потом полагалось «полежать». Это у них еще с тисульских времен было заведено, что все девочки с мамой уходили полежать в спальне на заправленных кроватях. Поговорить, посмеяться, поделиться секретами. Это была, конечно, настоящая психотерапия. Такого чувства безмятежного покоя, защищенности, любви я больше не припомню. Полежать и поболтать с бабушкой и ее сестрами да еще попеть за столом на три голоса — вот вам рецепт душевного здоровья на все времена. Бабушкины сестры — отдельная новелла, даже начинать не буду. Потом расскажу.

Когда я была маленькая, мы очень часто ездили к бабушке Лизе в гости. Она была еще очень молода. Я родилась, ей было сорок три года! У нее даже был «поклонник», как его деликатно называли сестры, это был предмет шуток, впрочем, безобидных.

Собирались, веселились, танцевали, пели, гуляли всей компанией по Кировскому району, на набережную ходили, в Березовую рощу. Я всегда рассматривала домики из окна трамвая, другой мир среди города, как его тогда называли — «частный сектор». Домики были уютные, с дымом из труб, с деревянными воротами, с собаками. Мне казалось, что жить в таком домике — это счастье. Но у бабушки тоже было счастье — блины, пироги, оладьи, хворост, пельмени всей

семьей лепили. Бабушка научила меня шить. Она научила меня жить и всегда стараться быть счастливой.

Вот, например, картина маслом: после рыбалки приходит мой дед Ян, в полушубке, в собачьей шапке, в унтах, на которых по ведру снега, проходит прямо в комнату, начинает рассказывать, как он продавал улов, и кого встретил, и о чем говорили, и кто передает ей привет. Дед слегка выпил, настроение отличное, снег тихонько тает на ковер.

Бабушка тихо:

— Ваня, сойди с ковра!

Дед делает шаг назад и продолжает свою нескончаемую речь плюс немного политинформации. Под ним лужа, но уже не на ковре, а на деревянном крашеном полу. Бабушка идет за тряпкой и ведром. Ни скандала, ни жалоб. Только тихие слова: «Ваня, сойди с ковра!»

После смерти моего отца бабушка сильно сдала. Она не подавала виду, как ей тяжело. Один раз только сказала мне, как ее обидели, показывая наверх, в какую-то высокую небесную инстанцию. Отняли сына — лучшее, что у нее было.

Потом бабушку Лизу сбил мальчик на велосипеде, она лежала с переломом шейки бедра, потом научилась ходить с ходунками. На мальчика того зла не держала, он же ребенок. Ее младшая дочь Тоня (тот самый «Антон Пафнутьич») преданно ухаживала за нашей бабушкой и подарила ей еще несколько лет жизни. Но потом бабушка решительно мне сказал, что ей все надоело, она хочет умереть. Заболела раком ее внучка, моя двоюродная сестра. Бабушка сказала: я не могу смотреть, как умирают мои дети и внуки, мне пора собираться:

— Танечку и Олега я похоронила, дальше давайте вы уж без меня...

У нее был микроинсульт, короткий период деменции, потом она умерла. Даже в деменции она не была страшной. Она то собиралась встать ночью и поставить хлеб в печь, чтобы к утру испекся, — видимо, вспоминая жизнь в Казахстане, то просила дать ей валенки, потому что Ваня ее ждет и они пойдут в клуб на танцы.

В этом состоянии она видела давно умерших родных и могла говорить с ними, передавала им от нас какие-то вопросы и даже получала ответы вполне практического характера.

На поминальный стол готовила я. Борщ получился невероятно вкусный, и котлеты по бабушкиному рецепту удались, и малиновый кисель из замороженной ягоды все хвалили. Я осталась жить в бабушкиной квартире до поминок девятого дня, в Новосибирск уезжать не стала. Кто-то спросил, не боюсь ли я ночевать в квартире, где только что умер человек, — вдруг покойница будет приходить? Я не боялась, это же моя бабушка. И она не приходила.

Она мне снится иногда, и я всегда счастлива ее видеть. Мы разговариваем, она улыбается. Наверное, она там общается со своими детьми, внучкой и сестрами. Сидят за накрытым столом, чай пьют, разговаривают, любят друг на друга, нас ждут.

* * *

Полина Ивановна Вяткина, моя бабушка с материнской стороны, по паспорту была Евпраксией, то есть Прасковьей. Но после 1917 года ее имя вышло из моды, она стала Полиной, то есть просто Пашей. Уже на пенсии она пыталась вернуться к официальному имени и в одном из санаториев сказала, что ее надо называть Еввой. Пожила под именем Еввы двадцать четыре дня лечения и вернулась к привычному ей — Полина Ивановна.

Отношения с этой бабушкой были сложными с самого детства — она была в душе большой актрисой, я же, видимо, в свои пять лет уже была начинающим театральным критиком, а ее сцены и монологи не убеждали. Мое самое раннее воспоминание — как бабушка моет меня в ванне и говорит таким липким, сахарным голосом:

— Вот, Яночка, ты вырастешь, я стану старенькой, ты меня тоже будешь купать в ванной.

Мой детский ум вскипел от возмущения: бабушка и так казалось мне старой, а мыть еще более старую старушку мне совсем не хотелось и делалось страшно от этой мысли. Главной темой для моноспектаклей Полины Ивановны был, конечно, мой дед Павел Тимофеевич Чубасов, который нашел себе «молодую» и ушел от бабушки, как только младшей дочери, моей маме, исполнилось восемнадцать. Ждал он этого момента, чтобы его бывшая жена не написала в партком донос. Она, правда, все равно его написала, но дети уже совершеннолетние, взять с «беглеца и предателя» нечего. Так думал партком.

Моя же бабушка подала в суд иск на алименты — к тому времени она уже вышла на пенсию (у нее был какой-то космический стаж работы учителем), пенсия была хорошая, но маленькая. Денег на санаторий точно не хватало, так что бабушка попросила бывшего мужа доплачивать ей рублей пятнадцать, кажется, к назначенным ей тридцати семи рублям пенсии. Она доказала, что подорвала свое здоровье, ухаживая за мужем и его детьми, так что он ей должен помогать, пока смерть не разлучит их. Дед был человеком благородным, деньги он аккуратно отправлял телеграфом, лишь бы его «бывшая» была довольна.

На самом деле, если бы не этот развод, я не знаю, чем бы жила моя бабушка. Ее артистическая натура требовала драмы, и эта драма теперь была с ней навсегда: она Чубасова ждала с фронта и из лагеря после плена, она отказалась от молодого мужа, за которого вышла, потому что получила похоронку на Павлика, она заставила его учиться, и только благодаря ей Чубасов выучился на инженера, она писала Ворошилову, когда они жили в полуземлянке на месте будущего Горсада, и им дали двухкомнатную квартиру в Кировском районе. И это все она! Она не умела готовить, но когда ей было? Вечерняя школа, сотни тетрадей каждую неделю (русский и литература), а еще надо ходить к врачам, чтобы не пропустить что-нибудь, что может перейти в запущенную форму.

Кроме мужа-предателя, бабушка была помешана на здоровье, и если бы не ее паранойя, то она не протянула бы так долго. Когда бабушка приходила в поликлинику, то все врачи разбежались и прятались по кабинетам, а у кого была возможность — запирались на ключ и сидели тихо. Тем не менее Полина Ивановна Вяткина, держа наперевес свою пухлую медицинскую карту со множеством вклеенных анализов и заключений, врывается в нужный ей кабинет без очереди. Очередь могла попытаться «выступить», и тут все зависело от того, видела ли бабушка среди ожидающих подходящего слушателя. Если да, то она садилась рядом и начинала рассказывать ему (ей) всю свою жизнь до того момента, как жизненный путь привел ее к дверям этого кабинета. Бабушка поочередно лечила то печень, то почки, то сердце, то желудок. Мне она рассказывала, что у нее было три инфаркта, о чем в карточке были сделаны соответствующие записи. Как выяснилось позже, инфарктов не было, но по настоянию пациентки записи о них все-таки внесли.

Два раза в год бабушка устраивала себе курорт на дому, для чего специально поменяла свою двухкомнатную квартиру на Пролетарской на первом этаже на однокомнатную, но с балконом. Она выбирала такой балкон, чтобы на нем солнце было строго до полудня. На балконе бабушка загорала, потом принимала ванну с морской солью и пила минеральную воду, которую я таскала на себе из аптеки

начиная с десятилетнего возраста. Вода была в стеклянных бутылках — «Ессентуки № 4» и еще какие-то «Ессентуки», она их чередовала.

В комплекс оздоровительных процедур входили также воздушные ванны, так что бабушка ходила по квартире в одних трусах, без лифчика. Картина была не очень приглядная, но бабушке было наплевать, стесняться собственной внучки она не собиралась.

Бабушка показывала мне альбомы с картинами на библейские сюжеты, заставила выучить две молитвы и в девятнадцать лет повезла меня в Киев, мать городов русских, чтобы покрестить. Я никак не могла понять, почему Киев — мать, если он мужского рода. Владимирский собор меня потряс, и я согласилась на крещение, священник был молодой и веселый, это было видно даже во время службы. Если бы не бабушка, я бы осталась некрещеной, за это ей спасибо. С тех пор у меня начались какие-то серьезные отношения с православием, я полюбила нашу веру, хотя так и не стала верующей, так бывает.

Но продолжу о бабушке. Сколько себя помню, отец мой с тещей общаться отказывался. Это случилось после того, как бабушка была поймана за руку: она выведывала у меня, пятилетней, пьет ли мама, курит ли, и как часто. Отец после этого выгнал бабушку из нашего дома и запретил там появляться — это удивительный факт, потому что отец мой был человеком интеллигентным, можно сказать, тихим и почти застенчивым. Как ему удавалось при поразительной мужской красоте и обаянии сохранить такую скромную манеру держаться и искреннее желание оставаться в тени, понять трудно. И это, ясное дело, только усиливало его притягательность, причем не только для женщин.

Но вернемся к бабушке Полине — она дожила почти до девяноста лет и пережила своего зятя. Каких-то эмоций по поводу смерти моего отца она вообще не испытала. Кажется, она уже была в том возрасте и на той стадии деменции, когда смерть любого человека вызывает облегчение: слава богу, пока еще не я.

Я пишу все это, и выходит, что от бабушки я не видела ничего хорошего, но это неправда. Попробую восстановить справедливость.

Бабушка очень хотела, чтобы я училась музыке, и в совсем раннем возрасте она водила меня в музыкальную школу. Когда я бросила учиться в одиннадцать лет, она настояла на моем возвращении к занятиям в музыкальной школе и платила шестнадцать рублей ежемесячно за это удовольствие. С ее маленькой пенсией — большие деньги, которые она могла не платить за мои уроки фортепьяно, а ездить каждый год в санаторий вместо «курорта на дому». Бабушка рассказывала мне много о «становлении советской власти» в Сибири, о ликвидации безграмотности, она сама была учительницей с двенадцати лет. От плохого питания она выглядела в то время совсем ребенком, но занималась со взрослыми и старыми людьми, учила их читать.

Бабушка хранила в своем альбоме групповые фотографии учительских коллективов 1930-х годов, где некоторые лица были залиты черной тушью, — она объяснила мне, что люди фотографировались, а к моменту получения фотографий они уже были арестованы, отправлены в лагерь или расстреляны. Фотографии можно было получить, только если замазать лица репрессированных.

Бабушка с одиннадцати лет жила в детской деревенской коммуне, где дети сами должны были себя кормить: вырастить урожай, потом собрать его, сохранить, готовить себе самостоятельно и учиться. Родителей не было почти ни у кого, а у нее были родители, но мать была сумасшедшая немая, отец болел туберкулезом, так что ее тоже никто не навещал. Детство бабушки прошло фактически в детской тюрьме, она видела только тяжелую работу, постоянный холод, голод, вшей и полную неясность будущего. Ее спасали только книги.

Отец бабушки, Иван Вяткин, был человеком неграмотным, но книги любил благоговейно. Он был плотником, зарабатывал порой неплохие деньги и тогда привозил ей с ярмарки из районного центра книги, которые покупал без разбора. В шесть лет бабушка прочитала Людвиг Фейербаха и спросила отца, что такое «рациональное зерно» — отец ей ответил, что не знает такого зерна, но вот она вырастет, выучится, будет знать обо всем и тогда ему расскажет, что за зерно такое и где оно растет.

В сущности, у бабушки была героическая жизнь. Она любила своего Павлика, прожила с ним всю жизнь, считала его своим мужем до конца. Когда он умер, она выбежала в подъезд и стала кричать сквозь рыдания:

— Прощай, Павлик, прощай, моя любовь!

Она не дала ему стать алкоголиком после войны, она заставила его учиться и помогала, чем могла: пока он был студентом, работала на полторы ставки и падала от усталости. Ее любили ученики, я знаю это по их письмам и открыткам, которые она получала к празднику Победы. Праздник Победы был главным праздником, важнее Пасхи. Он и был Пасхой, победой жизни над смертью, весны над зимой, надежды над отчаянием. Последняя моя встреча с бабушкой была в больнице, куда я ее отвезла, потому что ее сын, мой дядя, захотел поехать в санаторий, а ухаживать за бабушкой было некому, я уже жила в Новосибирске. Мне казалось, что она уже ничего не соображает и не реагирует на окружающий мир. Я раздела ее, положила на узкую кровать. Спросила, не надо ли еще чего. Она вдруг попросила меня сказать что-нибудь по-английски. Я растерялась, как это всегда со мной бывает в подобных случаях. Потом я сказала:

— What would you like me to say? I really cannot think of anything.

Она ответила:

— Хорошо, иди.

Больше мы не виделись. Что это было? Она хотела убедиться, что я тот человек, которому надо завещать квартиру? Что я достойна ее помощи? Может быть. Через месяц примерно она заболела пневмонией, уже дома, и умерла за две недели. Я не могла приехать на похороны, хоронила ее моя мама, потому что ее брат все это время пил «с горя».

Бабушка научила меня общаться со стариками не из вежливости, а проявлять к ним подлинный интерес. Она научила меня, что никто не является воплощением зла, надо только присмотреться к человеку. И еще я поняла, что не каждой женщине нужна семья и дети. Ее отец, Иван Вяткин, был против ее замужества и против того, чтобы у нее были дети. Он говорил:

— Панна, зачем тебе это? Бабы детей нарожают, а ты их учи!

Выходит, он был прав, счастья дети моей бабушке не принесли, она не хотела с ними общаться, как и они с ней. Правда, без детей не было бы и внучки, то есть меня. А меня она любила искренне, несмотря на плохой театр, который передо мной разыгрывала.

Когда отец в четвертом классе сообщил мне, что теперь я должна быть по четвергам у бабушки, я была поражена. Никто к ней не ходит, а я должна? Почему? Мой мудрый отец ответил:

— Считаю, что это тимуровская работа. Ты же любишь книгу про Тимура и его команду? Вот и воплощай свою пионерскую мечту в жизнь.

Бабушка научила меня многим вещам, которые мне больше не пригодятся: затыкать щели в деревянном полу мастикой, затыкать окно ватой и оклеивать тонкими полосками белой простыни, намазанными хозяйственным мылом, мыть полы «остирками» (водой, оставшейся после стирки), чтобы клопов не было, варить клейстер для обоев, перелицовывать одежду, штопать носки на лампочке, под-

нимать петли на чулках, экономить на всем, красить пол в кухне частями, сдвигая мебель, а потом возвращая ее на покрашенный пяточок, подшивать воротничок на школьную форму и белые тряпочки (ластовицы) под мышки, чтобы не портить дорогую шерстяную ткань солью.

Спасибо бабушке Полине за все — за то, что с ней было так трудно, и за то, что было часто скучно и мучительно. Но я ни разу с ней не поссорилась за всю жизнь. Потому что тимуровцы не сдаются.

* * *

Татьяна Сергеевна Парфенова — тетя Таня, старшая сестра моей бабушки Елизаветы. Ее все звали «тетя Танечка» — сначала многочисленные племянники, потом дети племянников, потом их внуки. Жених тети Тани, красивый грузин с аристократической фамилией — все говорили, что князь, — ушел на фронт и погиб в самом начале войны, она ушла добровольцем в 1942-м, после его гибели, и до конца оставалась на фронте в звании рядового. После возвращения она вышла замуж за дядю Гришу Алексева, он был веселый человек, инженер и намного старше ее.

После демобилизации тетя Таня пошла работать на военный завод шифровальщицей — передавала и принимала шифровки, лично относила их директору завода, присутствовала на всех совещаниях, и какое-то время ее даже провожали до дома часовые с винтовками, но потом времена смягчились.

Тетя Таня была самой красивой из сестер, у нее был низкий голос — из тех, что завораживают и придают женщине шарм, несравнимый с внешней красотой. Когда сестры пели, тетя Таня всегда вела второй голос, «вторила», как говорили в семье. В ней жила загадка: с одной стороны, тетя Таня была доброй, открытой, гостеприимной до невероятности, с другой — никогда не сплетничала, ничего не рассказывала о себе, о своих годах на фронте, о личной жизни.

Если бы не гостеприимство и доброта тети Тани, то семья моей бабушки, ее младшей сестры Лизы, так и осталась бы в Казахстане, на станции Дария, — но тетя Таня вывезла всех, поселила в своей квартире в Кировском, правда довольно большой, кормила, учила, развлекала. Квартиру, конечно, дали дяде Грише как большому начальнику — это были трехкомнатные хоромы с маленькой комнаткой для прислуги, большим коридором, огромной кухней, высокими потолками. Мой отец, тогда еще маленький мальчик, запомнил, как весело жилось у Алексеевых, где можно было бегать по квартире, забираться на антресоли и в шифоньер, когда играли в прятки, пропадать во дворе, ходить по соседним дворам, кататься на трамвае — в Казахстане трамваев они с сестрами не видели. На трамвае им разрешали кататься даже бесплатно: они садились у дома Алексеевых, ехали до конечной остановки у завода, где трамвай некоторое время стоял, кондуктор отлучалась у диспетчера, а дети тихо сидели по своим местам и затем ехали обратным ходом до дома. Папа вспоминал, что это было волнующее приключение. Долгое время он мечтал поехать на трамвае на другой берег, до Городского сада — там были качели, карусели, духовой оркестр и холодный квас стаканами продавали.

Дома у тети Тани и дяди Гриши Алексеевых постоянно пахло блинами и пирогами, блины заводили в огромной кастрюле, тесто на пироги поднималось в тазу, четверо взрослых, пятеро детей и гости, бесконечные гости!

Дядя Гриша был остроумным и веселым, всегда улыбался и обожал свою жену, тетю Таню, это было ясно. Он очень много курил и умер от рака легких еще не старым человеком.

Тетя Таня продолжала работать на заводе, потом вышла на пенсию, огромную «генеральскую» квартиру в Кировском районе обменяли на маленькую хрущевку в центре. Тогда это был равноценный обмен — Кировский был районом с плохой экологией, отсюда все стремились убежать, особенно после крушения цистерны с хлором и чрезвычайной ситуации с разливом хлора. Анилиноокрасочный завод и производство пороха давали, конечно, вредные выбросы, но еще больше отравленного воздуха приносило со стороны химического комбината, где круглосуточно шло обогащение угля и сжигался попутно вырабатываемый газ. «Лисий хвост» — огромный оранжевый факел десятилетиями горел над левым берегом.

Из фронтовых рассказов тети Тани я запомнила только, что на Новый год елку украшали пустыми пузырьками от лекарств, что бинты стирали и сушили, что во время критических дней на передовой девушки использовали мох, потому что перевязочного материала не хватало, что юбки носили только как парадную форму, а бойцов с поля вытаскивали совсем в другом виде — в мужских штанах, под которые зимой надевали кальсоны, кому повезло их достать, или теплые чулки. Все, конечно, знают, что первая помощь раненым — остановить кровь, зафиксировать переломы и как можно быстрее тащить к хирургам. Но с раненым бойцом еще надо было все время разговаривать, называть «миленьким» и по имени, успокаивать, держать в сознании, «не отпускать». У тети Тани была медаль «За отвагу».

Когда тетя Таня была уже совсем старенькой, ей было уже далеко за восемьдесят, ее привезли на завод, где она работала всю жизнь и где при ней сменилось несколько директоров. Всех своих начальников тетя Таня любила, помнила по имени и отчеству, знала их жен и детей — теперь она шла по галерее с портретами директоров предприятия, останавливалась у каждого портрета, и казалось, что она хочет каждый из них погладить. Она плакала, называла каждого, здоровалась, вспоминала о привычках, словечках, шутках.

Затем ее угостили чаем в кабинете директора, вручили подарок ко Дню Победы: тушенку, сгущенку, водку, галеты, горький шоколад — все, что так ценилось на фронте.

— А вот скажите, Татьяна Сергеевна, как были зашифрованы цеха в ваше время? Я знаю, что какие-то были позывные вместо номеров, всякие зайцы, белки, медведи, лоси, лисы и бобры... Вспомните сейчас, что как называлось?

— Нет, что вы, все забыла, уж память не та...

Потом ее повезли домой на директорской большой черной машине, и тетя Таня, когда выбралась с заднего сиденья перед своим подъездом, сказала:

— А я ведь помню все эти названия, как назывались цеха. Но я подписку давала о неразглашении, и ее никто не отменял.

Заместитель директора, сопровождавший тетю Таню, засмеялся:

— Вот и правильно! Я вам по секрету скажу, что цеха так же и называются в служебной переписке, кто бы их переименовывал-то...

* * *

Мой дед, Чубасов Павел Тимофеевич, родился в 1917 году в деревне Верхотомке, недалеко от Кемерово, в бедной крестьянской семье, а в начале 1920-х годов был усыновлен кулаком Криворотовым, не имевшим родных детей, по семейному преданию — «продан за пуд муки». После раскулачивания приемных родителей вернул себе фамилию Чубасов, скрывал факт усыновления Криворотовым, потому что мечтал стать летчиком — сына кулака в авиаклуб не приняли бы ни при каких условиях.

В авиаклуб дед поступил, до этого получив также профессию химика-технолога, а в 1940 году был призван в Красную армию — его полк стоял на Дальнем Востоке до 1943 года. Был награжден за службу орденом Красной Звезды, но во время одного боевого вылета попал в плен, где оставался до конца войны, при этом гражданскую профессию от немцев скрывал, чтобы не работать на них.

Дед рассказывал, что его подкармливали французы и американцы, тайком давая ему шоколад, который получали в посылках. Эта помощь, в основном от летчиков, помогла деду не умереть от голода, хотя позже в ГУЛАГ он попал с диагнозом дистрофия и таким же вернулся домой в 1947 году — проверки подтвердили, что сотрудничества с немцами не было и что в плен дед попал в тяжелой боевой обстановке, трусом и предателем не был.

После возвращения домой в Кемерово он обнаружил, что его жена вышла замуж повторно, так как ей пришла похоронка на мужа еще в 1943 году — дед выпрыгивал из горящего самолета, и его не видели живым после падения Ил-4.

Моя бабушка Полина Ивановна Вяткина расторгла брак со своим новым мужем Сергеем (фамилию его не знаю) и снова стала женой Павла Чубасова, а Сергей уехал в Москву.

В 1948 году родилась моя мама, Нина Чубасова, семья была выселена из комнаты в коммуналке и купила полуземлянку в Цетинкинском логу, который располагался между Городским садом (сейчас это «Парк чудес») и Третьей городской больницей. Теперь этот лог засыпан, а в то время район назывался Нахаловкой, в нем жила беднота, нищие и неграмотные люди, в основном беженцы из голодавших деревень.

Семья Чубасовых считалась богатой, потому что у них был дом и небольшой огород, оба родителя работали — бабушка была учительницей русского языка и литературы, дед трудился на химическом комбинате и учился заочно в политехническом институте на инженера. У моей мамы даже была няня, потому что из деревни тогда массово бежали из-за голода и высокого налога на личное хозяйство, который крестьяне платили за каждое плодородное дерево и каждую голову скота. В результате происходил массовый забой скотины, спиливали яблони, вишни, даже калину и черемуху, если те были «в ограде». Налог отменили только после смерти Сталина, при Маленкове, народ тут же сочинил присказку: «Объявился Маленков — поедим теперь блинков». И еще помню со слов деда:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надал ему пинков!

Самое вкусное, что мама помнит из детства, — картошка, которую няня жарила без масла прямо на плите. Потом, с началом дружбы с Китаем, появились и яблоки. Их хранили в нижнем ящике комода, яблоки были пересыпаны красивой мягкой стружкой, вероятно, тоже фруктовых деревьев. Мама говорит, что пахло это все вместе просто божественно.

Мама каталась на коньках в Горсаду, полюбила музыку — да так, что ей купили пианино. Пианино стоило очень дорого, на его покупку ушли все деньги от продажи полуземлянки — это уже было после смерти Сталина.

Дело было так: моя неугомонная бабушка, Полина Ивановна Вяткина, написала маршалу Ворошилову, и ее письмо, видимо, прочли где надо. Она писала, что вот, мол, она учительница, с двенадцати лет занималась ликвидацией безграмотности, муж — герой, получил орден Красной Звезды, несправедливо был ре-

прессирован... И что вы думаете? Деду и бабушке дали квартиру в Кировском районе, двухкомнатную, в «сталинке», с балконом. А полуземлянку дед с бабушкой продали...

Не знаю, что писала бабушка в письме к Ворошилову, но теперь на сайте «Подвиг народа» можно прочесть выписку из представления к награде моего деда — документ напечатан на пишущей машинке, бумага пожелтела, но все четко:

...Показал мужество и отвагу в борьбе с врагом нашей Родины. ЧУБАСОВ выполняет боевые задания днем и ночью в сложных метеорологических условиях. С начала боевых действий произвел 2 боевых вылета с успешным выполнением заданий командования, проявив при этом образцы отваги и мужества.

12.07.43 г. своим экипажем на самолете ИЛ-4 в составе девятки участвовал в бомбардировочном налете по скоплению войск и артиллерии противника в районе пункта Ивань. Благодаря умелому маневру от ЗА (заградительная артиллерия. — *Ред.*) и полному использованию огня своего корабля, все атаки истребителей отбил и обеспечил прицельное бомбометание по арт. батареям противника. Уничтожено одно орудие и миномет с прислугой, а также много солдат. Успешное действие экипажа подтверждено командованием 15 ВА и лично маршалом авиации тов. НОВИКОВЫМ.

13.07.43 г. с экипажем на самолете ИЛ-4 участвовал в бомбардировочном ударе по скоплению войск и техники противника в районе пункта Калгановка. Условия полета были сильно усложнены плохими метеоусловиями и сильным противодействием ЗА противника крупного и мелкого калибра до 10 батарей и 16 истребителей МЕ-109. Трудные условия молодого летчика не смутили, он твердо держал свое место в строю до тех пор, пока бомбы его самолета не поразили заданную цель — попали по позиции арт. батарей. Многократные атаки двух МЕ-109 отбили летчика от строя. Один против двух истребителей экипаж активно отбивался. Второй атакой была подожжена правая плоскость самолета. Пламя обхватывало почти весь самолет, второй атакой МЕ-109 был убит насмерть радист и повредил хвостовое оперение. ЧУБАСОВ все тянул ближе к своей территории и на высоте 400—500 м подал команду экипажу покинуть самолет. Сам покинул самолет последним, три человека спаслись на парашютах, самолет сгорел.

ЧУБАСОВ проявил исключительное мужество и отвагу в спасении своего экипажа и твердость воли к выполнению задания командования.

Дед про войну не рассказывал. Иногда только с моим отцом что-то они обсуждали над картой с карандашами в руках.

Когда умер Сталин, моей маме был пять лет. Она прибежала домой вся в слезах, потому что рыдали все от мала до велика. Бабушка в этот момент белила потолок и стены в полуземлянке — здесь все быстро покрывалось копотью. Бабушка в сердцах махнула на маму кистью с известкой и сказала:

— Нашла о ком плакать! О нас поплачь...

Больше мама ничего про тот день не помнит.

* * *

Мой дед по отцу, Ян Александрович Глембоцкий, воспитывался отчимом, поляком. Родной же отец деда служил у Колчака и бежал на Украину после поражения белых, чтобы не подвергать семью опасности репрессий.

К советской власти, кстати, дед претензий не имел — он сумел поступить в железнодорожный институт в Томске и стал инженером. Правда, о своей работе

никогда не говорил — возможно, из-за того, что давал подписку о неразглашении, а может, просто не считал интересной работу инженера. Он не был мобилизован во время Великой Отечественной войны, и мой отец всю жизнь этого слегка стеснялся: у многих отцы были фронтовиками, а его родитель остался в тылу — строил важную железную дорогу в Северном Казахстане, потом обслуживал путевой участок и уехал из Казахстана уже в начале 1950-х годов.

При всей скрытности в делах, связанных со службой (дед был военный железнодорожник, офицер), о тайге, реке, рыбалке и охоте он мог говорить без умолку, и до самой его смерти в кладовке их с бабушкой квартиры стояли широкие короткие лыжи, подбитые оленьим мехом. В бабушкиной квартире было много белых заячьих хвостов, рога лося — и сушеная рыба в окне на лесках между рамами.

Выживать в тайге дед научил его отчим, и дед пытался передать эти знания своему сыну, но мой отец не полюбил тайгу, остался речным человеком — у него был небольшой катер, и все детство я провела на Томи. Мы уезжали на неделю или две, ставили лагерь, купались, ловили пескарей, жарили их на костре в сухарях, но потом советский уклад рухнул, бензин подорожал, лодочная станция пришла в запустение, и Томь я видела только с берега, а не с островов, как раньше.

Дед мечтал, чтобы я танцевала вальс и говорила по-французски, эти офицерские замашки в нем появились, конечно, в годы учения в институте. С годами он становился все проще, некоторые его словечки меня забавляли. Например, к внукам он обращался: «Ах ты, бродяга!» — особенно к малышам. «Бродяга» было ласковым прозвищем почему-то...

Кино по телевизору дед называл уважительно: «картина» — сокращение от «кинокартина», все друзья у него были — «товарищи», и это слово потом перешло к его сыну, моему отцу. Вальс отец мой танцевал очень хорошо и меня научил, а вот беглый французский у меня до сих пор еще в планах.

Дед мне казался всегда очень старым, хотя в год моего рождения ему исполнился всего-навсего пятьдесят один год — по нынешним временам совсем молодость. Выйдя на пенсию, он устроился в ВОХР (военизированную охрану) железнодорожного моста в Кировском районе. Зона вокруг моста была обнесена колючей проволокой, ее охраняли часовые и сторожевые собаки, однако нас с бабушкой, с тетями, дядьями и кузенами пропускали вместе с дедом, потому что под мостом стояли все три наши моторки — дедова «Казанка», наш «Прогресс» и катер моего дяди Валерия Ивановича, женатого на старшей сестре моего отца. Это было, мягко говоря, против правил, но как-то все улаживалось.

В основном выезды «на острова» предполагали пикник и потешную рыбалку для забавы детей, но случались и серьезные приключения. Однажды мы попали в настоящую бурю на реке, и тогда-то я и узнала, что мелкий водоем может оказаться страшнее моря при штормовом ветре. Шторм начался внезапно, и выбора у взрослых не было: на острове нет никакого укрытия, а они вывезли целую компанию маленьких детей — меня, моего двоюродного брата и еще каких-то малышей, уже не помню. Пришлось идти к берегу, преодолевая огромные волны, навстречу ветру с дождем и градом. Было очень страшно, но, когда мы пристали наконец под мостом и нас на руках перенесли с лодок на галечный пляж, это было счастье. Папа улыбался, от него пахло костром, и он в тот момент точно был лучше всех людей на земле.

...Когда мой отец женился на моей маме, дочери фронтовика-летчика, побывавшего в немецком плену и участвовавшего в сражении под Прохоровкой, то начались какие-то тайные разговоры о войне, которые от детей скрывали. Отец и его тесть, мой дед, сидели над картами, рисовали маршруты: я так понимаю, дед рассказывал отцу о местах дислокации части, показывал, где его сбили в первый и

во второй раз. Помню, дед вспоминал, как его экипаж выбрасывался из подбитого самолета и он ждал, когда прыгнут все, потому что командир покидает самолет последним. И вот его прижало воздушным потоком с такой силой, что он с трудом смог выбраться из люка. Прыгнул на нейтральную полосу, добрался до своих, повезло, а во второй раз — не повезло, попал в плен легко раненным, но без сознания. Все это отец мой слушал с жадным вниманием — в тот период он отдалился от своего родного отца, стеснялся отцовской «брони». В конце жизни, уже после смерти любимого тестя, мой отец, как блудный сын, вернется к отцу, их отношения станут снова теплыми, доверительными. Тем более что они были очень похожи, и с годами все сильнее: принципиальность, сдержанность, любовь к музыке, верность женам и нежная любовь к дочерям.

Дед умирал от печеночной недостаточности, сказывались годы постоянного пьянства — никогда не пил запоями, но в последние годы его рацион состоял в основном из водки и белого хлеба, редко бабушка могла уговорить его поесть хотя бы супа. Помню, она позвонила моему отцу и сказала, что дед умирает, надо приехать проститься. Отец поехал в Кировский район на автобусе, с дедом они крепко выпили, так что папа вернулся домой изрядно навеселе, а дед не умер ни завтра, ни через неделю. Прошло еще два или три месяца, пока настал его черед, а потом бабушка попросила похоронить ее рядом, несмотря на сложные отношения в старости: «А то от людей неудобно...»

Теперь я смотрю на фотографии и вижу — правда, похож на Колчака, просто поразительное сходство. И военная выправка, которая, как известно, сохраняется до глубокой старости.

Спасибо, дорогой дед Ян, за фамилию, которую никто не может написать правильно с первого раза, и за то, что меня называли в честь тебя. Никогда не забуду, как ты бросал меня под потолок в большой прихожей трехкомнатной квартиры в доме № 20, что рядом с ДК Кировского района, — было весело и страшно, бабушка стояла рядом и умоляла:

— Ян, отпусти ее! Ты же выпил! Уронишь!

Не уронил ни разу.

Литературная премия «Иду на грозу»

Евгений ОФИЦЕРОВ
Петр МУРАТОВ

УЧЕНЫЙ

Уже сегодня мы должны смотреть далеко вперед,
за горизонты современной науки...

В. Г. Винтер

В 2018 году на полках аптек США появился патисиран — первый препарат, который не только спасает жизни людей, страдающих амилоидной полинейропатией¹, считавшейся ранее неизлечимой, но и открывает новую эру практического использования нового механизма экспрессии генов, которому, по официальным данным, исполнилось двадцать лет. Однако на самом деле этому выдающемуся открытию в 2021 году исполняется пятьдесят пять лет.

Ноябрь 2019 года. В Казанском университете скромно отметили восьмидесятилетие со дня рождения Виктора Георгиевича Винтера — неутомимого новатора, блестящего экспериментатора, талантливого организатора, ученого с большой буквы. Да и просто замечательного человека с непростой судьбой. Именно с его открытий нобелевского уровня фактически началась новая эра в фармацевтике, медицине, ветеринарии и сельском хозяйстве. Но на Западе, а не у нас в России.

А началось все в 1966 году в Токио на IX Международном конгрессе по онкологии. Были доложены сенсационные материалы только что окончившего аспирантуру молодого ученого из Казанского университета Виктора Винтера. Его исследования показали, что целые, интактные, клетки опухоли Эрлиха² выделяют в асцитную жидкость (среду роста клеток) определенное количество низкомолекулярных РНК и ДНК, причем в первые дни роста количество РНК существенно преобладает над количеством ДНК. Исходя из этих и ряда других данных, Винтер сделал вывод, что рибонуклеиновые кислоты выделяются неповрежденными опухолевыми клетками, синтезируются *de novo*³, а не являются продуктом метаболизма внутриклеточных РНК, которых тогда известно было три типа. На 4—5 день роста при массовой гибели опухолевых клеток количество РНК резко уменьшалось, а количество ДНК, напротив, возрастало. Следовательно, существует четвертый тип РНК. Именно такой вывод и был сделан на основе анализа экспериментов В. Винтером.

¹ *Полинейропатия* — наследственное заболевание, разрушающее нервную систему.

² *Опухоль Эрлиха* — быстрорастущая карцинома с крайне агрессивным поведением.

³ *De novo* (лат.) — вновь, с самого начала.

Виктор Георгиевич Винтер.
1973.

Научная библиотека
им. Н. И. Лобачевского Казанского
федерального университета. Фотоар-
хив Ю. И. Фролова. Ед. хр. Ф1-57

коротких) нуклеиновых кислот интактными клетками, и тем более не была известна регуляторная роль РНК, которую также установил Винтер в течение следующих двух лет. А это, между прочим, еще одно открытие нобелевского уровня.

* * *

Широко известна цитата: «Умом Россию не понять...» Но Тютчев ошибался. Это Запад не всегда понятен. Много лет трубят одно и то же: «свет идет с Запада», хотя все знают, что как раз на западе садится солнце и гаснет свет.

Так, начиная с 1972 года миру непрерывно внушали: нефть, газ, железная руда через 5—10 лет закончатся. Прошло уже пятьдесят лет, и мы должны были бы вернуться к каменным топорам, ресурсы для изготовления которых не подпадали под прогнозы Римского клуба. А мы процветаем и не переживаем за нефть и газ. Стоит противоположная задача: как можно больше добыть и успеть продать, пока покупают. То же и с потеплением климата. Если раньше профессор Медоуз⁴ убеждал всех экономить ресурсы с замаскированной целью затормозить развитие стран «третьего мира» и СССР, то сейчас с той же целью по миру разъезжает спецпредставитель президента США Керри, призывая к тому же самому, но уже в более извращенной форме: мы должны не только сократить потенциал развития страны, но еще и выплачивать Западу миллиарды долларов за эмиссию диоксида углерода. И это с учетом того, что территория России — основной поставщик кислорода в атмосферу, ни одна страна на земном шаре не выводит столько диоксида углерода из атмосферы. Все-таки прав был Тютчев, что «умом Россию не понять». Остается «только верить», что вырастет новое поколение, которое этот «свет с Запада» будет раскладывать на составные части, как призма Ньютона, и анализировать. Осталось только избобрести аналог призмы Ньютона.

⁴ Медоуз Деннис — американский ученый, один из самых известных пропагандистов устойчивого развития.

Потратив денег больше, чем на лунную программу, Запад к 2004 году в результате завершения международного проекта по секвенированию (прочтению) генома человека пришел к ошеломляющему выводу. После анализа около 20 000 кодирующих белки генов оказалось, что они составляют всего лишь 2 % общей геномной последовательности. Остальные 98 % ДНК на тот момент были «лишними», и ученые не знали, как это объяснить. Этот факт противоречил принятой концепции эволюции. Ведь в ходе эволюции организмом все лишнее отсекается. Выживают те, кто избавился от старого, утратившего функциональную необходимость. При таком подходе система становится совершеннее, как это произошло в случае с температурой человеческого тела. Эволюция отобрала 36,6 градуса Цельсия, так как при такой температуре вода имеет наименьшую теплоемкость, а следовательно, можно тратить меньше энергии на поддержание постоянной температуры, чем, скажем, при 35 или 40 градусах. А тут 98 % лишнего! Это сколько надо энергии потратить на поддержание такого балласта! Конец теории Дарвина! Нашлись и достаточно пикантные объяснения этому, мол, человек — вершина творения, само совершенство (вспомним температуру), а эти лишние гены нужны для того, чтобы переселиться и выжить на других планетах. Ну или уцелеть в будущей ядерной войне.

Но природа не терпит пустоты, как и лишнего. Чем сложнее организован геном, тем более развит и приспособлен организм. Однако излишнее усложнение генома имеет и оборотную сторону: такая генетическая система становится нестабильной.

Кстати, это относится и к государствам — принципы мироздания едины. Чем сложнее устроена государственная машина, тем менее она устойчива, тем больше требует ресурсов на поддержание целостности и тем выше вероятность ее развала при их истощении. Или еще пример — сегодняшний Афганистан. Двести лет, начиная с англичан, Запад пытается победить государство, которого фактически нет. Есть союз свободолюбивых племен. Невозможно победить то, чего нет.

Аналогию можно провести и на примере вирусов. Мобилизовали все силы на один конкретный вирус, создали вакцину, а этого вируса уже и нет. Есть союз других генетических конструкций, включающий и сам исходный вирус.

Да, природа не терпит пустоты. «Выстрел» прозвучал чуть позже факта обнаружения 98 % «лишнего» генома. Но кто же все-таки выстрелил первым? Пятьдесят пять лет назад никому не известный аспирант Виктор Винтер убедительно показал, что в начале своего развития раковые клетки продуцируют в межклеточную среду новые небольшие молекулы РНК, что свидетельствует о появлении в среде новых клеток. А РНК, как метки, свидетельствуют о наличии этих клеток, или, согласно сегодняшней терминологии, эти РНК являются биомаркерами, и информация о них записана на ДНК, которую считали лишней. Позже Виктор Георгиевич опубликовал на эту тему несколько статей в авторитетных советских научных и, особо отметим, реферируемых на Западе журналах. Ну и что? Только спустя тридцать с лишним лет другие опубликуют громкую статью об открытии новых биомаркеров. И грянет бум, пойдет лавина статей по биомаркерной тематике, но... без ссылок на работы Винтера. Правильно, зачем ссылаться, ведь поисковик не выдает ссылки на его работы, если вводить «микроРНК как биомаркеры рака». Винтер писал, что раковые клетки в начале своего развития продуцируют в асцитную жидкость небольшие молекулы РНК, синтезируемые *de novo*, а слова «биомаркеры» и «микроРНК» появились намного позже. А раз нет, значит, и не нашли. Мало ли что было пятьдесят лет назад в Советском Союзе. Если сами русские на это не ссылаются, то нам-то зачем стараться?

После «экзакуции», устроенной на конгрессе в Токио, руководитель и соавторы Винтера отказались с ним сотрудничать и публиковаться. Виктор Георгиевич десятки раз повторял эксперименты, и они воспроизводились! Сомнений не оставалось: это новый тип РНК, которую клетки выделяют в окружающую их жидкость. С этим еще можно было согласиться, но то, что эти молекулы, как и белки, обладают регуляторными свойствами — это уже слишком! Переписать молекулярную биологию — на это никто в мире не отваживался в течение последующих трех с лишним десятилетий. Десятилетий!

Тем не менее Винтер показал: выделенные из бесклеточной асцитной жидкости молекулы РНК стимулируют прививаемость и рост опухоли. Это вообще посчитали несерьезным заявлением. Однако Виктор Георгиевич был настойчивым человеком, верящим в себя и истинность бессмертной фразы старика Галилея «А все-таки она вертится!», которая, вероятно, вдохновляла его в эти годы. Он настаивал на том, чтобы ему дали завершить аспирантскую работу на эту тему и защититься.

* * *

Виктор Георгиевич Винтер родился 7 ноября 1939 года в селе Духовницком Саратовской области. Отец, Винтер Георг Генрихович, — поволжский немец, мама, Татьяна Васильевна Солдатова, — русская. В начале войны семья была выслана в Казахстан, в село Михайловка Павлодарской области, где родители стали работать агрономами в сортоиспытательном совхозе. Судьба не баловала его семью, выручало то, что советы отца, классного специалиста, руководство района очень ценило. Там же, в Михайловке, Виктор окончил среднюю школу. Кстати, это русское село стоит всего в 11 км от границы с Новосибирской областью и когда-то находилось на территории Сибирской губернии. Получается, что В. Г. Винтер — наш земляк и сибиряк, что, очевидно, отразилось на его характере.

В Ленинградский кораблестроительный институт Виктора не приняли: как пел Высоцкий, «за графу не пустили пятаю» — из ссыльных немцев. Был бы хотя бы из ГДР... Поступил в Семипалатинский зооветеринарный институт, который окончил в 1961 году, два года трудился ветеринарным врачом в Алтайском крае. На излете «оттепели», в 1963 году, ему все же удалось поступить в аспирантуру Казанского государственного университета (КГУ) по специальности «микробиология».

В то время в университетской проблемной лаборатории № 7 под руководством профессора М. И. Беляевой (именно она сделает тот оказавшийся историческим доклад на Токийском конгрессе в 1966 году) начались исследования нуклеиновых кислот опухолевых клеток и нуклеаз как потенциальных противоопухолевых препаратов. Именно там аспирант Виктор Винтер впервые выявил феномен секреции нуклеиновых кислот жизнеспособными опухолевыми клетками. Это сенсационное открытие, несмотря на токийскую обструкцию, все же вызвало оживленную дискуссию среди ученых, а статья Винтера о выходе РНК из опухолевых клеток была представлена академиком В. С. Шапотом в журнале «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины» в 1968 году. По результатам выполненных работ Винтером годом раньше была защищена кандидатская диссертация «Об участии РНК в межклеточных взаимоотношениях при опухолевом росте». Заметим: не просто о выделении РНК, а о ее регуляторной роли. И это — дерзко для тех времен — было вынесено в название диссертации!

В 1972 году Виктору Винтеру удалось пройти научную стажировку в Оксфордском университете. За время этой стажировки он освоил многие совре-

менные методы анализа нуклеиновых кислот и нуклеаз, изучал ферменты, участвующие в обмене ДНК фага Т5. Вернувшись в Казань, Винтер продолжил исследования ядерных ДНКаз и роли РНК в регуляции их активности.

Тогда же он впервые обнаружил наличие ДНКазной активности негистоновых белков хроматина здоровых и опухолевых клеток. На основе этих работ Винтер написал докторскую диссертацию «ДНКазы хроматина нормальных и опухолевых клеток и роль РНК в регуляции их активности», которую успешно защитил в Ленинградском университете в 1979 году. К тому времени он уже четыре года руководил лабораторией по исследованию биохимии нуклеиновых кислот в КГУ.

Результаты докторской ученого стали отправной точкой нового направления исследований биологической роли ядерных ДНКаз и особенностей обмена нуклеиновых кислот в нормальных и опухолевых клетках, благодаря чему Госкомитет по науке и технике поручил Казанскому университету развитие этого направления в первой половине 80-х годов. Интересный факт к характеристике Винтера: в свои неполные тридцать лет, в 1969 году, Виктор Георгиевич возглавил научно-исследовательскую часть КГУ и руководил ею шесть лет.

Профессор Винтер успешно сочетал науку и педагогику. Его вклад в возрождение в Казанском университете кафедры биохимии в 1985 году огромен. При поддержке руководства вуза были восстановлены заброшенные после пожара помещения в восточном крыле университета. Ученый не гнушался тяжелой физической работой, не раз побывав в шкуре и грузчика, и прораба. Он приложил колоссальные усилия к приобретению и освоению первоклассного оборудования, привлечению к работе авторитетных преподавателей, организации учебного процесса. Заведовать кафедрой был приглашен академик И. А. Тарчевский, его заместителем стал В. Г. Винтер. С 1994 года и до конца своей жизни кафедрой руководил уже сам Виктор Георгиевич.

Профессор Винтер был убежден: активное привлечение студентов к серьезной научной работе — главный залог их дальнейшего становления как ученых, а тесное взаимодействие академических институтов и вузов — гарантия успешной научной преемственности поколений. До 80 % выпускников кафедры поступали в аспирантуры ведущих НИИ Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Пущина, Казани. Ученый точно предвидел скорый взрывной спрос на квалифицированных специалистов в области молекулярной биологии.

Когда профессор Винтер выступал на научных конгрессах, съездах, симпозиумах, будь то в России или за рубежом, зал обычно затихал, чтобы по завершении его выступления немедленно зафонтировать бурными дискуссиями. Прозорливость и уникальная научная эрудиция ученого позволяли сразу выхватить суть, увидеть перспективу, организовать плодотворное взаимодействие на стыке научных дисциплин — фармакологии, биофизики, органической и физической химии, оптики и спектроскопии. Под руководством Виктора Георгиевича совместно с Тихоокеанским институтом биоорганической химии были организованы биохимические экспедиции на Дальнем Востоке. В его активе сотни научных работ и публикаций, подготовка более тридцати кандидатов и трех докторов наук.

Винтер являлся членом президиума Всероссийского общества цитологов и иммунологов, Научного совета по химии и технологии возобновляемого растительного сырья. В 2005 году, на последнем году жизни, ученому было присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Республики Татарстан». Признание заслуг, почет и уважение, безусловно, пришли, но не состоялось вручения главного научного «приза» — более чем заслуженной Нобелевки...

МикроРНК были повторно открыты только через двадцать семь лет, в 1993 году, Виктором Амбросом, Розалиндой Ли и Родой Фейнбраум при изучении гена *lin-14*, задействованного в развитии одного из видов червей-нематод. Разумеется, в их исследовании отсутствовали ссылки на работы Винтера, хотя к тому времени несколько их было опубликовано в солидных российских журналах, реферируемых на английском языке.

И опять тишина. И на этот раз научный мир не воспринял значимость полученных результатов: слишком сильно переворачивали они представления о функционировании всего живого на Земле!

И только после третьего открытия в 2000 году, когда была выделена и описана микроРНК *let-7*, подавлявшая экспрессию ряда генов во время переходных этапов в развитии нематоды *Caenorhabditis elegans*, начался бум, связанный с изучением микроРНК.

Подавляющее большинство РНК-транскриптов того, казавшегося «лишним», генома не кодируют синтез функциональных белков. Однако, будучи собранными в кластеры, они обладают фантастически широкими регуляторными функциями. Этих некодирующих РНК два вида. Первые — небольшие, длиной всего 18—25 нуклеотидов, микроРНК. Вторые — более длинные РНК-транскрипты (не менее 200 нуклеотидов), которые названы «длинными некодирующими РНК». По разным оценкам, мишенями этих микроРНК являются от 30 до 60 % всех генов человека, кодирующих белок.

МикроРНК животных и растений высоконсервативны, считается, что именно они представляют собой самый эволюционно древний жизненно необходимый компонент системы регуляции экспрессии генов, играющей важную роль во всех биологических процессах. Разные клетки и ткани синтезируют разные наборы микроРНК, поэтому их исследование может привести к открытию новых молекул. Отклонения в экспрессии микроРНК были показаны при многих болезнях. Помимо внутриклеточной, обнаружена также внеклеточная (циркулирующая) микроРНК.

Еще одно открытие Виктора Григорьевича — дуспиральная структура микроРНК — заслуживало Нобелевской премии! До этого считалось, что двойную спираль может образовывать только ДНК. В работе 1996 года будущие нобелевские лауреаты Эндрю Файер и Крейг Мелло на том же модельном виде нематод показали, что при внесении двухцепочечной РНК можно полностью «выключить» один из генов. Это происходит из-за того, что антисмысловая цепь РНК, комплементарная гену-мишени, вместо ожидаемого повышения экспрессии гена блокирует его синтез. Эта методика получила название РНК-интерференции. Но именно Винтер впервые показал, что микроРНК стимулируют размножение клеток (в его экспериментах это были раковые клетки)! К сожалению, в публикациях нобелевских лауреатов также не было ни ссылок на работы Винтера и его сотрудников, ни упоминаний о первичном авторстве идеи. Постоять за себя ученый не мог, его уже не было с нами.

Раньше считалось: генетические заболевания лечатся только редактированием генома, то есть вторжением в кухню господ бога. А это риск внесения в геном нежелательных мутаций (клетки могут перерождаться в раковые или уходить в апоптоз, регулируемый процесс их гибели), что существенно затрудняло лечение генетических заболеваний человека. Оказалось, что вполне возможно не трогать геном, что достаточно «выключить-включить» гены с помощью метода

РНК-интерференции. Поэтому разработка противовирусных лекарств, препятствующих связыванию вирусных белков с клеткой-мишенью, а также противоопухолевых препаратов оказалась очень перспективной.

Так что же останавливало ученых на пути реализации этой простой идеи? Кто работал с РНК, знают ее коварство: она быстро деградирует под действием особых белков-ферментов — РНКаз, находящихся на поверхности кожи, в слюне и особенно в кровеносном русле. В результате препарат просто не успевает добраться до нужных клеток, гены которых необходимо выключить с помощью микроРНК, поскольку вездесущие РНКазы расщепляют его после введения в организм. После долгих и дорогостоящих попыток фармкомпания практически потеряла надежду на терапевтическое применение этого механизма. Однако решение было найдено российским ученым Алексеем Кошкиным, но уже в Америке. Сегодня у одной только компании Alnylam известно семь препаратов, находящихся на разных стадиях клинических испытаний, которые работают на основе РНК-интерференции. Кстати, Алексей Кошкин когда-то работал в лаборатории академика В. В. Власова в Новосибирском институте биоорганической химии СО РАН и так же, как и Винтер, вполне заслуженно мог бы претендовать на мировое официальное признание. Но даже упоминаний его имени в работах по этой тематике за последние десять лет не найти. Символично, не правда ли? Хотя на старые публикации Кошкина по замкнутой нуклеиновой кислоте, или LNA-РНК, имеется более трех тысяч ссылок.

Мишенями лекарств на основе микроРНК являются не только заболевания, связанные с образованием амилоидных бляшек (например, болезнь Альцгеймера — старческое слабоумие). Впервые система доставки двухцепочечных микроРНК (РНК-интерференция) была предложена в 2010 году, первое успешное клиническое испытание препарата, созданного на ее основе, состоялось в 2016-м, что доказало перспективу использования микроРНК для лечения многих генетических заболеваний человека. То, что казалось фантастикой десять лет назад, сейчас реальность. Правда, пока еще очень дорогая реальность.

Параллельно с химической защитой микроРНК от ферментов-нуклеаз используется другой подход, хотя и менее надежный, — защита микроРНК путем создания липидных наночастиц, состоящих из внешнего слоя, образованного липидами с полиэтиленгликолем и холестерином, и внутренней полости, заполненной буфером, в которой и находятся окруженные катионными частицами микроРНК. И опять же именно Винтер впервые обнаружил, что микроРНК образуют экзосомы (наночастицы, по современному). Именно он впервые показал, что организмы защищают свои РНК, включая их в сферические образования типа липосом. А это тоже тянет на Нобелевскую премию (уже четвертую).

Виктор Георгиевич Винтер. 1973.

Научная библиотека
им. Н. И. Лобачевского Казанского
федерального университета. Фотоархив
Ю. И. Фролова. Ед. хр. Ф1-57

К настоящему моменту описаны тысячи микроРНК человека и других видов, однако эта цифра может существенно возрасти с усовершенствованием методов их поиска. Разработаны различные методы изучения, созданы онлайн-базы последовательностей микроРНК. Их модифицированные формы появились на полках аптек Запада в виде лекарственных препаратов, количество которых будет только увеличиваться, тесня традиционные препараты. МикроРНК стали находить применение в селекции и ветеринарии. Действительно, началась новая эра в терапии, фармакологии и сельском хозяйстве. Но мы никогда не должны забывать, что у ее истоков стоял советский и российский ученый, профессор Казанского университета Виктор Георгиевич Винтер.

* * *

Кто виноват и что делать? Извечные исторические российские вопросы.

Кто виноват, что Винтер не получил заслуженного мирового признания и не стал нобелевским лауреатом? Вопрос философский. Можно, конечно, привычно критиковать систему или пенять, как сейчас выражаются, «коллективному Западу» на его ангажированность в пользу «своих». Русским ученым нужно совершить нечто абсолютно бесспорно приоритетное, чтоб только получить возможность номинироваться на Нобелевку. Или, на худой конец, оказаться в соавторстве с западными учеными, в том числе русского происхождения. Но так было всегда, достаточно вспомнить Д. И. Менделеева, не удостоившегося более чем заслуженной Нобелевской премии. Без сомнения, так будет и в обозримом будущем (не хочется говорить «всегда»).

Можно также вспомнить и Ползунова, опередившего Уатта со своим паровым двигателем, и Можайского, поднявшего в воздух летательный аппарат раньше братьев Райт, и Попова, явившего миру радио раньше Маркони, и Лодыгина, зажегшего электролампочку раньше Эдисона.

В одном ряду с ними стоит и Виктор Георгиевич Винтер, опередивший свое время на несколько десятилетий. Конечно, его открытия нельзя увидеть — в отличие от детищ упомянутых гениальных русских изобретателей. И вначале они были только постулированы, ведь иногда за открытие действительно можно принять экспериментальный артефакт. Однако Винтер первый в мире понял и убедительно обосновал, что то, что он обнаружил, — это новый тип РНК.

Вообще-то умение увидеть то, чего не видит больше никто в мире, — признак гениальности. Но... Один в поле не воин. К сожалению, в науке это высказывание справедливо очень и очень часто, когда ученый не только опережает свое время, но и не получает поддержки от своих же собратьев-ученых. Причем они могут работать рядом, что называется бок о бок. Градация реального успеха в науке сильно размыта. Имя, авторитет в науке имеют значение, пожалуй, даже большее, чем в других сферах человеческой деятельности. И, как следствие, самомнение, высокомерие, необъективность в науке тоже, к сожалению, встречаются сплошь и рядом. Можно представить, как экс-аспиранту Винтеру было обидно, когда после токийской конференции он не получил поддержки от своих же руководителей. Его не просто не поддержали, а отказали в сотрудничестве и совместных публикациях, хотя наверняка до этого поддерживали, чувствуя, что «тут что-то есть». Недаром профессор М. Беяева озвучила результаты исследований Винтера не где-нибудь, а на крупном международном конгрессе.

И еще один момент. Гонения на Винтера — как на конкурента, как на ученого — было организовано много. В результате он готов был уволиться из университета и перейти в другой вуз. Все это здорово отвлекало от научной деятельности.

Исторически на каждом факультете складывалась группа профессоров, определявшая политику и общественное мнение о каждом члене коллектива. Их позиция зачастую становилась доминирующей во время выборов заведующих кафедрами, на защитах диссертаций. Как правило, известные честные ученые-преподаватели не участвовали в закулисной жизни и деятельности таких групп. Но с этим явлением и им приходилось считаться. В переломные моменты жизни университета подобные группы сразу нескольких факультетов объединялись, и тогда события входили в историю под названием «профессорской бузы» (официальное название).

В истории Казанского университета известны две такие «профессорские бузы», причем связаны они с именами великих А. М. Бутлерова (тогда он был ректором университета) и Е. К. Завойского, не получившего Нобелевскую премию за открытие явления электронного парамагнитного резонанса исключительно по политическим причинам. Обоим в разное время «бузотеры» не дали защитить диссертации в родном университете, проголосовав против. Однако и тот и другой через несколько месяцев блестяще защитились в Московском университете, что, безусловно, вызвало крайнее недовольство «бузотеров», посчитавших для себя оскорбительным тот факт, что их мнение проигнорировали. Поэтому их энергия после этих защит направилась на борьбу с неугодными им преподавателями. В итоге и Бутлеров, и Завойский вынуждены были перебраться в столицы, став академиками, вписавшими золотыми буквами свои имена в анналы мировой химии и физики.

Винтер, безусловно, был мудрым человеком, но некоторые черты авантюризма, в первую очередь научного, и пофигизма в отношении чиновников ему были присущи. Тем не менее, учитывая опыт далеких предшественников, ученый не стал защищать докторскую диссертацию в Казани, а блестяще сделал это в Ленинграде. Виктор Георгиевич всегда понимал: в масштабах мировой науки уровень его работ был пионерским. Именно этот уровень и вызывал зависть профессорского окружения университета. Возможно, переберись Винтер в Москву, Питер или Новосибирск — и его судьба и научная карьера сложились бы успешней, но как перевезти с собой свое детище — кафедру биохимии, которой ученый отдал сердце, душу и столько сил?

Так что делать? Работать дальше. Работать, думая только о результате. И Виктор Георгиевич Винтер работал. А нам сегодняшним нужно сохранить память о нем. О нем и всех тех, кому, без сомнения, ее величество история еще воздаст должное. И эта статья — маленький шаг на пути к этому. Как показывают происходящие события, «в Россию можно только верить». И нужно верить.

P. S. Сотрудниками Федерального медико-биологического агентства России разработан этиотропный противовирусный препарат для лечения COVID-19 «Мир-19», в настоящее время завершается вторая фаза клинических исследований. Препарат состоит из двух компонентов: действующего вещества — малых интерферирующих РНК («МИР») и пептида-носителя. С помощью активного компонента — микроРНК — препарат разрушает конкретный участок генома вируса, отвечающий за его репликацию (способность к размножению). В результате лабораторных испытаний российские ученые обнаружили, что «Мир-19» в десять тысяч раз снизил концентрацию вируса у инфицированных животных. Этот препарат можно считать первым в мире средством, способным специфически лечить COVID-19.

И это не просто средство, а средство из класса малых РНК, открытых Винтером. Но для того, чтобы использовать мощный потенциал этого открытия, России понадобилось ровно пятьдесят пять лет.

Владимир ЧИРКОВ

**О ПАССИОНАРНОСТИ
КАК ДУХОВНОМ «ВЛЕЧЕНИИ»
КОНСТАНТИНА ВОЙНОВА**

Искусствоведческие письма

Языческий восторг перед непостижимостью мироздания...

К. С. Войнов

Письмо первое. Этническая теория пассионарности Льва Николаевича Гумилева, несмотря на жесткое сопротивление строгой академической науки, все же прижилась в той же академической науке, а со временем приобрела универсальный характер: о пассионарности сегодня не говорит разве что ленивый. Поставив термин Гумилева в заголовок, я обязан привести слова ученого о пассионарности: это «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели... и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради этой цели». Из уст ироничного Гумилева звучит пафосно, но верно: ни большой науки, ни большого искусства без жертв на Руси не бывало и не бывает. Кстати, в новейшей истории «пассионарность» обрела родственницу в виде «креативности» — способности создавать новое, исходя из внутренней мотивации человека. В нашем случае — мотивации Константина Семеновича Войнова, героя сегодняшних писем.

Красноярский живописец родился и вырос в деревне Усолке, в трехстах километрах от Красноярска. В 2010 году картинную галерею на малой родине открыл, публично признавшись: «Помню, как мне хотелось увидеть настоящее искусство, живых художников, а возможностей не было. И если благодаря галерее хоть в одной душе божья искра зажжется, значит — не зря мы здесь собрались». Константин и учился в родных пределах — в Красноярске, пройдя все ступени художественного образования: училище, институт, творческая мастерская Академии художеств — это и есть гумилевский «кормящий ландшафт» Константина Войнова.

Однако, имея представление о творчестве автора в целом — о его пейзажах, о портретах императоров, генсеков, ветеранов войны и современников, — понимаю: что-то не стыкуется в моем раскладе о Войнове. Своим творчеством он как бы опровергает мой тезис о пассионариях, но предлагает другой: о сочетании несочетаемого. Будем разбираться.

Письмо второе. О «Розовых облаках». Так называется ранняя работа Константина, которую он написал в 1994 году, в пору стажировки в академических мастерских у Анатолия Павловича Левитина, к слову сказать, так много сделал

шего в изобразительном искусстве Сибири и для него. Судя по контексту, «Розовые облака» автобиографичны — это очень личные воспоминания автора о счастливой поре, о детстве, проведенном на берегах реки Усолки, когда можно голышом лежать на речных мостках среди облаков, отраженных в пронзительно синей воде, под крики низко летающих ласточек, растворившись во вселенской тишине деревни. Согласитесь, редкий в современном искусстве случай столь гармоничного (или, скорее, идеалистичного) образа мира и человека в нем.

В это же время написан и лирический пейзаж «Утро» (1995) — с видом на деревню и «ласковую речку Усолку», которая, слившись с другими речками, устремляется к «могучему телу Енисея» — так емко Константин комментирует (автор обладает даром слова, думаю, со временем мы познакомимся с его «записками художника») перерастание частного в общее. Я не случайно употребил слова из иного — философского — лексического арсенала. Любопытна пассионарность Константина Войнова: художник, напитавшись от частного, конкретного места его рождения, «томим жаждою» иного. Эту жажду не назовешь всеядностью, но с удовольствием признаешь творческой потребностью художественного распознавания мира в формах самого мира. Константин категорически не формалист в общепринятом смысле этого термина, но он реалист в традиционном понимании искусства, благодаря чему общается с самыми широкими слоями его почитателей. Об этом говорят персональные выставки работ художника, созданные как в пространстве его красноярской ойкумены, так и далеко за пределами страны нашей, о чем я и составлю сейчас короткое письмо.

Письмо третье. Про дальние пределы Войнова речь, а их немало: Франция, Индия, Южная Корея, Сирия, Иерусалим, Таиланд, где художник «холсты красил». В сентябре 2016 года в Красноярске Константин устроил выставку этюдов «Исповедь странника». Слово «исповедь» религиозного происхождения, оно ко многому обязывает, и потому обычно художники обходят подобные названия, именуя свои экспозиции. Константин Войнов, напротив, настаивает на исповедальности, потому что, берусь сказать, где бы он ни находился и что бы он ни видел перед собой, он полнит свою пассионарность прежде всего — для раскрытия сути и образа места своего, то есть Красноярья, где он родился, вырос, учился, работает.

По содержанию выставка Войнова 2016 года показывает глубинный, исследовательский, чисто художественный багаж, который Константин привозит из своих поездок. Тут не обойдешься привычным набором слов «натурные этюды для автора — это неиссякаемый источник для творчества», путешествия — та самая кладовая знаний о «цвете и особенностях пейзажа» в иных землях — в сравнении с родными местами. Наш разговор подводит к мысли о том, что поездки в иные края для Войнова оказываются «магическим кристаллом», через который уточняется его видение своей «округи» — Красноярья. Тут и проявляется пассионарность художника: в выявлении уникальности своего места бытия и просвещении соотечественников. Войнов в этом смысле — художник-патриот: не книжный, не «вообще», а патриот по жизни.

Письмо четвертое. «Родословная Енисея». С таким названием в 2015 году вышел небольшой альбом живописи и графики Войнова с короткими эссе-комментариями самого художника к картинам. Состав альбома подтверждает мое заявление о пассионарности Войнова, рожденной, как мы видим, «питающим ландшафтом». «Родословную Енисея» художник постигает, двигаясь с юга необъятной Сибири, от Тувы с ее гортанным пением, и Хакасии с древними менгирами, и где на сопках Саян «цветет бадан», на север, к «золоченым (определение Войнова. — В. Ч.) берегам» Енисея. Автор готов раствориться в бесконечных пространствах

тундры. Раствориться, чтобы встретиться с эвенками, кетами, долганами, ненцами, нганасанами. И воспеть их живописными красками — редкостно яркими, цветоносными, с «жарками, туманами, закатами». По принятой в специальной литературе терминологии подобные композиции называются этнографическими, но в их бытовом характере Войнов увидел возвышенный смысл повседневной жизни местных этносов, который вызывает «языческий восторг» автора. И решил возвышенный смысл их бытия цветом — насыщенным, выразительным, прибегая к формальному приему — желто-зеленому цвету тундры, но чаще всего красным цветом, приобретающим у Войнова символический смысл — смысл победы тепла человеческой жизни над холодом полярной природы. Пожалуй, мы впервые встретились с подобной формальной трактовкой цвета у художника реалистической традиции. Помимо художественного значения, коллекция «этнографических» работ Войнова еще имеет и ценный познавательный, даже научный потенциал. Мы прослеживаем жизнь северных народов, связанную с мифологемой «ловец солнца». У северных народов распространен миф, что солнце можно поймать арканом. «Главный дефицит севера — это дефицит тепла, дефицит света во время полярной ночи, — поясняет Войнов сюжет картины “Ловец солнца”. — И когда эта ночь надвигается, то возникает естественное желание как-то отсрочить наступление мрака и холода, хоть ненадолго задержать пламенеющее на горизонте светило и продлить благотворное действие его лучей».

В заключение приведу слова самого Константина Войнова, которые, как мне кажется, подтверждают правильность нашего основного тезиса о пассионарности творца, умеющего концентрированно, не расплываясь, собирать силы для цельности своего творчества: «Живописное произведение рождается лишь тогда, когда, помимо всей необходимой грамоты, выучки, школы, художник выливает в красочные сочетания всю свою любовь или ненависть, радость или меланхолию, весь свой жизненный опыт и всю свою душу, вплоть до нанесения последнего мазка нужным цветом в нужном месте. Лишь эта живая энергия заставляет картину жить... Лишь эта энергия одухотворяет все, даже самое обыденное и привычное».

АВТОРЫ НОМЕРА

Глембоцкая Яна Олеговна — кандидат филологических наук, завкафедрой истории театра, литературы и музыки Новосибирского государственного театрального института, проректор НГТИ, член Союза театральных деятелей, постоянный автор «Петербургского театрального журнала» и журнала «Около», автор статей по теории и истории литературы, русской и зарубежной. Живет в Новосибирске.

Голубев-Курильский Александр Владимирович родился в Южно-Сахалинске в 1960 г. Окончил Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище. Работал судоводителем на транспортных и рыбопромысловых судах Дальнего Востока, преподавал на учебном судне. Печатался в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Полдень. XXI век» и других. Живет в Краснодаре.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книг «Сукины дети», «Двенадцать затмений луны», «День чистой воды». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза писателей России и Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Лобанов Валерий Витальевич родился в 1944 г. в Иванове. Окончил Ивановский государственный медицинский институт. Более 30 лет работал анестезиологом-реаниматологом в ЦРБ г. Одинцово Московской области. Публиковался в журналах «Арион», «Юность», «Урал», «Новый мир», в «Литературной газете», «Новой газете» и других изданиях. Автор шести поэтических книг. Член Союза российских писателей. Живет в Одинцове.

Муратов Петр Юрьевич родился в 1962 г. в Казани. Окончил Казанский государственный университет. Кандидат биологических наук. Автор книг «Встретимся на “Сковородке”», «Воспоминания о Казанском университете». Живет в Кольцове (Новосибирская область).

Назаров Игорь Владимирович родился в 1970 г. в Киселевске. Окончил Кемеровский государственный университет по специальности «правоведение». Работает юристом. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса». Победитель ряда конкурсов прозы и драматургии. Лауреат премии «Сибирских огней» за 2018 г. Живет в Киселевске.

Офицеров Евгений Николаевич — доктор химических наук, профессор. Выпускник химического факультета Казанского университета. В 1980—1994 гг. — ассистент, доцент, заместитель декана биологического факультета, завкафедрой биохимии КГУ. С 2009 по 2019 г. — декан факультета химико-фармацевтических технологий и биомедицинских препаратов Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева. Живет в Москве.

Папков Сергей Андреевич родился в 1954 г. Окончил Новосибирский государственный университет. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор. Автор нескольких книг, в том числе монографии «Сталинский террор в Сибири. 1928—1941» (1997), и десятков научных статей по политической истории Сибири. Ответственный редактор и составитель «Книги памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области» (вып. 1—5, 2005—2018 гг.). Живет в Новосибирске.

Радашкевич Александр Павлович родился в 1950 г. в Оренбурге, вырос в Уфе. В 70-е годы жил и работал в Ленинграде. Эмигрировал в 1978 г. в США, работал в библиотеке Йельского университета (Нью-Хейвен). В 1984 г. переехал в Париж, где работал редактором в еженедельнике «Русская мысль». В 1991—1997 гг. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Автор 12 книг поэзии, прозы и переводов. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей во Франции. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, сербский, болгарский и арабский языки. Живет в Париже.

Францев Александр Викторович родился в 1981 г. в поселке под Архангельском. Работал вахтовым методом — кожегаром в котельной, грузчиком, рабочим на стройке, сторожем. Публиковался в журналах «Новый мир», «Сибирские огни» и др. В настоящее время проживает в Архангельске.

Чирков Владимир Федорович родился в 1947 г. Кандидат философских наук, доцент. Член комиссии по искусствоведению и художественной критике ВТОО «СХР». Автор более 300 публикаций и научных трудов, куратор выставочных и научных проектов. Живет в Омске.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 22.03.2022. Дата выхода № 4 за 2022 г. в свет 23.04.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.